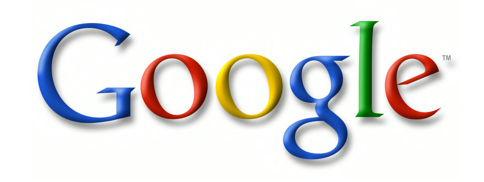

А. В. Пѣшехоновъ.

Земельныя нужды деревни

и основныя задачи аграрной реформы.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., № 34.
1906.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены двѣ статьи. Одна—„Земельныя нужды деревни“—была напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ“ въ 1903 и 1904 гг. и затѣмъ перепечатана въ сборникѣ „Нужды деревни“. Другая статья—„Основныя задачи аграрной реформы“,—появившаяся первоначально въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, была написана въ апрѣлѣ 1905 г. Не смотря на то, что статьи написаны въ разное время и при существенно различныхъ обстоятельствахъ соціально-политической жизни, онѣ объединены общимъ взглядомъ на сущность аграрной проблемы и на основныя задачи аграрной реформы въ Россіи. Въ виду этого я и рѣшаюсь ихъ вмѣстѣ предложить читателямъ.

Земельныя нужды деревни.

(По работамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

I.

Въ ряду соціальныхъ проблемъ, которыя стоятъ передъ современнымъ человѣчествомъ, аграрный вопросъ приходится считать самымъ сложнымъ и самымъ труднымъ. Такимъ представляется онъ и на высотахъ теоретической мысли, и въ низахъ практической политики. Общественная наука тщетно пытается разобраться въ экономической исторіи и сельско-хозяйственной дѣйствительности, чтобы уловить тѣ общія тенденціи, какимъ слѣдуетъ въ своемъ развитіи самая старая и самая важная отрасль производства—производство насущнаго хлѣба. Время отъ времени появляются, конечно, теоретики, которые думаютъ, что ими найдены, наконецъ, „законы“ сельско-хозяйственнаго развитія; общественному вниманію предлагаются схемы, которыя должны охватить все прошлое и настоящее сельско-хозяйственной жизни; въ активъ науки вписываются обобщенія, которыя считаются способными бросить свѣтъ въ далекое будущее. Не успѣютъ, однако, эти обобщенія овладѣть умами современниковъ, какъ та же наука начинаетъ оспаривать ихъ въ цѣломъ рядѣ „отрицательныхъ инстанцій“; схема не охватитъ еще многихъ категорій фактовъ, а ея рамки оказываются уже тѣсными: ученый еще не переживетъ радостнаго возбужденія, какимъ сказалось въ немъ умственное творчество, а червякъ сомнѣнія уже точитъ его душу. Истина, найденная въ одномъ уголкѣ жизни, часто

не находитъ себѣ признанія въ цѣломъ рядѣ другихъ. То, что еще вчера представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ, сегодня оказывается очень и очень сомнительнымъ. Современная наука,—не будемъ обманывать себя,—безсильна даже въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ намѣтить процессъ развитія аграрныхъ отношеній. Сколько-нибудь увѣренно она не можетъ отвѣтить на основные вопросы даже относительно ближайшаго будущаго. Какъ пойдетъ эволюція сельскаго хозяйства: путемъ ли дальнѣйшей его дифференціаціи или новой интеграціи? побѣдитъ ли крупное хозяйство или мелкое? восторжествуетъ ли индивидуализмъ или прежде, чѣмъ онъ отпразднуетъ побѣду, коллективизмъ уже начнетъ свои завоеванія? На эти вопросы со стороны людей науки можетъ быть только одинъ честный отвѣтъ: не знаемъ, ignoramus.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе, казалось бы, ясный изъ подобнаго рода вопросовъ. Благодаря необычайнымъ успѣхамъ въ транспортномъ дѣлѣ, къ участію въ міровой жизни теперь призваны почвы Индіи, Южной Америки, Австраліи, всего міра. На нашихъ, можно сказать, глазахъ начался и протекаетъ громадный по своимъ размѣрамъ и значенію процессъ такъ называемаго „разсѣянія“ земледѣлія. Каждая отрасль сельскаго хозяйства ищетъ и должна найти на территоріи земного шара наиболѣе подходящее для себя по естественнымъ условіямъ мѣсто. Можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе, что эволюція сельскаго хозяйства идетъ въ совершенно опредѣленномъ направленіи,—въ направленіи раздѣленія труда между странами? Но развѣ въ жизни имѣетъ мѣсто только этотъ процессъ? развѣ въ ней нѣтъ другихъ тенденцій? и, въ частности, развѣ техника прогрессируетъ только въ транспортномъ дѣлѣ? При умѣломъ удобреніи и тщательной обработкѣ даже песчаныя дюны даютъ лучшія и, главное болѣе вѣрныя жатвы, чѣмъ тучныя дѣвственныя почвы. Благодаря успѣхамъ тепличной культуры, нѣжные фрукты и очаровательные цвѣты жаркихъ странъ съ успѣхомъ выращиваются теперь даже въ сѣверныхъ широтахъ и,—что особенно важно при данномъ хозяйственномъ строѣ,—обходятся нерѣдко дешевле, чѣмъ вы-

росшіе при самыхъ лучшихъ естественныхъ условіяхъ. „Дешевый уголь, — говоритъ Томсонъ, — дешевый виноградъ, вотъ и весь секретъ“ [1]). И кто знаетъ, „огородною культурою“ еще не отвоюетъ ли Европа пшеницы у Америки и Австраліи, а „разсѣянныя“ нынѣ отрасли сельскаго хозяйства не соберутся ли еще около какой-нибудь угольной копи или въ необозримыхъ лѣсахъ сибирской тайги.

Посмотримъ на другой не менѣе общій и столь же стихійный процессъ дифференціаціи. Еще недавно, неразрывно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, отрасли производства одна за другой пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Ткацкіе станки, разсѣянные когда-то по крестьянскимъ хатамъ, уже отобраны у нихъ городскою фабрикой. Мельничный жерновъ, представлявшій необходимое дополненіе каждаго земледѣльческаго хозяйства, перемѣстился сначала къ рѣкѣ въ спеціально построенныя для него, хотя и невзрачныя зданія, а теперь, преобразовавшись въ стальной валъ, приводимый въ движеніе паромъ, онъ начинаетъ занимать громадные дворцы, которые спѣшно строитъ для него индустрія. Послѣдняя отбираетъ у деревни не только обработку добываемыхъ ею продуктовъ, но и выработку орудій и матеріаловъ, необходимыхъ для сельскохозяйственнаго производства. Вмѣсто навознаго удобренія, которое рачительный хозяинъ собиралъ въ своемъ дворѣ, она предлагаетъ искусственные туки, приготовляемые на принадлежащихъ ей заводахъ; вола и лошадь, выращивавшихся въ самомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, она грозитъ вытѣснить паровыми и электрическими двигателями, которые готовитъ фабрика. Результаты этого процесса предусмотрѣть не трудно: отъ сельскаго хозяйства останется лишь остовъ, добываніе пищевого сырья сдѣлается един-

---

[1]) Цитируемъ по книгѣ „Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла“, перев. съ англ. А. Н. Коншина, изд. Посредника. Въ этой книгѣ извѣстнаго, хотя и не названнаго въ русскомъ изданіи автора, являющагося горячимъ сторонникомъ сближенія производства съ потребленіемъ, собрано не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности въ промышленной сферѣ тенденціи къ интеграціи.

ственной его функціей. Можетъ ли, однако, этотъ процессъ завершиться? Жизнеспособными въ наши дни оказываются вѣдь лишь тѣ сельскохозяйственныя единицы, которыя сохранили или—еще лучше—возобновили непосредственныя связи съ индустріей. Сельскохозяйственныя экономіи съ техническими производствами процвѣтаютъ, пользующіеся промысловыми заработками крестьянскіе дворы живутъ еще сносно, а чисто земледѣльческія хозяйства и мѣстности неизмѣнно почти пребываютъ въ угнетенномъ состояніи. Легко понять, что при данномъ хозяйственномъ строѣ это не случайность. При господствѣ мѣновыхъ отношеній, при оцѣнкѣ продуктовъ, соотвѣтственно количеству вложеннаго въ нихъ труда, хозяйство, чтобы конкуррировать съ другими, должно функціонировать круглый годъ и не может ограничиться сезонною лишь работою. Иначе, какъ бы оно ни ограничивало размѣры своего капитала, какъ бы оно ни эксплуатировало входящую въ его составъ рабочую силу, вырученными за продукты деньгами оно не покроетъ издержекъ своего производства. И кто знаетъ, соціальная необходимость не заставитъ ли вновь усложнить сельское хозяйство, и отдѣлившіяся отъ него отрасли не вернутся ли опять въ деревню, хотя бы и въ обновленномъ своемъ видѣ.

На подобные вопросы современная наука, какъ мы уже сказали, безсильна дать опредѣленные отвѣты. Она не можетъ сказать рѣшительное „да“, но она не въ правѣ отвѣтить и категорическимъ „нѣтъ“. Дѣло въ данномъ случаѣ, конечно, не столько въ наукѣ, сколько въ самой жизни. Послѣдняя слишкомъ сложна, слишкомъ богата всякаго рода возможностями, слишкомъ неустойчива въ свойственныхъ ей тенденціяхъ. Предоставленная дѣйствію многочисленныхъ и разнообразныхъ, нерѣдко совершенно ей чуждыхъ и иногда прямо противоположныхъ другъ другу силъ, сельскохозяйственная среда находится въ крайне неустойчивомъ равновѣсіи и какъ бы ждетъ сознательнаго вмѣшательства людей, чтобы протекающая въ ней жизнь получила, наконецъ, опредѣленное направленіе. Здѣсь, въ сферѣ аграрныхъ отношеній, человѣку, казалось бы, легче всего

противопоставить стихіямъ свою разумную волю и сказать рѣшительное слово по жгучимъ для него вопросамъ.

Между тѣмъ, въ отношеніяхъ политическихъ дѣятелей къ аграрной проблемѣ проглядываетъ особая непослѣдовательность и нерѣшительность. Лишенная увѣренныхъ указаній науки, общественная мысль въ своихъ программныхъ построеніяхъ, касающихся деревни, то забирается въ дебри далекаго отъ жизни доктринерства, то вязнетъ въ трясинѣ ничтожныхъ по ихъ соціальному значенію палліативовъ. Значеніе этихъ программныхъ недочетовъ усугубляется особенностями той среды, изъ которой выходятъ нынѣ дѣятели, призванные внести сознательную мысль въ стихійныя движенія жизни. Выростающая въ городской обстановкѣ и подъ городскими вліяніями, современная интеллигенція легко теряется въ деревенскихъ вопросахъ. Она то преклоняется передъ деревней, то смѣшиваетъ ее съ грязью; то окрашиваетъ ее всю въ одинъ сѣрый цвѣтъ, то пестритъ яркими красками городскихъ противорѣчій; то городу она рекомендуетъ деревенскую правду, то деревенскую жизнь желаетъ передѣлать по городскому укладу. Какъ ни великъ размахъ этихъ увлеченій, какъ ни противоположны они въ своихъ крайностяхъ, но ни то, ни другое изъ нихъ не можетъ, однако, считаться благопріятнымъ моментомъ для устойчивой и выдержанной работы. Встрѣчаясь съ подлинною дѣйствительностью, не оправдывающею предвзятаго къ себѣ отношенія и часто вовсе не совпадающею съ усвоенною доктриною, общественный дѣятель легко теряетъ вѣру и въ свои силы, и въ свои планы.

Сфера аграрныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣетъ свои особенности, которыя не могутъ быть обойдены въ общественной программѣ. Элементы, общіе всей соціальной средѣ, въ деревнѣ встрѣчаются въ своеобразныхъ сочетаніяхъ: въ ней выработались свои соціальные типы, имѣются свои экономическія „категоріи“. Англійскій лэндлордъ, котораго noblesse oblige, благородство обязываетъ, не можетъ быть упрощенъ до буржуа-рентьера, умѣющаго обрѣзывать только купоны. Крестьянина нельзя отождествить ни съ капиталистомъ, ни съ пролетаріемъ. Интересы, которые въ

городѣ дифференцировались и пришли уже въ непримиримое противорѣчіе, въ деревнѣ нерѣдко оказываются объединенными. Для идеологовъ, привыкшихъ руководиться городскими мѣрками, это до крайности затрудняетъ выборъ опредѣленной позиціи. „Служеніе отечеству“, къ чему крупные землевладѣльцы якобы призваны своимъ рожденіемъ, и культурныя функціи, которыя могутъ быть ими выполнены, благодаря повышенному образовательному уровню, заслоняютъ въ глазахъ многихъ ихъ соціально-экономическую роль въ исторіи и современной жизни. Призракъ ренты, витающій гдѣ-то около крестьянина, мѣшаетъ другимъ видѣть въ немъ придавленнаго нуждой рабочаго. Аграрная проблема представляется сложной не только ученому въ его изысканіяхъ, но и политическому дѣятелю въ его пожеланіяхъ; она трудна не только для ума, но и для сердца.

Особенно сложнымъ и труднымъ аграрный вопросъ представляется у насъ, гдѣ экономическая проблема такъ тѣсно нереплелась съ правовой и культурной, денежное хозяйство съ натуральнымъ, крѣпостныя формы съ капиталистическими. Группировка общественныхъ силъ при этомъ получаетъ подчасъ до чрезвычайности странный характеръ. Взять хотя бы вопросъ объ общинѣ. Въ ряду противниковъ ея мы встрѣчаемъ и убѣжденныхъ сторонниковъ индивидуализма, и страстныхъ приверженцевъ коллективизма; съ другой стороны, въ числѣ защитниковъ ея мы находимъ и тѣхъ, которые видятъ въ ней одинъ изъ оплотовъ принудительнаго авторитета, и тѣхъ, которые надѣются найти въ ней одну изъ гарантій экономической свободы. Между тѣмъ, данный вопросъ не представляетъ исключенія. Такую же путаницу понятій и отношеній мы встрѣчаемъ по цѣлому ряду другихъ вопросовъ, составляющихъ въ своей совокупности то, что называется аграрной проблемой.

Между тѣмъ, эта сложная и трудная проблема является въ настоящее время для Россіи одной изъ самыхъ острыхъ.

Сельскохозяйственная промышленность переживаетъ трудное время не только у насъ, но и во всемъ старомъ свѣтѣ. Обезсиленное отпаденіемъ цѣлаго ряда производствъ, составлявшихъ когда-то его органическую часть, и опутанное

цѣлымъ рядомъ лежащихъ на землѣ рентныхъ, податныхъ и ипотечныхъ обязательствъ, европейское сельское хозяйство въ послѣднія десятилѣтія пригнетено еще конкурренціей заокеанскихъ странъ, съ ихъ новыми, свободными отъ соціальныхъ путъ и полными неиспользованныхъ богатствъ землями. Западно-европейскія страны находятся, однако, въ данномъ случаѣ въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Россія. Обладая широко развитою и прочно поставленною индустріею, Европа имѣетъ возможность ея доходами покрыть убытки сельскохозяйственнаго производства и тѣмъ ослабить переживаемый послѣднимъ кризисъ. Въ рамкахъ существующаго строя уже найдено подходящее для этого средство. Путемъ соотвѣтствующей таможенной политики, она измѣняетъ въ выгодную для сельскаго хозяйства сторону расцѣнку продуктовъ и, такимъ образомъ, до извѣстной степени возстановляетъ равновѣсіе, нарушенное общественнымъ раздѣленіемъ труда и развитіемъ мѣновыхъ отношеній. Протекціонизмъ съ ярко выраженнымъ сельскохозяйственнымъ характеромъ охватилъ уже почти всю Западную Европу и въ послѣднее время нашелъ себѣ сторонниковъ даже въ классической странѣ свободной торговли—въ Великобританіи. Въ послѣдней онъ грозитъ принять еще болѣе опасную для нашей страны форму, такъ какъ въ случаѣ успѣха чемберлэновскихъ плановъ выгодами проектируемаго имъ покровительства воспользуются конкуррирующія съ нами и несравненно болѣе сильныя, чѣмъ мы, колоніи. Это, конечно, не рѣшеніе аграрнаго вопроса, а только отсрочка, продиктованная нежеланіемъ затрогивать основы даннаго соціально-экономическаго строя.

Но для насъ и отсрочка невозможна. Сельскохозяйственный кризисъ захватилъ Россію со слабо развитою и крайне неустойчивою промышленностью. Вывозя сырье и ввозя фабрикаты, мы должны нести всю тяжесть невыгодной для сельскаго хозяйства расцѣнки продуктовъ на міровомъ рынкѣ. Въ сферѣ таможенной политики для насъ невозможно найти коррективъ къ гибельной для сельскаго хозяйства мѣновой конъюнктурѣ. Чтобы обезпечить путемъ таможеннаго покровительства притокъ денежныхъ рессур-

совъ, достаточный для покрытія лежащихъ на землѣ обязательствъ, а также связанныхъ съ сельскохозяйственнымъ производствомъ и все растущихъ, благодаря продолжающейся дифференціаціи, денежныхъ расходовъ, мы должны бы установить въ той или иной формѣ премію за каждый пудъ хлѣба, выбрасываемый за границу. Наши аграріи не разъ уже доходили до этого пункта въ своихъ пожеланіяхъ. Легко, однако, понять,—что это несбыточная мечта, порожденная взбудораженными аппетитами, а не серьезная мѣра, которая могла бы занять мѣсто въ государственной программѣ. Вывозныя пошлины могутъ сколько-нибудь существенно измѣнить расцѣнку продуктовъ только на внутреннемъ рынкѣ, и, стало быть, весь избытокъ въ средствахъ, который достался бы при этомъ на долю сельскихъ хозяевъ,—въ видѣ ли премій изъ государственнаго казначейства или въ видѣ переплатъ внутренняго потребителя на вздорожавшемъ хлѣбѣ,—долженъ быть найденъ внутри страны, въ русскомъ карманѣ. Но гдѣ же этотъ карманъ, изъ котораго можно было бы регулярно перекладывать деньги въ дырявую мошну сельскохозяйственныхъ производителей? Возможность выполненія несравненно болѣе скромнаго пожеланія, а именно, чтобы часть податной тяготы была переложена съ земли на промышленность, и та при русскихъ условіяхъ представляется болѣе чѣмъ проблематичной. Даже ликвидація протекціонной системы, освобожденіе сельскаго хозяйства отъ налога не только на государственныя нужды, но и въ пользу торгово-промышленнаго сословія не можетъ у насъ пройти безболѣзненно. Объ этой первой и самой неотложной, быть можетъ, операціи легче говорить, чѣмъ ее выполнить. Наша индустрія, вскормленная за сельскохозяйственный счетъ, и по сей день живетъ на средства деревни. Выращенная въ тепличной обстановкѣ, подъ защитою высокой стѣны таможеннаго тарифа, въ атмосферѣ всякаго рода премій, льготъ и субсидій, изуродованная казенными заказами и развращенная уже стачками и нормировками, она не только не можетъ вынести на своихъ плечахъ тяжесть народной нужды, но и сама не въ состояніи устоять безъ посторонней помощи. Съ какой бы

гордостью и съ какимъ бы умиленіемъ намъ ни указывали на ея „гигантскій ростъ“, мы имѣли уже время и возможность понять, что это не взрослый работникъ, который поможетъ народу тянуть его лямку, а хилое дѣтище, которое является тяжелой обузой въ трудную минуту народной жизни.

Безпомощное положеніе, въ которомъ находится Россія передъ лицомъ глубокаго кризиса въ міровой хозяйственной жизни, до нельзя отягчено еще ея правовою и культурною отсталостью, обезсиливающею ее въ международной борьбѣ за существованіе. И это тяжелое положеніе съ каждымъ днемъ,—съ каждой новой мѣрой, которую предпримутъ наши западные сосѣди, съ каждымъ новымъ шагомъ, который сдѣлаютъ они и ихъ колоніи на пути общественнаго или техническаго прогресса,—будетъ все усиливаться и обостряться. Аграрная проблема для насъ не праздная выдумка, и не случайная прихоть заставляетъ насъ взяться за ея рѣшеніе. Это—вопросъ о томъ, чтобы сохранить народное производство, а вмѣстѣ съ нимъ и національную независимость. Сельскохозяйственные комитеты, приглашенные сообразить мѣры, необходимыя для поддержанія сельскохозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда, это, конечно, только первая и самая несовершенная попытка призвать общественную мысль къ практическому разрѣшенію очередной, несказанно важной и безусловно неотложной задачи.

Если мы не разрѣшимъ ея во время, не разрѣшимъ сознательными и планомѣрными усиліями, то передъ нами встанетъ суровая дилемма: или сойти съ исторической сцены хорошо уже знакомой намъ дорогой недоѣданія и хроническихъ голодовокъ, или искать себѣ метрополію, которая съ чемберлэновскою готовностью взяла бы насъ подъ свое высокое покровительство.

II.

Такимъ образомъ, если мыслить даже абстракціями и думать не о людяхъ, ради которыхъ нужны производство и національная независимость, а объ этихъ послѣднихъ, какъ о самодовлѣющихъ сущностяхъ, то и въ такомъ случаѣ аграрный вопросъ представляется для насъ настолько важнымъ и острымъ, что при разрѣшеніи его нельзя останавливаться ни передъ какими мѣрами и ни передъ какими институтами. Дѣло, однако, не въ производствѣ, не въ сельскомъ хозяйствѣ и т. п. сущностяхъ, а въ живыхъ людяхъ, которые скрыты за ними. И если я нашелъ необходимымъ своему изложенію предпослать рядъ „абстрактныхъ" соображеній, то лишь считаясь со склонностью людей создавать себѣ фетишей и съ наличностью въ русской общественной средѣ дѣятелей, сознательно или безсознательно старающихся выдвинуть ихъ на авансцену жизни.

Нашлись такіе дѣятели, конечно, и въ составѣ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Наиболѣе яркимъ ихъ представителемъ, можно думать, явился г. Меморскій. „Насъ спрашиваютъ,—заявилъ онъ въ засѣданіи нижегородскаго комитета,—какъ поднять настоящее положеніе сельской промышленности, а не о томъ какъ сдѣлать людей счастливыми". Въ ставленникѣ нижегородскаго купечества, заинтересованнаго въ хлѣбѣ, лишь какъ въ источникѣ транспортныхъ и торговыхъ барышей, это презрительное отношеніе къ самочувствію населенія, связаннаго судьбою съ сельскохозяйственнымъ производствомъ, можетъ быть, и слѣдуетъ признать вполнѣ естественнымъ и умѣстнымъ. Склонность упрочить положеніе промышленности, не особенно считаясь съ тѣмъ, какъ тѣ или иныя мѣры отзовутся на положеніи большинства самихъ промышленниковъ, не была, однако, чужда и нѣкоторымъ другимъ дѣятелямъ комитетовъ и, притомъ, подчасъ менѣе опредѣленнымъ, если не по общественному своему положенію, то по общему характеру тѣхъ воззрѣній, которыя ими приводились. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что если не въ большинствѣ слу-

чаевъ, то нерѣдко такое отношеніе къ стоявшей передъ комитетами задачѣ являлось результатомъ слѣпого слѣдованія формулѣ, въ которой она была поставлена, а не сознательнымъ искаженіемъ ея сущности. Какъ-бы то ни было, значительное большинство комитетовъ, насколько можно судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, работало при болѣе или менѣе отчетливомъ, — ясно выраженномъ или подразумѣвавшемся, — сознаніи, что нужно думать и говорить о людяхъ, а не о производствѣ только, и что нуждами первыхъ нужно освѣтить и интересамъ ихъ подчинить потребности послѣдняго. Пользуясь употребительными въ русской литературѣ терминами, мы можемъ сказать, что большинство комитетовъ въ своихъ работахъ стояло на почвѣ народнаго благосостоянія, а не національнаго богатства.

Опредѣляя конкретно, кто же эти люди, интересами которыхъ нужно руководиться во всѣхъ рѣшеніяхъ, комитеты должны были придти къ убѣжденію, что переданный на ихъ обсужденіе вопросъ есть прежде всего и больше всего вопросъ крестьянскій. „Вопросъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, -- читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской уѣздной земской управы, В. В. Измайлова,—есть прежде всего вопросъ о нуждахъ и положеніи крестьянъ, такъ какъ въ Россіи восемьдесятъ процентовъ населенія занимаются сельскимъ хозяйствомъ, и крестьяне являются преимущественно, если не исключительно, земледѣльческимъ классомъ... Вопросъ о мѣрахъ поднятія сельскохозяйственной промышленности есть главнымъ образомъ вопросъ о мѣрахъ поднять упавшее благосостояніе крестьянъ“. „Громадное большинство сельскихъ хозяевъ Тульской губерніи,—говоритъ тульская губернская управа въ запискѣ, внесенной въ губернскій комитетъ,—крестьяне: число всѣхъ остальныхъ землевладѣльцевъ еле достигаетъ 5,000 человѣкъ, крестьянскихъ же хозяйствъ въ губерніи болѣе 250.000... Нужды сельскохозяйственной промышленности являются у насъ главнымъ образомъ нуждами крестьянскаго населенія“. Съ констатированія крестьянской сущности сельскохозяйственнаго вопроса начинается цѣлый рядъ другихъ докла-

довъ и записокъ, внесенныхъ въ комитеты; та же мысль нерѣдко утверждается въ формальныхъ ихъ постановленіяхъ и резолюціяхъ; она сквозитъ въ совокупности проектированныхъ ими мѣропріятій. Стремленіе сблизить и даже отождествить аграрный вопросъ съ крестьянскимъ является, можетъ быть, одною изъ самыхъ общихъ и характерныхъ чертъ, какія можно подмѣтить въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Если принять во вниманіе составъ послѣднихъ и сравнительно очень слабое участіе въ нихъ самихъ крестьянъ, то этотъ фактъ необходимо признать интереснымъ въ двухъ отношеніяхъ. Онъ указываетъ, съ одной стороны, на особую въ настоящее время жизненность крестьянскаго вопроса, сумѣвшаго при первомъ же удобномъ случаѣ сконцентрировать на себѣ общественное вниманіе, съ другой — на значительную дозу — неодинаково, конечно, широкаго и неодинаково властнаго — идеализма, какой свойственъ русскому обществу и какой сказался даже въ случайныхъ собраніяхъ его дѣятелей.

Отмѣчая послѣднее обстоятельство, я отнюдь не хочу этимъ сказать, что сословные и классовые интересы тѣхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ по преимуществу были призваны дѣятели, не нашли себѣ мѣста въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ. Несомнѣнно, такіе интересы сказались въ нихъ и наложили на ихъ труды свой отпечатокъ. Но они дѣйствовали, главнымъ образомъ, въ скрытомъ видѣ: не столько въ формѣ ясно формулированныхъ программъ, сколько въ формѣ смутныхъ инстинктовъ; не столько въ комитетахъ, работавшихъ при яркомъ свѣтѣ публичности, сколько въ тѣхъ темныхъ уголкахъ, гдѣ засѣдали только „свои люди“; не столько, наконецъ, въ лицѣ активныхъ дѣятелей, державшихъ камертонъ, сколько въ лицѣ сѣрой массы, опредѣлявшей своимъ настроеніемъ возможную высоту тона. Въ послѣдующемъ изложеніи мнѣ не разъ придется остановиться на теченіяхъ, чуждыхъ и подчасъ враждебныхъ крестьянскимъ интересамъ. Отмѣчая ихъ, я затруднился бы, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ квалифицировать, имѣемъ ли мы дѣло съ „недодуманнымъ“ одною стороною или съ „недосказаннымъ“ — другою. Отвѣтить на

этотъ вопросъ подчасъ тѣмъ затруднительнѣе, что „недодуманное“ и „недосказанное“ приходится встрѣчать въ разныхъ направленіяхъ: одно недодумано, благодаря недостаточной ясности политическаго мышленія, другое—благодаря неразвитости классоваго самосознанія; одно не досказано по недостатку гражданскаго мужества, другое—по корыстному разсчету, изъ-за желанія утаить заднія мысли.

Что касается открытыхъ программныхъ заявленій, въ которыхъ аграрной проблемѣ давалась бы классовая и, притомъ, не крестьянская постановка, то ихъ въ комитетскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ очень мало. Очевидно, немногіе рѣшились,—какъ это сдѣлала, напримѣръ, новомосковская уѣздная земская управа,—„уклониться отъ всякой тенденціозной идейности, отъ всякихъ подступовъ къ разрѣшенію вопроса съ гуманитарной точки зрѣнія“ и, сознавая себя „представителями земли, аграріями“, открыто заняться соображеніемъ мѣръ для „подавленія интересовъ и нуждъ партій, имъ экономически противоположныхъ“. Не считаясь въ настоящемъ случаѣ съ этими теченіями, не всегда прямолинейными и во всякомъ случаѣ не получившими преобладающаго значенія, посмотримъ, какою представилась аграрная проблема тѣмъ дѣятелямъ, которые сразу стали на крестьянскую точку зрѣнія.

Въ трудахъ комитетовъ мы находимъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ и цѣнныхъ работъ, произведенныхъ въ цѣляхъ выясненія экономическаго положенія крестьянъ и состоянія ихъ хозяйства. Въ своей статьѣ я упомяну лишь о главномъ и самомъ несомнѣнномъ выводѣ, къ которому должны были придти изслѣдователи, и который находится въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми матеріалами, цифрами и соображеніями, какіе имъ удалось сгруппировать въ своихъ работахъ.

Наиболѣе опредѣленное выраженіе этотъ выводъ получилъ въ итогахъ тѣхъ довольно многочисленныхъ крестьянскихъ бюджетовъ, какіе мы находимъ въ комитетскихъ докладахъ, запискахъ и журналахъ. Въ бюджетахъ разной конструкціи,—и въ тѣхъ, которые были построены путемъ

примѣрныхъ разсчетовъ на основаніи среднихъ величинъ, и въ тѣхъ, которые были получены посредствомъ специальной статистической регистраціи, и въ тѣхъ, которые были извлечены изъ приходо-расходныхъ книжекъ, какія оказалось возможнымъ отыскать у крестьянъ,—въ бюджетахъ, составленныхъ для цѣлыхъ волостей и уѣздовъ, равно какъ въ бюджетахъ для отдѣльныхъ семей, наконецъ, въ бюджетахъ разныхъ мѣстностей,—общій результатъ получился одинъ и тотъ же: балансъ не сходится, крестьянскій расходъ оказывается больше прихода.

„Сколько денегъ не хватитъ — долги", приписано рукою крестьянина въ той приходо-расходной книжкѣ, которую имѣла въ своемъ распоряженіи московская губернская земская управа. „Крестьяне живутъ въ долгъ", говоритъ по тому же поводу другой крестьянинъ—авторъ записки, внесенной въ опочецкій комитетъ. И дѣйствительно, знакомясь съ матеріалами, которые собраны комитетами, мы видимъ, что накопленіе долговъ и недоимокъ является для крестьянъ однимъ изъ средствъ, чтобы сбалансировать бюджетъ. Недоимочность населенія по прямымъ налогамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за послѣдніе годы наростала съ поражающею быстротою и достигла громадныхъ размѣровъ. Въ Нижегородской, напримѣръ, губерніи недоимка по выкупнымъ платежамъ къ концу 1892 г., т. е. послѣ уже голодныхъ лѣтъ, равнялась 5.361,329 руб., а къ концу 1900 г.—9.125,589 руб., а вмѣстѣ съ недоимками по другимъ платежамъ—15.508,107 руб. Въ Тамбовской губерніи недоимки по отношенію къ окладу составляли:

въ 1871—75 г.г.	3%
„ 1876—80 „	5 „
„ 1881—85 „	16 „
„ 1886—90 „	35 „
„ 1891—95 „	124 „
„ 1896 „	151 „
„ 1897 „	205 „
„ 1898 „	244 „

Въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи недоимка наро-

стала еще быстрѣе. Такъ, по казеннымъ только платежамъ она составляла въ рубляхъ:

	Къ 1889 г.	Къ 1894 г.	Къ 1899 г.
Въ Уржумскомъ уѣздѣ . .	67.109	167.478	294.071
„ Малмыжскомъ „ . .	227.992	452.836	610.220
„ Сарапульскомъ „ . .	2.004	120.064	307.541
„ Елабужскомъ „ . .	17.633	254.510	550.465

Долги и недоимки—это, однако, крайнія средства, къ которымъ прибѣгаетъ деревенская бухгалтерія, чтобы свести „баланецъ“. Все заставляетъ думать, что задолженности и недоимочности населенія предшествуютъ сокращеніе личнаго потребленія и ликвидація въ возможныхъ предѣлахъ домашняго и хозяйственнаго имущества. Какъ складывается крестьянская жизнь на почвѣ хроническихъ недочетовъ въ бюджетѣ,—представить не трудно. Для характеристики картинъ, которыя стояли передъ комитетами, я позволю себѣ привести лишь нѣсколько выдержекъ изъ упоминавшейся уже выше записки тульской губернской земской управы.

„Тяжела и неприглядна,—говоритъ она,—жизнь крестьянина даже въ моменты сравнительнаго благополучія (въ урожайные годы, когда онъ имѣетъ еще возможность коекакъ свести концы съ концами). Жилищемъ служитъ ему обычно 8—9 аршинная изба, высотою не болѣе сажени... До сихъ поръ нерѣдки курныя избы; въ Епифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ 16,4% всѣхъ жилыхъ построекъ. Изба почти всегда крыта соломой, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. На пространствѣ 7—9 кубич. саженъ живетъ крестьянская семья, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ значительныхъ размѣровъ. Спятъ въ два этажа: на лавкахъ, нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населенія дѣлаетъ воздухъ тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Сырость внутри, течь черезъ крышу и навозъ снаружи быстро изнашиваютъ постройки; значительная часть ихъ подгнила, требуетъ серьезнаго ремонта или со-

вершеннаго возобновленія, но изо дня въ день поддерживается всевозможными домашними средствами—подпорками, подмазкой прогнившихъ угловъ и т. п... Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ уѣздахъ соломой, а въ неурожайные годы даже навозомъ, и, такимъ образомъ, систематически лишаютъ землю необходимаго ей удобренія... Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу съ помощью небольшого количества теплой воды и почти всегда безъ мыла... Чесотка и другія кожныя болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Сифилисъ обнаруженъ въ Епифанскомъ у., напримѣръ, у 2,15% населенія, но надо думать, что въ дѣйствительности болѣзнью страдаетъ еще большее число лицъ... Вообще, не смотря на весьма благопріятныя, казалось бы, общія условія, въ деревнѣ создается такая антигигіеническая обстановка, которая дѣлаетъ борьбу съ эпидеміями почти невозможной. Громадное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ общее подорванное состояніе организма крестьянъ, являющееся результатомъ плохого питанія... Такіе продукты, какъ мясо, крупа, сало, масло постное, являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда два—три раза въ годъ; обычную же пищу его составляютъ: хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ, а осенью свѣжія овощи, если вблизи селенія имѣется огородникъ. При этомъ далеко не всегда крестьяне ѣдятъ столько, „сколько съѣдятъ“... Вслѣдствіе частаго и систематическаго недоѣданія развиваются среди населенія всевозможныя гастрическія заболѣванія... Скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза... А между тѣмъ, жизнь деревни идетъ впередъ, потребности растутъ и удовлетвореніе ихъ требуетъ отъ крестьянина денегъ.. Лучину смѣняетъ керосиновая лампа, появляются спички, дешевые фабричные ситцы вытѣсняютъ матеріи домашняго производства, возникаетъ потребность ввести въ подорванный организмъ какихъ-либо возбудителей, и крестьянинъ тянется за стаканомъ вина или чая, къ которому онъ привыкъ во время скитаній своихъ по отхожимъ промысламъ. Но за всѣ эти предметы ему приходится волей-неволей выплачивать не только дѣй-

ствительную производительную ихъ стоимость, но и значительные налоги въ казну и въ пользу русской промышленности. И здѣсь онъ не можетъ уже оказаться недоимочнымъ“.

Въ своихъ частностяхъ эта картина можетъ, конечно, измѣняться, ея краски могутъ быть блѣднѣе и ярче, но общій ея характеръ вездѣ остается одинъ и тотъ же. Въ странѣ, гордой своимъ величіемъ и могуществомъ, населеніе оказывается стѣсненнымъ въ удовлетвореніи неотложныхъ своихъ потребностей, нерѣдко лишеннымъ даже насущнаго хлѣба. И въ такомъ положеніи находится не горсточка людей, а многіе и многіе милліоны, въ сущности, весь трудящійся народъ. Пройти мимо этой картины общественный дѣятель, достойный этого имени, не можетъ: она должна приковать его вниманіе. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ еще хуже: у этой мрачной картины имѣется еще болѣе мрачная перспектива. То, что наблюдатель видитъ въ жизни,—это только одна изъ стадій происходящаго въ ней процесса.

„Оскудѣніе“,—какъ чаще всего въ трудахъ комитетовъ называется этотъ процессъ,—сказывается, конечно, не только въ личной жизни крестьянина, но и въ его хозяйствѣ. И если отъ „промышленника“ съ его неприглядною и тяжелою долею перейти къ „промышленности“, то не трудно уже представить себѣ, какъ шатко должно быть ея положеніе. „Крестьянинъ,—читаемъ мы въ сводномъ журналѣ постановленій боровичскаго комитета,—даже при скудномъ питаніи не могъ сдѣлать сбереженій, а иногда долженъ былъ захватывать основной капиталъ, какъ скотъ, естественное плодородіе почвы и проч. Естественно, что хозяйство не только не могло сдѣлаться интенсивнѣе, но не могло удержаться и на прежнемъ уровнѣ“. Въ этихъ немногихъ словахъ мы имѣемъ, въ сущности, резюме цѣлаго ряда фактовъ, какія собраны комитетами, и многочисленныхъ соображеній, какія ими были высказаны объ угнетающемъ вліяніи крестьянскихъ бюджетныхъ затрудненій на состояніе русской сельскохозяйственной промышленности. Отсутствіе свободнаго остатка, какого-либо излишка

въ бюджетѣ неизбѣжно порождаетъ застой въ хозяйствѣ. Техническія улучшенія уже по одной этой причинѣ, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ, вовсе недоступны массѣ крестьянства. Если такія улучшенія и имѣютъ мѣсто, то почти исключительно въ селеніяхъ, лучше обставленныхъ, въ хозяйствахъ, болѣе зажиточныхъ. „Воспріимчивость населенія къ пропагандѣ агрономическихъ улучшеній,—говоритъ по этому поводу въ своей запискѣ бывшій уполномоченный по сельскохозяйственной части въ Нижегородской губерніи г. Садовень,—обратно пропорціонально его недоимочной задолженности“. Кромѣ того, самыя нововведенія нерѣдко получаютъ своеобразный характеръ: въ большинствѣ случаевъ они расчитаны не на коренное, хотя бы медленное и постепенное, улучшеніе хозяйства, а на скорое, по возможности немедленное, сокращеніе его расходовъ или увеличеніе денежнаго дохода. Молотилки получаютъ распространеніе тамъ, гдѣ плугъ не можетъ найти себѣ мѣста. Въ другомъ мѣстѣ тяжелый малороссійскій плугъ, разсчитанный на 5—6 паръ воловъ, вытѣсняется улучшеннымъ желѣзнымъ, требующимъ всего лишь 3—4 лошадей, но это вытѣсненіе не сопровождается увеличеніемъ числа вспашекъ. Если отсутствіе излишка въ бюджетѣ обусловливаетъ застой въ хозяйствѣ, то дефициты дѣлаютъ почти неизбѣжнымъ регрессъ въ немъ. Мы уже видѣли, какъ подъ вліяніемъ нужды навозъ, вмѣсто вывозки на поле, обращается на обкладку хатъ и даже сжигается, вмѣсто топлива. Крестьянскій скотъ, заморенный и изнуренный, но и за всѣмъ тѣмъ представляющій самое цѣнное имущество крестьянъ, въ трудную минуту ихъ жизни неизмѣнно служитъ средствомъ, чтобы сократить потребленіе дальше крайнихъ предѣловъ его естественной сжимаемости и достать деньги, не считаясь уже съ цѣлостью хозяйства. Въ годы недородовъ падежи, съ одной стороны, распродажа за безцѣнокъ, съ другой,—обыкновенно низводятъ его численность до минимума. Самые неурожаи становятся все чаще. Земля, съ которой крестьяне силою вещей обязаны брать возможно больше, отдавать возможно меньше, теряетъ свои естественныя силы, а въ

отдѣльныхъ случаяхъ дѣлается прямо негодной для сельско-хозяйственной культуры.

Между тѣмъ, положеніе, въ которомъ находится крестьянское хозяйство, для нашей страны имѣетъ особое значеніе. На плечахъ придавленнаго безысходною нуждою населенія лежитъ въ сущности главная тяжесть сельскохозяйственнаго производства. Крестьянству на надѣльномъ и купчемъ правѣ принадлежитъ громадная часть культурной площади. Путемъ аренды въ его хозяйство включена, кромѣ того, значительная доля земель, принадлежащихъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Собственная запашка послѣднихъ,—по разсчетамъ комитетовъ,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляетъ лишь 2% принадлежащей имъ земли. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ экономическая запашка представляетъ значительную величину, не малая доля ея обрабатывается инвентаремъ крестьянина, его заморенною лошадью, его несовершенными орудіями. При наличности собственнаго инвентаря у владѣльцевъ, рабочую силу они получаютъ всетаки изъ крестьянскаго хозяйства. У насъ нѣтъ особаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, съ которымъ долженъ былъ бы считаться сельскохозяйственный предприниматель. Сроковыхъ и поденныхъ, мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ выставляетъ то же крестьянство въ лицѣ наиболѣе слабыхъ и экономически обездоленныхъ группъ. Такимъ образомъ, хозяйственнымъ положеніемъ, экономическимъ достаткомъ и культурнымъ уровнемъ крестьянства въ конечномъ счетѣ опредѣляются формы и той части сельскохозяйственнаго производства, которая находится въ хозяйственномъ завѣдываніи другихъ, болѣе сильныхъ классовъ. Свою энергію частные предприниматели развиваютъ, конечно, по линіи наименьшаго сопротивленія. Образцовыя, технически - совершенныя хозяйства при данной экономической конъюнктурѣ,—по общему признанію,—оказываются невыгодными или недостаточно выгодными, и это вполнѣ понятно, когда значительно большіе барыши можно извлекать, эксплуатируя земельную и всякую иную нужду крестьянства. „Изъ сопоставленія различныхъ частныхъ хозяйствъ въ губерніи, лично мнѣ извѣст-

ныхъ,—говоритъ, напримѣръ, Н. М. Ткаченко про Нижегородскую губернію,—я могу сказать, что въ такъ называемомъ „хорошемъ“ хозяйствѣ, владѣлецъ котораго пользуется въ округѣ репутаціей „хозяина“,—ничего научнаго не оказывается, а хорошо это хозяйство, или—вѣрнѣе—выгодно только потому, что окружающее населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ рукахъ крупнаго имѣнія... Нельзя насчитать въ губерніи пяти хозяйствъ, гдѣ бы хозяйство велось безъ эксплуатаціи труда, на раціонально-агрономическихъ началахъ“. То, что выгодно для предпринимателя, хотя бы и было гибельно для общества, при данномъ соціально-экономическомъ строѣ имѣетъ непререкаемую, почти стихійную силу. И соціальное хищничество со стороны частныхъ владѣльцевъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ экономически безсильнымъ крестьянствомъ, оказывается почти столь же неизбѣжнымъ, какъ и земельное хищничество со стороны послѣдняго.

Само собою понятно, что промышленность, въ основѣ которой лежитъ это двустороннее хищничество, принимаетъ самыя уродливыя, гибельныя для нея самой и для общаго благосостоянія формы.

Такимъ образомъ, если экономическое положеніе крестьянства, его матеріальное довольство должно служить главною цѣлью сельскохозяйственнаго производства, то, съ другой стороны, оно же является непремѣннымъ условіемъ устойчивости послѣдняго и главнымъ залогомъ возможности его развитія. Сельскохозяйственный вопросъ въ Россіи — это серьезная соціально - экономическая проблема. Чтобы разрѣшить его, нужно найти и устранить причины, которыя мѣшаютъ крестьянству сводить концы съ концами; нужно намѣтить и осуществить такія матеріальныя и культурныя, техническія и общественныя условія, которыя обезпечили бы ему возможность создавать и удерживать въ своихъ рукахъ все необходимое не только для сноснаго существованія, но и для безпрепятственнаго развитія, не только для поддержанія хозяйства, но и для безостановочнаго его усовершенствованія. Такова постановка, какую аграрная проблема получила въ трудахъ большинства комитетовъ.

Гдѣ же эти причины и каковы должны быть эти условія? Почему балансъ не сходится въ крестьянскомъ бюджетѣ и пассивъ превышаетъ активъ въ немъ? Нужно ли винить въ этомъ доходы, которые черезъ-чуръ малы, или расходы, которые черезъ-чуръ велики? Приходы въ крестьянскомъ бюджетѣ имѣютъ нѣсколько источниковъ; какой же изъ нихъ оказывается недостаточнымъ? Сельское ли хозяйство и въ какихъ именно отрасляхъ, или промысловые заработки? и почему? Не продуктивенъ ли трудъ или низка его оплата? Съ другой стороны, если непосильны расходы, то какіе именно? Если нельзя сжать потребленіе, то нельзя ли удешевить его? Если тяжелы налоги и платежи, то какіе именно? Если все дѣло въ случайныхъ несчастіяхъ, то какъ уберечься отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, какъ застраховать себя отъ ихъ послѣдствій? Наконецъ, если болѣзнь имѣетъ не мѣстный характеръ, если стѣснена вся жизнь крестьянина, если разстроено все его хозяйство, то какія этому причины? лежатъ ли онѣ въ его личности или въ окружающихъ его условіяхъ? въ свойственной ли его хозяйству формѣ или въ общемъ строѣ данныхъ соціально-экономическихъ отношеній? Если болѣзнь нельзя вылѣчить однимъ-двумя пластырями, то нѣтъ ли радикальныхъ средствъ, которыми можно было бы возстановить равновѣсіе въ народно-хозяйственномъ организмѣ? Вотъ какого характера вопросы немедленно встали передъ комитетами, какъ только они приступили къ разрѣшенію поставленной передъ ними задачи.

Общественная мысль, изслѣдуя причины соціальныхъ недуговъ и изыскивая мѣры борьбы съ ними, нерѣдко обнаруживаетъ склонность сосредоточивать все свое вниманіе на какой-либо одной причинѣ, всецѣло довѣрять какому-либо одному средству. Съ особою силою, можетъ быть, эта склонность сказалась въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, недостаточно разнообразныхъ по своему составу и слишкомъ стѣсненныхъ по своему территоріальному кругозору. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые дѣятели черезчуръ умаляли значеніе экономическихъ факторовъ въ сравненіи съ болѣе близкими и понятными имъ правовыми и культурными невзгодами, даже тѣ, которые понимали первенствую-

щее значеніе первыхъ въ жизни народа массъ, нерѣдко сосредоточивали вниманіе на какой-нибудь одной сторонѣ экономическихъ отношеній, упуская изъ виду цѣлый рядъ другихъ, не менѣе важныхъ. Одни винили во всемъ недостатокъ земли, другіе—несовершенство техники, третьи—протекціонизмъ, четвертые—отсутствіе кредита и т. д. Нѣкоторые забредали на совсѣмъ узкія тропки и готовы были видѣть причину всѣхъ причинъ въ опустошительныхъ пожарахъ или въ расширяющихся оврагахъ, въ водкѣ или въ праздникахъ. Намѣчая мѣры, какія необходимо предпринять въ интересахъ сельскохозяйственной промышленности и занятаго ею населенія, мѣстные дѣятели также нерѣдко обнаруживали пристрастіе къ симптоматическому лѣченію и къ палліативнымъ средствамъ. Въ общемъ, однако, преобладающее значеніе получила другая точка зрѣнія, и большинство не только комитетовъ, но и призванныхъ въ нихъ дѣятелей, несомнѣнно, понимало, что „упадокъ крестьянскаго хозяйства есть результатъ не одной какой-либо причины, какъ бы сильна и важна она ни казалась на первый взглядъ, а совокупнаго дѣйствія многихъ одинаково серьезныхъ причинъ; поэтому и ослабить, и устранить его нельзя одной какой-нибудь мѣрой, а необходимо для этого одновременное, совокупное и систематическое воздѣйствіе цѣлаго ряда мѣръ“ [1]). Въ поискахъ этихъ мѣръ, „которыя по своему значенію соотвѣтствовали бы широтѣ и важности поставленной задачи“ [2]), комитеты, какъ извѣстно, далеко отошли отъ того перечня „частныхъ“ мѣропріятій, который былъ предложенъ на ихъ разсмотрѣніе особымъ совѣщаніемъ.

Въ своей статьѣ я хочу использовать труды комитетовъ только въ одной ихъ части, а именно, поскольку они касаются земельныхъ нуждъ крестьянства. Земельный вопросъ представляетъ изъ себя центральную и въ то же время самую трудную часть аграрной проблемы. Въ трудахъ комитетовъ мы не найдемъ готоваго,—стройнаго и законченнаго,—

---

[1]) Изъ записки предсѣдателя борисоглѣбской уѣздной земской управы В. В. Измайлова.

[2]) Изъ записки Н. Н. Ковалевскаго, представленной въ харьковскій губернскій комитетъ.

рѣшенія. Но и за всѣмъ тѣмъ собранные ими матеріалы и высказанныя ими сужденія представляются въ высшей степени интересными. Изучая ихъ, мы имѣемъ возможность уяснить многіе элементы стоящей на очереди задачи и намѣтить тѣ направленія, въ которыхъ общественная мысль уже ищетъ рѣшенія ей.

III.

Изслѣдуя причины крестьянскаго оскудѣнія, поскольку таковыя лежатъ въ сферѣ земельныхъ отношеній, комитеты прежде всего встрѣтились съ вопросомъ о малоземельѣ.

Очень многіе дѣятели, и при томъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и даже воззрѣній, въ малоземельѣ именно склонны были видѣть основную причину переживаемыхъ крестьянствомъ затрудненій. „У крестьянъ во владѣніи земли мало,—читаемъ мы въ запискѣ землевладѣльца Васильева, внесенной въ грязовецкій комитетъ, — и никакіе палліативы... помочь этому горю не въ силахъ. Одно только и есть коренное „улучшеніе нуждъ и пользъ крестьянскаго населенія, это дать льготную возможность получить въ достаточномъ количествѣ землю“. „Путемъ наблюденія я пришелъ къ заключенію,—заявилъ въ кременчугскомъ комитетѣ городской голова Изюмовъ, — что вся бѣда крестьянскаго сословія въ малоземельѣ“. „Малоземелье“,—настаивалъ земскій агрономъ Шлыковъ въ звенигородскомъ комитетѣ,— „не просто одна изъ причинъ упадка сельско-хозяйственнаго промысла, но оно является главной причиной и непремѣнно главной“. Даже новомосковская уѣздная земская управа, проводившая въ своей запискѣ, какъ мы видѣли, точку зрѣнія аграріевъ, и та должна была считаться съ этой бьющей въ глаза нуждой крестьянскаго населенія. „Необходимо“, — читаемъ мы въ числѣ самыхъ первыхъ ея пожеланій, „чтобы сельско-хозяйственный классъ получилъ площадь земли, соотвѣтствующую его коллективной трудоспособности“. Какъ ни двусмысленна эта формула, пытающаяся подъ именемъ коллективной трудоспособности объединить интересы аграрія-предпринимателя и крестьянина-

рабочаго, въ основу ея, несомнѣнно, могло быть положено не чье иное, какъ только крестьянское малоземелье. Жалобы на малоземелье раздавались, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ и съ неодинаковою, конечно, силой, болѣе или менѣе настойчиво слышались повсюду: на сѣверѣ и на югѣ, въ центрѣ и на окраинахъ.

Что земли у крестьянъ недостаточно, въ этомъ дѣятелей комитетовъ убѣждали не только непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ жизни, но и самые разнообразные разсчеты и соображенія. Уже простое сопоставленіе двухъ фактовъ: съ одной стороны, значительно уменьшившагося съ 1861 г. количества земли у крестьянъ по разсчету на душу, и, съ другой, почти неизмѣнившейся, а по разсчетамъ нѣкоторыхъ даже понизившейся за это время средней ея производительности, убѣждало многихъ, что размѣры крестьянскаго землевладѣнія представляются въ настоящее время явно ненормальными. Если даже допустить, что полученный крестьянами въ 1861 г. надѣлъ дѣйствительно способенъ былъ обезпечить ихъ бытъ и исправное выполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей, то теперь, вмѣстѣ даже съ купчей землей, онъ долженъ считаться для этой цѣли безусловно недостаточнымъ. Еще нагляднѣе убѣждали въ этомъ болѣе точные разсчеты. Одни за основаніе для выкладокъ брали количество рабочей силы, которою располагаютъ крестьянскія хозяйства, и находили, что при данныхъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть использована. „При данномъ малоземельѣ“, говорятъ въ своей запискѣ московскіе губернскіе земскіе дѣятели, „только трехдушевой надѣлъ даетъ возможность использовать сполна рабочую силу одного мужчины; двухдушевой надѣлъ недостаточенъ для этого. Поэтому семьи, имѣющія не болѣе двухъ мужчинъ (и, стало быть, не болѣе двухъ надѣловъ), не въ состояніи использовать на надѣлѣ все рабочее время одного лица, вслѣдствіе чего пропадаютъ непроизводительно промежутки между работами, если нѣтъ стороннихъ поденныхъ работъ, которыя далеко не всегда случаются“. „Благодаря этому, постепенно происходитъ отборъ семей, которыя еще считаютъ возмож-

нымъ вести земледѣліе, и другихъ, которыя должны отказаться отъ него“... Въ Московской губерніи такія отказавшіяся уже отъ земледѣльческаго хозяйства семьи составляютъ 20%. „Общинное владѣніе“, читаемъ дальше, „даетъ возможность распорядиться оставленными надѣлами такъ, чтобы до извѣстной степени ввести поправку въ условія, создаваемыя малоземельемъ, пополнить доли тѣхъ, которые берутъ землю, и тѣмъ укрѣпить для нихъ возможность вести сельское хозяйство“. Благодаря отказу отъ земли значительной части крестьянскаго населенія, размѣръ душевого надѣла въ Московской губерніи удержался на прежнемъ уровнѣ и даже нѣсколько увеличился. Однако, и за всѣмъ тѣмъ онъ оказывается недостаточнымъ. Даже трехдушевой надѣлъ, какъ уже сказано, даетъ возможность использовать силу только одного лица мужского пола. Остальныя мужскія рабочія силы семьи оказываются лишними и должны искать приложенія себѣ внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ Московской губерніи, гдѣ широко развиты всякаго рода промыслы, эти лишнія въ общинѣ и въ хозяйствѣ силы еще находятъ себѣ то или иное, лучше или хуже оплачиваемое занятіе. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ промысловая жизнь менѣе развита и гдѣ отливъ населенія изъ земледѣлія происходитъ въ значительно меньшихъ размѣрахъ, лишніе работники являются обузою для хозяйства, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и тормазомъ для его техническаго совершенствованія. „Крестьянинъ, если его хозяйственный участокъ слишкомъ малъ“,—говоритъ по этому поводу предсѣдатель нижегородской уѣздной управы А. А. Остафьевъ, „долженъ замѣнить своею собственною рабочею силою всѣ улучшенныя орудія труда, потому что своихъ собственныхъ работниковъ все равно кормить нужно, а при покупкѣ улучшенныхъ орудій деньги пришлось бы отдавать другимъ. Достаточная обезпеченность землею при нашихъ народно-хозяйственныхъ условіяхъ,—заключаетъ онъ,—должна опредѣляться не требованіями агрикультуры, а потребностями крестьянской семьи“...

Если прикинуть эту послѣднюю мѣрку и въ основу разсчетовъ положить не рабочую силу, а именно потребности

крестьянскаго населенія, то недостатокъ земли у послѣдняго обнаружится съ не меньшею очевидностью. Цѣлымъ рядомъ выкладокъ комитеты должны были убѣдиться, что доходы отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства у обширнѣйшихъ группъ крестьянскаго населенія не обезпечиваютъ даже продовольственныхъ ихъ нуждъ, не говоря о массѣ другихъ личныхъ и хозяйственныхъ потребностей.

Не довольствуясь указанными разсчетами, нѣкоторые комитеты считали необходимымъ къ вопросу о малоземельѣ подойти и со стороны агрикультурныхъ требованій. Опредѣляя минимальное количество земли, при которомъ возможно раціональное хозяйство и сравнивая затѣмъ размѣры такого „нормальнаго“ или „идеальнаго“ участка съ дѣйствительною площадью земли, имѣющейся въ распоряженіи средняго крестьянскаго двора, они приходили все къ тому же выводу, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землевладѣнія представляются безусловно недостаточными. Крестьянское хозяйство балашовскаго уѣзда, напримѣръ, владѣющее желѣзнымъ плугомъ и соотвѣтствующимъ количествомъ рабочихъ лошадей, чтобы использовать ихъ—по разсчетамъ мѣстнаго комитета,—должно имѣть при трехпольѣ отъ 18 до 27 дес. пахотной земли. Между тѣмъ, изъ 34,4 т. крестьянскихъ хозяйствъ этого уѣзда 25,2 тыс., т. е. болѣе двухъ третей, уже въ 1886 г. имѣли участки, не достигавшіе и половины этой нормы. При данной земельной площади масса крестьянскихъ хозяйствъ лишена возможности использовать не только улучшенный, но и тотъ скудный и несовершенный инвентарь, какой имѣется въ его распоряженіи. Почти столь же невозможно для крестьянъ поддерживать въ своемъ надѣлѣ нормальное соотношеніе между количествомъ скота и пашнею, а также между пахотною и кормовою площадью. Самыя скромныя требованія, какія раціональная агрономія можетъ предъявить къ господствующимъ системамъ хозяйства, благодаря малоземелью, нерѣдко оказываются совершенно невыполнимыми.

„Помимо цифровыхъ, такъ сказать, внѣшнихъ данныхъ, достаточно ярко свидѣтельствующихъ о крестьянскомъ малоземельѣ, можно подтвердить это,—пишутъ въ своей за-

пискѣ московскіе губернскіе земскіе дѣятели,—и тѣмъ отношеніемъ, которое проявляетъ населеніе Московской губерніи къ размѣрамъ отведеннаго ему надѣла. Въ его сознаніи никакъ не укладывается представленіе о томъ, чтобы въ его распоряженіе могло быть предназначено такъ мало земли. Рядъ фактовъ послѣдняго времени показываетъ, что во многихъ случаяхъ населеніе предполагаетъ, что у него такъ мало земли не потому, чтобы на его долю полагалось такое количество ея, а потому, что ему въ натурѣ отведено меньше, чѣмъ слѣдуетъ. И, вотъ, оно безпрестанно возбуждаетъ дѣла объ отысканіи принадлежащей ему земли, объ установленіи границъ ея, приглашаетъ для того на свой счетъ землемѣровъ, при чемъ послѣднимъ нерѣдко не приходится доканчивать принятую на себя задачу, такъ какъ, если производимый ими обмѣръ не отвѣчаетъ ожиданіямъ пригласившаго его общества, то со стороны послѣдняго можетъ грозить землемѣру довольно серьезная опасность“.

Это тревожное состояніе крестьянства, выразившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ очень острыхъ уже формахъ, заставило считаться съ крестьянскимъ малоземельемъ и такихъ дѣятелей, которые въ другомъ случаѣ, можетъ быть, предпочли бы обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. „Не городскіе, не фабричные и даже не столичные безпорядки,—говоритъ въ своей запискѣ о малоземельѣ предсѣдатель вольскаго комитета Н. Юматовъ, — опасны для государства. Опасность для спокойствія государства глядитъ изъ деревни. Громадное пространство Россійской имперіи обезпечиваетъ то, что аграрный вопросъ не можетъ обостриться неожиданно, одновременно на площади всего государства—это даетъ время правительству принять мѣры къ успокоенію начинающагося движенія. Но то же громадное пространство угрожаетъ величайшими бѣдствіями, если необходимыя мѣры не успѣютъ за развитіемъ этого (аграрнаго) антагонизма... Самыя широкія, самыя серьезныя мѣры къ разрѣшенію аграрныхъ вопросовъ неотложны и необходимы“.

Съ особою настойчивостью крестьянское малоземелье выдвигалось на первый планъ самими крестьянами, по скольку голосъ ихъ былъ слышенъ въ сельскохозяйственныхъ ко-

митетахъ. „Земли мало“, это—основной мотивъ большинства крестьянскихъ заявленій, какія мы находимъ въ трудахъ послѣднихъ. Въ преніяхъ члены изъ крестьянъ по вопросу о малоземельѣ проявляли больше всего единодушія, въ своихъ докладахъ и запискахъ они удѣляли ему преимущественное вниманіе. Съ особою же силою этотъ мотивъ звучитъ въ тѣхъ прошеніяхъ и приговорахъ, какія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были представлены въ комитеты волостными и сельскими обществами, и въ тѣхъ словесныхъ заявленіяхъ, какія были сдѣланы ихъ уполномоченными представителями. Въ самой безхитростной формѣ, въ самыхъ простыхъ и нерѣдко полуграмотныхъ выраженіяхъ эти крестьянскія заявленія лучше, чѣмъ что-либо другое, вскрываютъ передъ нами глубокій драматизмъ тѣхъ отношеній, въ основѣ которыхъ лежитъ малоземелье.

„Я, крестьянинъ Сине-Никольской волости, деревни Паново, Корнелій Сергѣевъ,—читаемъ мы въ запискѣ, внесенной въ опочецкій комитетъ,—объясняю причины упадка сельскаго хозяйства отъ малаго количества земли, такъ что если бы у крестьянъ было земли на каждаго мужчину законнаго положенія, то крестьяне могли бы улучшить свои хозяйства: сѣять клеверъ и дѣлить на шесть полей, а остальная могла бы быть подъ выгонъ или подъ разводъ лѣса. А теперь нѣтъ у крестьянъ достатка земли и изъ-за этого много падаетъ хозяйствъ. 1) Приходится снять въ аренду землю или покосъ отъ господина или помѣщика по большой цѣнѣ, и выходитъ неурожай; аренду надо платить и бѣдный крестьянинъ отдаетъ послѣднія свои деньги. О Господи! семейство или дѣти остаются безъ куска хлѣба, и приходится сбыть свой душевой надѣлъ какому либо зажиточному человѣку для пропитанія своего семейства или становить въ работники сына или брата, чтобы купить хлѣба для семейства; да вотъ еще крестьянину дѣло, что въ контору требуютъ оброкъ начальство, надо платить, а денегъ нѣтъ, отданы за арендуемую землю или за покосъ господину или помѣщику, и приходится бѣдному крестьянину сбыть свое послѣднее и уплатить подати, уйти куда нибудь изъ-за того, что мало своей земли. Такъ и падаетъ сельское насе-

леніе. 2) Уйдетъ крестьянинъ куда въ аренду въ село или на пустошь къ господину или помѣщику, сниметъ поневолѣ по большой цѣнѣ и поживетъ тамъ года два или три; выйдетъ неурожай, платить за аренду нечѣмъ; господинъ высылаетъ его вонъ, потому что условія у господина, и бѣдный крестьянинъ воротится на свою родину. Да вотъ бѣда, нѣтъ у крестьянъ на каждаго земли и поневолѣ приходится идти въ городъ къ братьямъ или сыновьямъ для своего пропитанія. Выходитъ дѣло плохо: въ городѣ жить плохо отъ многолюдства, воротится на родину—не имѣетъ своей земли, такъ и блудитъ безъ своего жилища. Такъ много падаетъ такихъ хозяйствъ. 3) Ваше сіятельство, взгляните на тѣхъ людей, которые были дворовыми во время крѣпостной зависимости и вышли отъ своихъ господъ или помѣщиковъ безъ надѣла: ходятъ они безъ всякаго пріюта, такъ и весь мужской полъ послѣ послѣдняго передѣла земли и много такого народу, что вернулся домой съ военной службы, гдѣ служилъ и охранялъ отечество. Вотъ у отца пять сыновей, да есть дочери, а земляной одинъ надѣлъ, и вотъ дѣло: надо отпустить братьевъ или сыновей на военную службу, это надобно для охраны русской земли, да дѣло плохо въ томъ, что не съ чѣмъ отпустить, одѣть, обуть, и такъ многіе крестьяне сбываютъ свой послѣдній надѣлъ земли, отъ чего много падаетъ сельское хозяйство".

„Такъ много падаетъ хозяйствъ". Въ паденіи каждаго изъ нихъ имѣются свои особенности. Одно гибнетъ тутъ же, въ деревнѣ, гдѣ оно возникло и долгіе годы функціонировало; другое—рушится послѣ недолговѣчной попытки обосноваться на новомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь „въ селѣ или на пустоши". Однимъ не подъ силу арендные платежи, другихъ доканываютъ подати; однихъ раззоряетъ неурожай, другихъ—солдатчина. То нечѣмъ кормить дѣтей, народившихся послѣ передѣла; то оказываются лишними работники, вернувшіеся со службы. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ самъ ликвидируетъ хозяйство, не находя для пропитанія семейства другого источника, кромѣ продажи земли зажиточному человѣку; въ другомъ—его лишаетъ земли властная рука „господина или помѣщика", заинтересованнаго въ исправ-

номъ полученіи своихъ доходовъ. Какъ ни различны эти ближайшіе поводы крестьянскаго раззоренія, какъ ни разнообразны формы, которыми сказывается этотъ процессъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, въ основѣ его мысль крестьянина находитъ общую причину. Малоземельемъ объясняетъ онъ и свою зависимость отъ земельнаго собственника, и непосильность возложеннаго на него податного бремени, и „многолюдство". города, въ которомъ отъ тщетно ищетъ себѣ пристанища. Понятны ему и тѣ общія послѣдствія, которыми малоземелье сказывается въ народно-хозяйственной жизни. За раззореніемъ и гибелью отдѣльныхъ хозяйствъ онъ видитъ, какъ „падаетъ сельское населеніе", какъ „падаетъ сельское хозяйство".

Во многихъ случаяхъ малоземелье имѣетъ еще болѣе тяжелый характеръ и своими острыми послѣдствіями сказывается уже не на отдѣльныхъ хозяйствахъ, постепенно одно за другимъ захватываемыхъ раззореньемъ, а сразу на цѣлыхъ селеніяхъ и даже мѣстностяхъ. Въ особенности тяжело положеніе крестьянъ, получившихъ неполный и тѣмъ болѣе нищенскій надѣлъ. Въ подобныхъ случаяхъ причинная связь между малоземельемъ и крестьянскимъ оскудѣніемъ получаетъ силу почти непрекаемой очевидности.

Лицъ, которыя отрицали бы самый фактъ малоземелья, въ составѣ комитетовъ нашлось немного, при чемъ отрицаніе это предъявлялось обыкновенно въ голословной формѣ, а если и сопровождалось аргументами, то такими, въ основѣ которыхъ, несомнѣнно, крылось то или иное недоразумѣніе. Г. Розингъ, напримѣръ, доказывая въ нижегородскомъ комитетѣ, что у крестьянъ замѣчается скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ въ землѣ, ссылался на свое хозяйство. „Въ своемъ хозяйствѣ,—говорилъ онъ, — сначала я засѣвалъ въ одномъ полѣ 50 десятинъ и при своихъ хозяйственныхъ средствахъ справиться съ этимъ засѣвомъ и получить съ него доходъ не могъ; сталъ засѣвать только 25 десятинъ, тщательно ихъ обрабатывая, и получилъ дохода съ посѣва больше, чѣмъ прежде съ 50 дес. Дайте, пожалуй, крестьянину вдвое и втрое больше земли — и толку не будетъ"... Ссылаться на предпріятіе, засѣвающее „въ одномъ

полѣ“ 25 дес., когда рѣчь идетъ о хозяйствахъ, не имѣющихъ подчасъ куда курицу выпустить — вѣдь это почти то же самое, что передъ лицомъ голода трактовать о пользѣ раціональнаго пищевого режима. Развѣ жъ это не недоразумѣніе? и не то ли именно самое, для котораго имѣется уже избитая формула, что „сытый голоднаго не разумѣетъ“? Столь же несерьезными, пока рѣчь идетъ о самомъ фактѣ, представляются слышавшіяся въ комитетахъ ссылки на межи, паръ, залежи, подъ которыми пропадаетъ-де масса крестьянской земли. Конечно, если бы эта земля не пропадала, то, можетъ быть, и вопроса о малоземельѣ не было бы. Но вѣдь „кабы да во рту росли бобы, то былъ бы не ротъ, а огородъ“. Фактъ, однако, остается фактомъ: бобы не растутъ и расти не могутъ. И земля пропадаетъ не потому, что въ ней имѣется избытокъ, а потому, что при данной системѣ и техническомъ уровнѣ хозяйства обойтись безъ пара или безъ залежи невозможно.

Малоземелье—понятіе условное и острыя послѣдствія его могутъ сказываться не только въ густонаселенныхъ районахъ, но и въ малолюдныхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ у крестьянъ приходится земли на душу всего лишь „осьминникъ“, и тамъ, гдѣ душевой надѣлъ выражается еще цѣлыми десятинами. Этимъ объясняется, конечно, тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что съ малоземельемъ приходится считаться въ самыхъ разнообразныхъ районахъ Россіи. Съ точки зрѣнія черноземнаго крестьянина, съ его рѣдко „нищенскимъ“ надѣломъ, трудно, конечно, представить, какъ это могутъ жаловаться на малоземелье бывшіе государственные крестьяне степного юга или лѣсного сѣвера, получившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 7 — 8 десятинъ на душу. Не слѣдуетъ однако, забывать, что земля землѣ рознь. На черноземѣ,—какими бы это послѣдствіями ни сказалось потомъ на хозяйствѣ,—можно было распахать до 90% земли, а на сѣверѣ изъ десяти десятинъ иногда нельзя выкроить и одной, которую можно бы регулярно засѣвать хлѣбомъ. Дѣло въ данномъ случаѣ, конечно, не только въ естественныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ возможную тамъ и здѣсь площадь культурной земли, соотношеніе между пашней и лу-

гомъ и т. д., но и еще болѣе въ томъ техническомъ уровнѣ, на которомъ стоитъ хозяйство. Площадь, на которой можно свободно расположиться съ трехпольемъ, совершенно недостаточна при залежной или подсѣчной системѣ. То, что земледѣльцу представилось бы широкимъ земельнымъ просторомъ, въ хозяйствѣ скотовода можетъ сказаться самымъ острымъ малоземельемъ. Системы хозяйства, господствующія въ разныхъ мѣстностяхъ, опредѣляются, конечно, не только тѣмъ, сколько крестьяне получили или имѣютъ въ нихъ земли на душу, но и цѣлымъ рядомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ,—естественныхъ, техническихъ и общественныхъ,—условій. И если мы будемъ считаться съ этими системами, какъ съ фактомъ, то повсемѣстность жалобъ на малоземелье намъ уже не покажется чѣмъ то явно несообразнымъ. Напротивъ, невозможность для крестьянина при данныхъ размѣрахъ земельной площади использовать, съ одной стороны, рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ, а съ другой—найти въ немъ достаточный источникъ для удовлетворенія своихъ потребностей,—а въ этомъ и заключается малоземелье,—представится для насъ совершенно очевидной. По отношенію къ громадной части крестьянскаго населенія это фактъ, доказывать который, въ сущности, излишне и оспаривать который невозможно.

IV.

Признавая самый фактъ крестьянскаго малоземелья, можно, однако, приписывать ему не одинаковое значеніе, и въ дѣлѣ уврачеванія народно-хозяйственныхъ недуговъ борьбѣ съ нимъ отводить разное мѣсто. Нѣкоторые дѣятели комитетовъ,—какъ было уже отмѣчено,—видѣли въ немъ одну изъ основныхъ и даже „главную“ причину переживаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ затрудненій,—а въ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія—радикальное и чуть ли не единственное средство наладить хозяйственную жизнь крестьянина. На ряду, однако, съ этимъ теченіемъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ можно прослѣдить и другое, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ

прямо ему противоположное. Довольно многія лица въ числѣ причинъ упадка сельскохозяйственной промышленности отводили малоземелью совершенно второстепенное мѣсто, а въ расширеніи площади крестьянскаго землепользованія соглашались видѣть въ лучшемъ случаѣ только палліативъ, могущій имѣть лишь мѣстное и временное значеніе.

Крестьянскому малоземелью въ послѣднемъ случаѣ неизмѣнно почти противополагалось несовершенство хозяйственной техники, какъ послѣдствіе, главнымъ образомъ, крестьянской некультурности. „Безспорно",—говорилъ, напримѣръ, гр. Шереметевъ въ звенигородскомъ комитетѣ,—„населеніе численно возрасло, но пріемы хозяйства остались прежніе; такъ же, какъ и прежде, значительная часть пахотныхъ полей лежитъ подъ паромъ, поэтому выходомъ изъ настоящаго тяжелаго положенія могъ бы быть общій подъемъ культуры, а не прирѣзка къ надѣльнымъ землямъ новыхъ владѣній". „При обсужденіи вопроса о причинахъ оскудѣнія деревни,—по мнѣнію члена опочецкаго комитета бар. Розена,—малоземелье нельзя ставить на первый планъ; въ разсматриваемомъ вопросѣ гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ непросвѣщенность крестьянина и его неумѣнье вести свое хозяйство по указаніямъ сельскохозяйственной науки". Въ кременчугскомъ комитетѣ г. Милорадовичъ, возражая А. Я. Изюмову, указавшему въ своемъ докладѣ на малоземелье, какъ на главную бѣду крестьянства, настаивалъ, что если крестьянинъ имѣетъ только ¼ дес., то этого, по его мнѣнію, при соотвѣтствующей обработкѣ вполнѣ достаточно. „Центръ тяжести переживаемаго нами кризиса,—полагалъ онъ,—лежитъ только въ неудовлетворительныхъ способахъ обработки земли" [1]. „Обезпеченность крестьянскаго населенія,—читаемъ мы въ запискѣ земскаго начальника Псковской губерніи, г. Карпова,—отнюдь не стоитъ въ прямой зависимости отъ количества земли; земля производительна лишь въ рукахъ заботливаго и умѣлаго хозяина,

---

[1]) „Одесскія Новости" 1902 г., №№ 5777 и 5797.

неумѣлаго же или нерадиваго она лишь тяготитъ и связываетъ, не принося ему благосостоянія".

Стремясь умалить значеніе крестьянскаго малоземелья, нѣкоторыя лица, какъ видно уже изъ этихъ выдержекъ, заходили довольно далеко и усиленными ссылками на техническую отсталость крестьянскихъ хозяйствъ, а также на непросвѣщенность и даже нерадивость самихъ крестьянъ старались доказать не только недостаточность, но и нецѣлесообразность такой мѣры, какъ расширеніе площади крестьянскаго землепользованія, особенно, если таковое было бы осуществлено въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Ссылаясь на несовершенство крестьянской техники, бюро елецкаго комитета признало несвоевременной даже постановку вопроса о томъ „желательна ли въ настоящее время рѣшительная мобилизація земельной собственности въ сторону мелкаго крестьянскаго землевладѣнія" [1]). Не трудно,

---

[1]) Этотъ тезисъ дѣятели елецкаго комитета аргументировали, конечно, интересами сельскохозяйственной промышленности. Соображенія ихъ, изложенныя въ подстрочномъ примѣчаніи и какъ бы мимоходомъ, заслуживаютъ того, чтобы и мы имъ посвятили нѣсколько строкъ петита. Принимая во вниманіе средній урожай съ 1 дес. въ крестьянскихъ хозяйствахъ (по даннымъ министерства земледѣлія 48,6 пуд. для озимаго и 43 п. для ярового) и въ частновладѣльческихъ (60,1 и 53,7 пуд.), одинъ изъ членовъ елецкаго комитета вычислилъ, что при нынѣшнемъ распредѣленіи земли уѣздъ получаетъ хлѣба 13,910 тыс. пудовъ; при переходѣ же всей земли въ руки крестьянъ онъ получилъ бы лишь 12,750 тыс.; между тѣмъ какъ при переходѣ всей земли въ руки частныхъ владѣльцевъ сборъ достигъ бы 16,337 тыс. п. Отсюда очевидно, какъ великъ былъ бы ущербъ въ народнохозяйственномъ доходѣ въ случаѣ „рѣшительной мобилизаціи земельной собственности въ сторону мелкаго крестьянскаго землевладѣнія". Съ этою ариѳметикою черноземнаго помѣщика мы встрѣчаемся не впервые. И нужно сказать, что съ чисто статистической даже точки зрѣнія она представляется далеко не безупречной. Принятая елецкимъ дѣятелемъ въ разсчетъ средняя урожайность въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ относится въ дѣйствительности не ко всей площади частнаго владѣнія, а лишь къ той, которая находится въ экономической запашкѣ, т. е. къ самой лучшей ея части. И если бы при выводѣ принять во вниманіе урожайность и тѣхъ запольныхъ земель, которыя сдаются въ аренду крестьянамъ, то средняя урожайность для земель частнаго владѣ-

однако, понять, что это преклоненіе предъ культурой и техникой у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, дѣятелей было не вполнѣ безкорыстнымъ, а боязнь излишней землей обременить крестьянское хозяйство—по меньшей мѣрѣ неискренней. Несравненно большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣло,—можетъ быть, и смутное подчасъ,—опасеніе, „какъ бы въ

нія оказалась бы значительно ниже. Съ другой стороны, средній урожай для крестьянскихъ хозяйствъ, можно думать, относится не только къ надѣльнымъ и купчимъ ихъ землямъ, но и къ тѣмъ истощеннымъ площадямъ, какія арендуются ими у частныхъ владѣльцевъ. И если бы послѣднія исключить изъ расчета, то средняя для собственной крестьянской земли оказалась бы значительно выше. Если бы въ основныя цифры, надъ которыми оперировалъ членъ елецкаго комитета, внести эти поправки, то окончательные результаты сдѣланныхъ имъ вычисленій получились бы, конечно, иные. И если онъ желалъ говорить о томъ вліяніи, какое можетъ оказать на размѣры народно-хозяйственнаго дохода *принадлежность* земли той или иной категоріи владѣльцевъ, то поправки эти сдѣлать было необходимо. Худшіе урожаи въ Россіи, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, даютъ земли, снимаемыя крестьянами по десятинно, а эти земли принадлежатъ вѣдь не имъ, а частнымъ владѣльцамъ. Еще менѣе безупречной елецкая ариѳметика представляется съ технической и экономической точки зрѣнія. Болѣе низкіе урожаи у крестьянъ, сравнительно съ помѣщичьими, обусловлены цѣлымъ рядомъ причинъ, между прочимъ, тѣмъ, во 1-хъ, что крестьянамъ отведены земли въ общемъ худшаго качества, чѣмъ какія оставлены за помѣщиками, и во 2-хъ, тѣмъ, что ими распаханы даже такія земли, которыя частными владѣльцами вовсе не культивируются. Крестьянскіе урожаи ниже, но процентъ цѣнныхъ угодій въ составѣ ихъ земель больше, и есть основанія думать, что средняя производительность вообще земли, а не только пахотной, у крестьянъ не ниже, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Предположеніе, что переходъ земли къ крестьянамъ сказался бы пониженіемъ средней урожайности и уменьшеніемъ общей производительности представляется уже поэтому только совершенно произвольнымъ. Напротивъ, имѣются серьезныя основанія предполагать, что „рѣшительная мобилизація“ въ эту сторону сказалась бы крупной прибавкой въ народно-хозяйственномъ доходѣ. Главное же, и это прежде всего нужно помнить,—цѣлью народно-хозяйственной жизни должно быть благосостояніе трудящагося населенія, и только имъ, а не количествомъ хлѣба, собираемаго въ амбары господъ предпринимателей, можно аргументировать желательность или нежелательность, своевременность или несвоевременность той или иной реформы.

Петербургѣ при обсужденіи этого вопроса не собралось слишкомъ много голосовъ за то, что вся бѣда заключается въ малоземельѣ", и какъ бы земельный вопросъ не получилъ въ концѣ концовъ рѣшенія, идущаго въ разрѣзъ съ интересами крупной поземельной собственности.

Стремленіе выдвинуть на первый планъ технику, доходившее у нѣкоторыхъ лицъ до готовности примириться со всѣми деталями даннаго строя земельныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣло, однако, и другую подкладку. Не малую роль, какъ можно думать, сыграло въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія до надлежащихъ предѣловъ многимъ представлялось средствомъ, съ одной стороны, не всегда возможнымъ по недостатку для этого необходимаго количества земли, съ другой—не вполнѣ надежнымъ въ виду неизбѣжнаго увеличенія крестьянскаго населенія. „Если при настоящей культурѣ крестьянскихъ земель,—читаемъ мы въ запискѣ г. Токмакова, внесенной въ рославльскій комитетъ,—„рожь въ среднемъ (на черноземѣ) родитъ 4—4,5 зерна, когда для прокормленія населенія необходимо не меньше 8, то земельныя угодья приходится увеличить почти вдвое, что, очевидно, невозможно, поднять же урожайность земель путемъ разумной культуры много легче. Да и какъ не разселяй, скоро опять земель будетъ мало". Простая цифровая выкладка,—говоритъ съ своей запискѣ елецкое бюро,—убѣждаетъ насъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, что при переходѣ всей площади земли Елецкаго уѣзда въ руки крестьянъ, черезъ 35 лѣтъ величина ихъ надѣловъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, равнялась бы нынѣшней". „Однимъ надѣленіемъ крестьянъ землею,—по мнѣнію гр. П. А. Гейдена,—нельзя подорвать въ корнѣ тѣ причины, которыми обусловлено современное обѣднѣніе деревни. Черезъ 15—20 лѣтъ послѣ надѣленія, благодаря естественному приросту населенія, земли будетъ все равно опять мало и тогда снова придется поднять вопросъ о малоземельѣ". Легко понять, что съ этой точки зрѣнія расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія и даже „рѣшительная мобилизація" земли въ эту сторону не заключаютъ въ себѣ ничего

нежелательнаго. Разногласіе со сторонниками такой мобилизаціи заключается въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что эта мѣра представляется недостаточно радикальной, могущей имѣть лишь временное значеніе; коренное же разрѣшеніе задачи, по мнѣнію лицъ, придерживавшихся этой точки зрѣнія, заключается только въ повышеніи техники хозяйства и культурнаго уровня населенія.

Если разсуждать отвлеченно, внѣ опредѣленныхъ условій времени и пространства, то такое рѣшеніе вопроса о малоземельѣ можетъ представиться наиболѣе цѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое малоземелье? Это,—какъ мы уже сказали,—невозможность для крестьянъ использовать на данной земельной площади свою рабочую силу и извлечь изъ нея достаточныя средства для существованія. Количество труда, вкладываемаго въ землю, равнымъ образомъ и количество получаемыхъ съ нея продуктовъ опредѣляются, однако, не только ея площадью, но также интенсивностью и техническимъ уровнемъ ведущагося на ней хозяйства. И если количество земли, которымъ располагаетъ крестьянское населеніе, можетъ быть увеличено въ ограниченныхъ и при томъ очень тѣсныхъ предѣлахъ, то не проще и не лучше ли, оставивъ заботы о землѣ, направить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать крестьянское хозяйство болѣе интенсивнымъ и технически совершеннымъ? Вѣдь въ этомъ направленіи нѣтъ границъ, и открывающіяся въ эту сторону перспективы прямо безпредѣльны.

Едва ли, однако, это усиленное и тѣмъ болѣе исключительное вниманіе, какое нѣкоторыя лица склонны были удѣлить техникѣ, можно признать цѣлесообразнымъ. Вѣдь если техника представляетъ изъ себя множитель, которымъ оперируетъ крестьянское хозяйство, то земля служитъ для него множимымъ. Произведеніе же,—а имъ является въ данномъ случаѣ благосостояніе многомилліонной трудящейся массы,—при одновременномъ наростаніи обѣихъ опредѣляющихъ его величинъ, измѣнится несравненно рѣзче и быстрѣе, чѣмъ если будетъ наростать которая нибудь изъ нихъ въ отдѣльности. Если площадь земли очень мала, то нуженъ очень быстрый и потому, быть можетъ, не осуществимый

подъемъ культуры, чтобы достигнуть сколько нибудь замѣтнаго эффекта. Увеличьте эту площадь, хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ, и тогда нужны будутъ несравненно меньшія усилія, чтобы обезпечить экономическое положеніе крестьянства и тѣмъ открыть его хозяйству путь дѣйствительно безграничнаго совершенствованія.

Несравненно важнѣе, однако, всѣхъ такого рода апріорныхъ соображеній представляется въ данномъ случаѣ вопросъ о фактической возможности разрѣшить земельную проблему, если бы даже ограничить ее рамками только малоземелья, при посредствѣ одной техники, безъ радикальной перестройки всего даннаго строя аграрныхъ отношеній. Чтобы уяснить этотъ вопросъ, я позволю себѣ прежде всего напомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, возникновеніе и исторію нынѣшняго крестьянскаго малоземелья.

Выше мною было уже упомянуто, что, встрѣчаясь съ этимъ вопросомъ, многіе члены сельскохозяйственныхъ комитетовъ обращались мыслью къ 1861 г. и въ условіяхъ первоначальнаго надѣленія крестьянъ землею старались найти точку опоры для оцѣнки современнаго положенія вещей въ этой сферѣ. „Высшій“ размѣръ надѣла, опредѣленный Положеніемъ 19 февраля, и даже тотъ дѣйствительный, какой былъ отведенъ тогда крестьянамъ, многими оставлялся при этомъ внѣ подозрѣнія и безъ особой провѣрки признавался достаточнымъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Нѣкоторые сочли, однако, необходимымъ отнестись болѣе внимательно къ основаніямъ, на которыхъ было произведено надѣленіе крестьянъ землею, и должны были при этомъ придти къ заключенію, что корни нынѣшняго крестьянскаго малоземелья нужно искать въ условіяхъ освободительной реформы. „Во время именно освобожденія крестьянъ, говоритъ по этому поводу въ своей запискѣ членъ новомосковскаго комитета, г. Лядскій, положено было начало аграрному пролетаріату“. Въ работѣ саратовскаго бюро, которое въ лицѣ В. И. Серебрякова вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею подвергло спеціальному изслѣдованію, мы находимъ наглядную и подробную исторію возникновенія крестьянскаго малоземелья.

Освобожденію крестьянъ, какъ извѣстно, предшествовала упорная борьба между двумя партіями—между тѣми, кто считалъ необходимымъ освободить крестьянъ съ землею, и тѣми, кто желалъ сохранить „неприкосновенными права помѣщиковъ на землю“. Сторонники освобожденія съ землею въ самомъ началѣ одержали принципіальную побѣду: высочайшими рескриптами отъ 20 ноября 1857 года и нѣкоторыми послѣдующими было предрѣшено сохранить за крестьянами ихъ „усадебную осѣдлость“ и предоставить въ пользованіе имъ „надлежащее, по мѣстнымъ условіямъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли“. Борьба на этомъ не кончилась, она приняла только новую форму. Въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммиссіяхъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ спора сдѣлался размѣръ надѣла. Одни, имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ помѣщичьи интересы, стремились установить для него возможно низкую норму, ссылаясь на то, что она, во-первыхъ, можетъ скорѣе всего способствовать замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда - трудомъ свободнымъ и, во-вторыхъ,—что представлялось имъ, конечно, особенно важнымъ,—обезпечить *помѣщику постоянныхъ работниковъ*. „Недостаточное“ надѣленіе крестьянъ землею проводилось съ этой стороны вполнѣ сознательно. Помѣщичья партія руководилась въ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что если крестьяне будутъ обезпечены землею въ количествѣ, достаточномъ для ихъ существованія и отбыванія повинностей, то „они не будутъ болѣе имѣть надобности въ помѣщикѣ, отчего этотъ послѣдній лишится возможности къ обрабатыванію оставшейся у него земли“. Помѣщичье представительство въ учрежденіяхъ, подготовлявшихъ реформу, было настолько широкимъ и указанное теченіе настолько сильнымъ, что защитники крестьянскихъ интересовъ, не поднимая даже вопроса о „полномъ“ обезпеченіи населенія землею, считали возможнымъ настаивать лишь на сохраненіи за крестьянами, по крайней мѣрѣ, того количества ея, какое находилось уже въ ихъ пользованіи. Основанія реформы

опредѣлились, какъ компромиссъ между этими двумя неодинаково сильными теченіями.

Основаніемъ для опредѣленія размѣра „высшаго душевого надѣла“ послужили свѣдѣнія о существовавшей тягловой разверсткѣ между крѣпостными крестьянами въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина,* т. е. крестьяне значительную часть своихъ рабочихъ силъ должны были отдавать помѣщичьему хозяйству. Такимъ образомъ, даже въ лучшемъ случаѣ крестьяне должны были получить надѣлъ, недостаточный для того, чтобы использовать на немъ свою рабочую силу. Между тѣмъ, помимо высшаго надѣла, Положеніе 19 февраля допустило значительныя отступленія отъ него, установивъ еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ одной третьей части высшаго и, кромѣ того, еще пресловутый дарственный или нищенскій, въ размѣрѣ одной четверти нормальнаго надѣла.

Какъ фактически при этихъ нормахъ произведено было надѣленіе крестьянъ, по этому вопросу для Саратовской губерніи г. Серебряковъ приводитъ детально разработанныя данныя. Въ своихъ важнѣйшихъ итогахъ онѣ таковы:

	Процентъ имѣвшихъ до 1861 г.	над. душъ: получивш. въ 1861 г.
Болѣе нормальнаго надѣла	48,1	5,8
Отъ $^3/_4$ д. до 1 норм. надѣла . . .	35,8	41,8
Менѣе $^3/_4$ норм. надѣла	16,1	52,4

До 1861 г. группа населенія, имѣвшая болѣе нормальнаго надѣла, занимала по численности первое мѣсто; послѣ реформы численность ея рѣзко упала, и первое мѣсто заняла группа малоземельныхъ крестьянъ, получившихъ значительно менѣе нормальнаго надѣла. Въ среднемъ по губерніи до 1861 г. крѣпостное населеніе имѣло почти 5 дес. (4,8) земли на душу, при выходѣ на волю оно получило менѣе 3 (2,8) дес. Такимъ образомъ, фактически крестьяне не сохранили очень многаго изъ того количества земли, какимъ они располагали при крѣпостномъ правѣ. Отведенная имъ въ надѣлъ земля съ самаго начала была недостаточна не только для того, чтобы крестьяне могли исполь-

зовать всѣ свои силы, но и для того, чтобы удовлетворить свои потребности, поддержать даже тотъ уровень жизни, какой для нихъ доступенъ былъ при крѣпостномъ правѣ. Саратовская губернія въ данномъ случаѣ, конечно, не представляетъ исключенія: „отрѣзы" при надѣленіи крестьянъ, какъ извѣстно, широко практиковались и въ другихъ мѣстностяхъ [1]).

Малоземелье возникло, такимъ образомъ, не самопроизвольно и не въ пореформенное время; оно внѣдрено на зарѣ свободной жизни крестьянина, когда закладывался фундаментъ его „домашняго благополучія и блага общественнаго". Сорокъ лѣтъ на этомъ негодномъ камнѣ мы выводили громадное зданіе народной жизни. И вотъ оно готово рухнуть. Пора понять, что нужно начинать опять съ фундамента, нужно вернуться къ самому началу. „Очевидно", читаемъ мы въ журналѣ боровичскаго комитета, „теперь дѣло пришло въ такое положеніе, что нужно снова приняться за ту работу, которая была начата и не доведена до конца при освобожденіи крестьянъ". Въ сферѣ экомическихъ и, въ частности, земельныхъ отношеній эта необходимость вернуться къ началу представляется не менѣе властной, чѣмъ и въ сферѣ права или культуры.

Пойдемъ, однако, дальше и, пользуясь все тѣми же матеріалами, какіе собраны сельскохозяйственными комитетами, посмотримъ, какъ должна была сложиться и какъ дѣйствительно сложилась жизнь крестьянина въ пореформенное время. Оставимъ въ сторонѣ его податное бремя,

---

[1]) Когда эта часть статьи появилась уже въ печати („Русское Богатство", 1903 г. № 10), Н. А. Каблуковъ напомнилъ мнѣ еще объ одной урѣзкѣ площади крестьянскаго землепользованія при освобожденіи. Кромѣ части полевой и сѣнокосной земли, у крестьянъ было отнято тогда право пасти скотъ на помѣщичьей землѣ, право рубить владѣльческій лѣсъ и т. д. Учесть, какого количества земли лишились такимъ путемъ крестьяне, конечно, трудно. Не лишнее будетъ, однако, напомнить, что отработки за пастбища и прогоны были первою по времени и до сихъ поръ остаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самою тяжкою формою крестьянскаго порабощенія. Штрафы за порубки тоже дали себя знать крестьянину.

его культурную безпомощность, его гражданское безправіе,— посмотримъ лишь на тѣ его отношенія, которыя непосредственно связаны съ малоземельемъ.

Цѣль, къ которой стремилась помѣщичья партія при освобожденіи, несомнѣнно, была достигнута. Сознательно обдѣленный землею и лишенный возможности использовать рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ,—крестьянинъ могъ появиться на мѣновомъ рынкѣ только въ качествѣ рабочаго. Выйти на этотъ рынокъ для него было тѣмъ необходимѣе, что отведенный ему надѣлъ, за прикрытіемъ лежавшихъ на немъ и особенно тяжелыхъ въ первые годы повинностей, былъ недостаточенъ, какъ сказано уже, для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Съ ростомъ населенія эта необходимость отчужденія рабочей силы въ той или иной формѣ на сторону становилась все ощутительнѣе. Въ какой бы роли крестьянинъ ни появился на рынкѣ, — въ роли ли продавца или покупателя, земледѣльца или промышленника, батрака или арендатора,—другая сторона всегда имѣетъ возможность отнестись къ нему, какъ къ рабочему, какъ къ объекту, предназначенному для эксплуатаціи. Для характеристики того, какъ подъ давленіемъ малоземелья складываются мѣновыя отношенія крестьянина, достаточно будетъ привести два—три факта.

Въ запискѣ г. Ковалевскаго, внесенной въ пермскій губернскій комитетъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія данныя для характеристики вліянія размѣровъ землепользованія на положеніе крестьянина въ качествѣ продавца или покупателя.

Хозяйства засѣвающія:	Цѣна, по которой въ годъ изслѣдованія рожь (за пудъ) продавалась	покупалась
До 5 десятинъ	68 к.	72 к.
Отъ 5 до 15 десятинъ . . .	74 „	71 „
Свыше 15 десятинъ	79 „	66 „

Эти цифры извлечены изъ бюджетныхъ данныхъ по Красно-уфимскому уѣзду, но лица, знакомыя съ бюджетной статистикой, увидятъ, что въ нихъ нѣтъ ничего исключи-

тельнаго [1]). То же мы встрѣтимъ и въ другихъ мѣстахъ: чѣмъ малоземельнѣе крестьянское хозяйство, тѣмъ ниже цѣны, по которымъ оно продаетъ продукты, и тѣмъ выше цѣны, по которымъ оно покупаетъ. Таково опредѣляемое малоземельемъ положеніе на рынкѣ крестьянина, какъ производителя и потребителя.

Посмотримъ, каково положеніе его въ промыслахъ. Возьмемъ губернію, поставленную съ этой стороны въ наиболѣе благопріятныя условія—Московскую. „Населеніе, — пишутъ въ неоднократно уже цитированной нами запискѣ московскіе губернскіе земскіе дѣятели,—идетъ на стороннія заработки потому, что его гонитъ на нихъ нужда, невозможность приложить свои силы къ землѣ по малому размѣру надѣла, идетъ поэтому не въ томъ количествѣ, котораго требуетъ развитіе промышленности, несоразмѣрно, вообще, спросу на трудъ, а наоборотъ, предлагаетъ его въ томъ размѣрѣ, который опредѣляется малоземельемъ. Оплата труда при такихъ условіяхъ настолько мала, что не превышаетъ необходимаго на прокормленіе“... Между тѣмъ, „искать промысловые заработки приходится обыкновенно внѣ своей деревни, что вызываетъ необходимость найтись, оріентироваться въ новыхъ условіяхъ, понять, чего требуетъ жизнь на сторонѣ, а это заставляетъ направляться туда тѣхъ, кто бойчѣе, предпріимчивѣе, способнѣе, вообще, лучше вооруженъ для борьбы съ болѣе сложными условіями городской жизни. На долю же деревни остаются или менѣе предпріимчивыя, или болѣе хилыя, малыя и старыя силы“... И это не все: „туда же, въ деревню, выталкиваются и тѣ, которые уже отработали на сторонѣ, истратили тамъ свою рабочую силу, а на долю деревни приносятъ лишь

[1]) Считаемъ необходимымъ сдѣлать лишь одно поясненіе. Покупныя цѣны во всѣхъ группахъ крестьянскихъ хозяйствъ бываютъ обыкновенно выше продажныхъ. Въ приведенныхъ данныхъ въ двухъ группахъ первыя ниже вторыхъ. Это объясняется, вѣроятнѣе всего, особенностями года, когда была произведена регистрація. Вѣроятно, по той или иной причинѣ, среднія цѣны весной, когда преимущественно покупаютъ крестьяне, въ данномъ году были значительно ниже цѣнъ осенью, когда они продаютъ хлѣбъ.

необходимость содержать ихъ". Такимъ образомъ, отдавая на сторону, за ничтожную плату, свои лучшія силы, крестьянское хозяйство должно еще служить богадѣльней для другихъ болѣе сильныхъ предпріятій.

Еще болѣе острыми послѣдствіями крестьянское малоземелье должно было сказаться, и дѣйствительно сказалось, въ сферѣ арендныхъ отношеній. Хотя и освобожденный, но недостаточно надѣленный землею крестьянинъ, конечно, сразу почувствовалъ „надобность въ помѣщикѣ". Къ нему онъ прежде всего обратился и до сихъ поръ чаще всего обращается съ предложеніемъ своего „свободнаго труда". Формы сдѣлокъ между ними очень разнообразны; батрачество и поденщина, издѣльный наемъ и испольщина, отработки и денежная аренда. Но въ какую бы изъ этихъ формъ ни отлились взаимныя отношенія крестьянина и „господина или помѣщика", первый неизмѣнно остается тѣмъ „постояннымъ работникомъ", о которомъ такъ усердно хлопотали представители интересовъ послѣдняго при освобожденіи. Возьмемъ наиболѣе дальнюю отъ батрачества форму этихъ отношеній—денежную аренду, т. е. тотъ случай, когда крестьянинъ является, казалось бы, независимымъ предпринимателемъ. Самый бѣглый просмотръ матеріаловъ, собранныхъ по этому вопросу комитетами, легко убѣдитъ всякаго, какъ ненормальны сложившіяся въ этой сферѣ отношенія.

„Есть основаніе думать,—читаемъ мы въ одной изъ записокъ бюро елецкаго комитета, — что изъ 69 милліоновъ сельскаго населенія Европейской Россіи (50 губерній) въ арендахъ заинтересовано до 30 милліоновъ ($42^1/_2\%$), снимающихъ до 50 милліоновъ десятинъ, что составляетъ около 30% надѣльной площади, и выплачивающихъ ежегодно арендныхъ денегъ до 315 милліоновъ рублей, въ среднемъ на дворъ около 25 рублей. Важно не только то, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ помѣщичью землю, но главнымъ образомъ то, что этотъ арендующій дворъ не можетъ обойтись безъ пользованія чужою землею. Послѣдняя ему настолько необходима, что лишись онъ аренды, хозяйство станетъ невозможнымъ, по-

тому что изъ состава его выпадутъ необходимые элементы... Иногда крестьяне вынуждены бываютъ арендовать тѣ или другія угодья просто для избѣжанія потравы ихъ скотомъ, уплачивать штрафы за которыя сосѣднему владѣльцу для нихъ является не подъ силу. Такимъ образомъ, наши крестьяне арендуютъ владѣльческія земли не только тогда, когда онѣ нужны имъ, но и тогда, когда онѣ имъ не нужны... При такомъ значеніи арендуемой земли съемщикъ готовъ платить за нее очень высокую цѣну, лишь бы въ его распоряженіи оставалось нѣкоторое количество необходимыхъ продуктовъ. Разумѣется, такой арендаторъ не помышляетъ о полученіи обычнаго процента на затраченный капиталъ, потому что онъ никакого капитала не затрачиваетъ, а является съемщикомъ-работникомъ, прилагающимъ только свою рабочую силу; но онъ даже не заботится и о полученіи въ вознагражденіе за свой трудъ средней заработной платы. Ему безусловно необходимо добыть извѣстное добавочное количество пищи для себя и для своей семьи, или извѣстный запасъ корма для скота, и онъ волей-неволей вынужденъ затрачивать максимумъ труда для достиженія хотя бы минимальныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ арендная плата обыкновенно достигаетъ чрезвычайной высоты, оставляя съемщику лишь крайне скудное вознагражденіе за его труды"...

Эта яркая, можно сказать — блестящая, характеристика арендныхъ отношеній представляется тѣмъ интереснѣе, что она исходитъ отъ дѣятелей, которые, какъ мы видѣли—рѣшительную мобилизацію земли въ сторону крестьянства признали безусловно несвоевременною. Само собою понятно, что изъ данной ими характеристики арендныхъ условій вытекаютъ совершенно иные выводы. „Нельзя серьезно говорить“, читаемъ мы въ трудахъ того же бюро, „о подъемѣ у насъ крестьянскаго хозяйства, о подъемѣ продуктивности земли, о переходѣ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, не ставя вмѣстѣ съ тѣмъ вопроса объ арендѣ. До тѣхъ поръ, пока крестьяне вынуждены будутъ прибѣгать къ найму чужихъ земель, а условія аренды останутся тѣ же, что и теперь, улучшеніе земледѣльческой культуры въ

нашей странѣ будетъ встрѣчать неодолимыя препятствія". Это рѣзкое противорѣчіе двухъ одинаково рѣшительныхъ выводовъ представляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ того конфликта между смутнымъ классовымъ инстинктомъ и критической мыслью, какой замѣтенъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

Пагубныя послѣдствія, какими сказалось крестьянское малоземелье въ сферѣ арендныхъ отношеній, до того ярки и очевидны, что при встрѣчѣ съ ними должны были умолкать всѣ классовыя соображенія. По крайней мѣрѣ, та вполнѣ опредѣленная характеристика арендныхъ отношеній, какую мы встрѣчаемъ въ трудахъ комитетовъ, повидимому, вовсе не встрѣчала возраженій. „Ненормальное повышеніе цѣнъ на землю"—эта наиболѣе характерная черта ихъ—засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ показаній, при чемъ почти всѣ лица, касавшіяся даннаго вопроса, ставили этотъ фактъ въ непосредственную связь съ малоземельемъ. „Вслѣдствіе прироста населенія и недостаточности земли, полученной при первоначальномъ надѣлѣ", читаемъ мы въ запискѣ Н. Т. Волкова, внесенной въ суджанскій комитетъ, „спросъ на земли со стороны крестьянъ и цѣны на земли ежегодно растутъ, въ особенности цѣны"... „Съ малоземельемъ", пишетъ членъ тамбовскаго комитета М. М. Устиновъ, „еще можно было бы бороться при нормальныхъ арендныхъ цѣнахъ на землю, но, съ одной стороны, высокая аренда земли, а съ другой—рядъ тяжелыхъ условій создали для крестьянъ безвыходное положеніе... Рядъ урожайныхъ лѣтъ поднялъ арендныя цѣны до такой высоты, что при даровомъ крестьянскомъ трудѣ и при хорошемъ урожаѣ въ пользу крестьянина оставались только солома и мякина"... Крестьянинъ, владѣющій лишь клочкомъ земли, по свидѣтельству балашовскаго комитета, „готовъ дать какую угодно цѣну, лишь бы, за покрытіемъ расходовъ на мертвый и живой инвентарь, получился остатокъ, оплачивающій хотя сколько-нибудь его личный трудъ. Въ результатѣ мы видимъ страшный подъемъ цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе: арендная плата... уже подходитъ къ уровню голодныхъ арендныхъ цѣнъ". „Арендныя цѣны", говоритъ въ своей запискѣ членъ опочец-

каго комитета М. И. Марголинъ, „обнаруживаютъ значительную наклонность къ повышенію... Нужда въ землѣ съ ростомъ населенія будетъ все увеличиваться, и принужденные арендовать, крестьяне заплатятъ и повышенную аренду, такъ что излишекъ доходности отъ улучшенія сельскаго хозяйства уйдетъ, можетъ быть, весь на повышеніе аренды“...

Я думаю, что этихъ выписокъ довольно: положеніе крестьянина, какъ арендатора, намѣчается въ нихъ достаточно опредѣленными чертами. Въ качествѣ таковаго онъ сорокъ лѣтъ работалъ на помѣщика, работаетъ на него сейчасъ, и если не измѣнятся земельныя условія, долженъ работать и въ будущемъ...

Подведемъ теперь итогъ нашему бѣглому обзору и поставимъ его на очную ставку съ надеждою въ культурѣ и техникѣ найти рѣшеніе вопросу о малоземельѣ.

Мы видѣли, что въ происхожденіи малоземелья непросвѣщенность и нерадивость крестьянина не при чемъ; оно было навязано ему извнѣ, на порогѣ его самостоятельной жизни. Придавленный малоземельемъ, онъ до сихъ поръ не выбрался на дорогу дѣйствительно свободнаго труда. Онъ былъ и остался порабощеннымъ рабочимъ. Въ качествѣ таковаго онъ долженъ довольствоваться только заработной платой, отдавая весь прибавочный продуктъ другимъ классамъ. Онъ не имѣлъ и не имѣетъ прежде всего матеріальной возможности, чтобы усовершенствовать свое хозяйство. Гдѣ же гарантія, что такая возможность представится ему въ будущемъ? Сорокалѣтній опытъ что-нибудь вѣдь значитъ.

Помимо указаній исторіи, которыя въ этомъ отношеніи слишкомъ поучительны, чтобы ихъ можно было игнорировать, имѣется еще цѣлый рядъ соображеній, которыя заставляютъ думать, что путь культурнаго преуспѣянія, безъ реорганизаціи всего строя земельныхъ отношеній, для нашей страны является недоступнымъ.

Бюро елецкаго комитета въ цитированной уже нами запискѣ о малоземельѣ высказываетъ, между прочимъ, увѣренность, что „высокая культура возможна и на $^1/_6$ десятины“. Въ мірѣ отвлеченныхъ разсужденій эта увѣренность представляется почти безспорной. Можетъ ли, однако, это

высоко-культурное хозяйство, которое носилось передъ взоромъ многихъ мѣстныхъ дѣятелей, существовать въ реальной обстановкѣ и не гдѣ-нибудь въ Бельгіи, не въ изолированномъ видѣ, а въ томъ же Елецкомъ уѣздѣ, бокъ-о-бокъ съ латифундіей, владѣющей тысячами десятинъ? Высококультурныя хозяйства Западной Европы безъ внѣшней поддержки не могутъ выдержать давленія экстенсивнаго земледѣлія, ведущагося за океанами. Не будетъ ли это давленіе во много разъ сильнѣе, если хозяйства, слишкомъ рѣзко разнящіяся между собою по степени интенсификаціи, мы поставимъ рядомъ? Не окажется ли при этомъ рукоять пресса, именуемаго цѣною, въ рукахъ крупнаго предпринимателя и не придавитъ ли онъ имъ обязанную конкуррировать съ ними букашку? Крестьяне деревни Николаевки, имѣющіе по $^1/_8$ части дес. на душу, въ своемъ приговорѣ, представленномъ въ суджанскій комитетъ, пишутъ, что они кормятъ свой скотъ круглый годъ дома; отчего же этимъ крестьянамъ, перешедшимъ къ стойловому содержанію скота, „трудно питаться“? Не потому ли, между прочимъ, что всѣ другіе вокругъ нихъ имѣютъ возможность пасти свой скотъ на пастбищахъ? Можетъ ли огородная культура злаковъ быть выгодной, когда рядомъ ведется переложное хозяйство? При данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ, несомнѣнно долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяйствъ на данной территоріи. И не странно ли при все усиливающемся господствѣ мѣновыхъ отношеній ожидать, что одна группа хозяйствъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей?

Вопросъ этотъ значительно сложнѣе и важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Рядомъ должны будутъ существовать хозяйства, различныя не только по культурному уровню, но и по своему типу. Направленіе, въ которомъ можетъ развиваться крестьянское хозяйство, далеко не совпадаетъ съ тенденціями, какія можетъ проявлять хозяйство частновладѣльческое. Для послѣдняго безразлич-

но: завести ли плугъ или молотилку, повысить ли урожайность или понизить заработную плату. Частный предприниматель заинтересованъ въ размѣрахъ лишь разницы между валовымъ доходомъ и издержками производства Абсолютные размѣры перваго для него не имѣютъ значенія сколько людей кормятся отъ земли и какъ кормятся—для него безразлично. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ хозяйство, ведущееся за счетъ самихъ трудящихся. Его существованіе неразрывно связано съ людьми, которые въ немъ работаютъ и которые отъ него кормятся. Сокращеніе затратъ на рабочую силу, какимъ бы путемъ это ни достигалось,—путемъ ли сокращенія занятыхъ въ хозяйствѣ рабочихъ или путемъ пониженія ихъ жизненнаго уровня,—для него не только не имѣетъ смысла, но и идетъ въ разрѣзъ съ основными его задачами. Развиваться оно можетъ только въ одномъ направленіи,—увеличивая общую массу производимыхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи его интересы никогда не могутъ придти въ противорѣчіе съ интересами всего общества. Это крупное съ общественной точки зрѣнія преимущество крестьянскаго хозяйства является, однако, слабымъ пунктомъ въ его борьбѣ съ хозяйствомъ капиталистическимъ.

Возможность для послѣдняго развивать свою энергію въ разныхъ направленіяхъ и, въ частности, пользоваться всѣми техническими и общественными условіями, чтобы сокращать свои затраты на рабочую силу, даетъ ему крупное преимущество надъ хозяйствомъ крестьянскимъ. Этого преимущества было бы вполнѣ достаточно, чтобы стереть послѣднее съ лица земли, если бы у него не было въ распоряженіи не менѣе сильнаго средства въ борьбѣ за существованіе. Выступая на рынкѣ, крестьянинъ можетъ понизить свой доходъ, какъ мы видѣли,—до уровня заработной платы, т. е. отказаться отъ предпринимательской прибыли и отъ причитающейся на его долю земельной ренты. Фактически въ дѣлѣ конкурренціи онъ идетъ еще дальше, и нерѣдко поступается значительной долей даже заработной платы, покрывая недочетъ въ ней ликвидаціей хозяйственнаго имущества или сокращеніемъ личнаго по

требленія. Вздувая цѣны на землю и сбивая цѣны на продукты, онъ дѣлаетъ капиталистическое хозяйство на арендованной землѣ невозможнымъ, на собственной землѣ—безцѣльнымъ. Въ первомъ случаѣ предприниматель не можетъ оплатить ненормально высокую ренту, во второмъ—сдачу земли въ аренду земледѣлецъ предпочтетъ собственной ея эксплуатаціи. Взаимная конкурренція дѣйствуетъ, такимъ образомъ, угнетающе на тотъ и другой типъ хозяйства. Если кто и выигрываетъ при такомъ положеніи вещей, то развѣ только крупный земельный собственникъ, имѣющій возможность поднять ренту „до уровня голодныхъ цѣнъ". Что касается сельскохозяйственнаго производства, то совершенствоваться сколько-нибудь быстро и регулярно оно не можетъ: у трудящагося крестьянства для этого нѣтъ рессурсовъ, а капиталистамъ надъ этимъ не изъ-за чего работать.

Въ средѣ „благомыслящаго" общества у насъ широко распространено мнѣніе, что въ совмѣстномъ существованіи частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйствъ лежитъ залогъ сельскохозяйственнаго прогресса. Изъ сказаннаго видно, что это утопія. Считая возможнымъ сохранить тотъ и другой типы хозяйства, дѣятели освободительной эпохи завязали узелъ, который нельзя развязать половинчатымъ рѣшеніемъ вставшихъ теперь передъ нами вопросовъ. Этотъ узелъ можетъ разрубить только „рѣшительная мобилизація" земли въ ту или иную сторону,—въ сторону предпринимателей или трудящихся. Рано или поздно въ той или иной формѣ, при нашемъ участіи или помимо насъ—она должна осуществиться.

Отъ каждаго, однако, зависитъ въ настоящій критическій моментъ занять опредѣленную позицію и употребить всѣ усилія, чтобы этотъ неизбѣжный процессъ происходилъ въ желательномъ для него направленіи, и чтобы теченіе его было достаточно быстро и возможно безболѣзненно.

V.

Экспропріировать землю у крестьянъ и возвратить ее помѣщикамъ,—это, конечно, была бы самая рѣшительная мѣра для рѣшенія земельнаго вопроса въ одномъ изъ указанныхъ нами направленій. Предложить такую мѣру въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ никто, однако, не рѣшился. И это вполнѣ понятно: пользоваться такими средствами въ цѣляхъ массоваго обезземеленія населенія въ XX вѣкѣ не приходится. Достаточно, если соотвѣтствующая нотка,—да и то скорѣе сожалѣнія о прошломъ, чѣмъ какихъ-либо надеждъ на будущее,—звучала въ рѣчахъ и аргументахъ нѣкоторыхъ дѣятелей. Что касается практическихъ мѣропріятій въ цѣляхъ непосредственнаго увеличенія помѣщичьяго землевладѣнія на счетъ крестьянскаго, то рѣшимость предложить кое-что въ этомъ направленіи нашлась чуть ли не у одного г. Нилуса. Въ мценскомъ комитетѣ этотъ почтенный дѣятель выступилъ съ предложеніемъ „въ каждомъ приходѣ поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ", однако, и онъ счелъ за лучшее умолчать о томъ, изъ чьихъ земель должна быть произведена эта „дополнительная нарѣзка" во вкусѣ XV вѣка. Другіе приверженцы помѣстной формы землевладѣнія были болѣе благоразумны и, не обольщая себя надеждою повернуть вспять колесо исторіи, сочли за лучшее занять въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ оборонительную позицію. Не упоминая объ обратномъ движеніи земли къ помѣщикамъ, они старались лишь доказать нецѣлесообразность расширенія площади крестьянскаго землепользованія за счетъ частновладѣльческихъ земель. „Неужели, — восклицалъ одинъ изъ нихъ,—можно хоть одну минуту подумать о возможности скупить эти благоустроенныя хозяйства... для передачи ихъ людямъ, которые умѣютъ сѣять только сѣрые хлѣба; на эту землю даже не переселятся, навозить ее не будутъ, а станутъ только ее выпахивать, вырубивъ предварительно лѣса, сады и парки" [1]). Однако и этотъ те-

---

[1]) Н. А. Хвостовъ. Крестьянскій банкъ и населеніе.

зисъ о неприкосновенности помѣщичьяго землевладѣнія многіе, если и рѣшались отстаивать, то, какъ увидимъ ниже, далеко не въ безусловной формѣ.

Сознавая полную невозможность въ наше время рѣшить земельный вопросъ въ желательномъ для себя смыслѣ на сословныхъ началахъ, сторонники личной поземельной собственности должны были обратиться къ другимъ, болѣе современнымъ средствамъ. Достаточный запасъ необходимыхъ съ ихъ точки зрѣнія мѣръ,—и при томъ мѣръ рѣшительныхъ,—они нашли въ направленіи развитія хозяйственныхъ отношеній на классовыхъ началахъ. Рекомендуя эти мѣры, многіе дѣятели чувствовали за собою двойную силу: они видѣли въ нихъ нѣчто уже испытанное, если не у насъ, то въ другихъ странахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали себя представителями передовыхъ, а не обратныхъ теченій въ народномъ хозяйствѣ и въ общественной жизни. Въ избранномъ ими направленіи и съ технической стороны земельная проблема, какъ они ее понимали, а именно задача обезпечить развитіе производительныхъ силъ населенія, удержавъ въ основныхъ чертахъ теперешнее распредѣленіе національнаго дохода, представлялась несравненно болѣе легкою и во всякомъ случаѣ не безнадежною. Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя какимъ-либо одновременнымъ актомъ передвинуть землю къ помѣщикамъ и, такимъ образомъ, упрочить сельскохозяйственное производство на предпринимательскихъ началахъ, то вполнѣ возможно вѣдь реорганизовать въ этомъ духѣ крестьянское хозяйство. Для этого необходимо только использовать имѣющіеся уже въ крестьянской жизни зачатки классовыхъ противорѣчій и нанести рѣшительный ударъ крестьянскому двору и земельной общинѣ,—этимъ единственнымъ въ современномъ строѣ, далеко не совершеннымъ и сильно расшатаннымъ уже, оплотамъ общественныхъ правъ на землю.

„Мечтать о надѣлѣ каждой крестьянской семьи неотчуждаемыми участками,—говоритъ въ своей запискѣ членъ симбирскаго губ. комитета г. Родіоновъ,—немыслимо, да и врядъ ли желательно, но дать исходъ зажиточнымъ членамъ общины необходимо“. „Помочь наиболѣе одаренной

части крестьянскаго населенія выйти на путь экономическаго прогресса, что въ настоящую минуту затруднено до крайности",—вотъ цѣль, которою задается въ своемъ проектѣ этотъ сторонникъ подворнаго землевладѣнія. Коммиссія смоленскаго комитета съ неменьшею опредѣленностью намѣчаетъ обратную сторону той же задачи. „Уходъ отъ земли значительной части крестьянскаго населенія и притомъ самой слабой въ культурномъ отношеніи" она считаетъ „неизбѣжнымъ послѣдствіемъ" раціональной земельной реформы. Рѣшить аграрный вопросъ съ этой точки зрѣнія, это значитъ, въ сущности, помочь „удачникамъ", какіе найдутся въ крестьянской средѣ за счетъ „робкой и инертной массы", обратить этихъ удачниковъ въ „новыхъ помѣщиковъ, для избавленія отъ которыхъ,—по мѣткому выраженію крестьянина Н. Т. Моченова въ рузскомъ комитетѣ,—нужно будетъ ждать другого царя Александра II".

Для устраненія крестьянскаго малоземелья, понимаемаго въ смыслѣ недостатка земли „у хозяйственныхъ мужичковъ", нѣтъ особой надобности передвигать къ крестьянамъ землю отъ помѣщиковъ; для этого достаточно передвинуть ее отъ наиболѣе „слабой" части крестьянскаго населенія къ наиболѣе „одаренной", отъ малоимущихъ хозяевъ—къ „зажиточнымъ". Само собой понятно, что важнѣйшимъ препятствіемъ на этомъ пути является община со свойственной ей тенденціей къ уравненію. Въ ней и вообще въ „привычкѣ" населенія „дѣлить" землю представители даннаго направленія и видятъ главное зло крестьянской жизни.

„При передѣлѣ земли по наличнымъ душамъ,—говорилъ предсѣдатель симбирскаго губернскаго комитета,—размѣръ душевого надѣла доходитъ до такой минимальной величины, 3—5 саж. въ полѣ на душу, что надѣлъ этотъ представляетъ изъ себя лишь фикцію какого-то обезпеченія. Между тѣмъ... разсчитывая на свой надѣлъ, крестьянинъ остается сидѣть на землѣ, не заботится объ улучшеніи своего положенія личнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что обработка надѣла отрываетъ отъ него много времени, и получается такое положеніе, что при хорошемъ урожаѣ крестьянинъ всю зиму лежитъ на печи, не заботясь о черномъ

днѣ, при всякомъ же незначительномъ неурожаѣ нуждается въ помощи правительства... На это положеніе слѣдуетъ обратить особое вниманіе; необходимо воспитать въ населеніи сознаніе, что земля при увеличеніи численнаго состава населенія не можетъ служить единственнымъ источникомъ благосостоянія, и что часть населенія неизбѣжно должна обратиться къ личному труду“. Симбирскій дѣятель, какъ видно изъ этой цитаты, всецѣло опирается въ данномъ случаѣ на столь характерное для нашихъ крѣпостниковъ представленіе о мужикѣ, какъ о лежебокѣ. Онъ ищетъ лишь новаго кнута, которымъ можно было бы подогнать залѣнившееся, по его мнѣнію, быдло.

Извѣстны, однако, многочисленныя попытки предъявить то же обвиненіе къ общинѣ и съ „либеральной“ точки зрѣнія. Одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, а именно податной инспекторъ Данковскаго уѣзда А. Е. Воскресенскій написалъ даже цѣлую книгу [1]), въ которой всесторонне доказываетъ, что община является основной причиной малоземелья и что, пока она существуетъ, всѣ попытки рѣшить земельный вопросъ окажутся тщетными. „При общинномъ землевладѣніи, — говоритъ онъ,— право на землю имѣетъ все потомство земледѣльческаго населенія и при томъ не только право, основанное на принадлежности къ извѣстной семьѣ, какъ при частной поземельной собственности, но и право, основанное на принадлежности къ извѣстной общинѣ. Это двойное право на землю каждаго крестьянина осуществляется посредствомъ семейныхъ раздѣловъ, частныхъ передѣловъ и общихъ передѣловъ земли. Предоставляя крестьянину двойное право на землю, общинное землевладѣніе, въ силу соединенной съ нимъ неотчуждаемости земли, обезпечиваетъ сверхъ того за каждымъ крестьяниномъ сохраненіе этого права. Такимъ образомъ, при общинномъ землевладѣніи весь приростъ земледѣльческаго населенія не только допускается къ участію въ землевладѣніи, но и обезпечивается отъ потери земли... Но ростъ населенія, владѣющаго

---

[1]) „Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье“. Спб. 1903 г.

землей, идетъ быстрѣе, нежели производительность земледѣлія. Поэтому экономически невыгодное уменьшеніе размѣровъ землевладѣнія можетъ быть предупреждено только тогда, когда часть населенія будетъ обезземеливаться. На такое обезземеленіе части населенія и разсчитаны формы землевладѣнія, выработанныя у западно-европейскихъ народовъ". „Правда,—продолжаетъ г. Воскресенскій,—и при общинномъ землевладѣніи возможно обезземеленіе. Крестьянинъ можетъ, если не продать, то бросить землю; но бросаютъ землю или прямо пропащіе люди, или же люди, хорошо и прочно устроившіеся въ неземледѣльческихъ промыслахъ, которые не дорожатъ надѣльною землею даже „на всякій случай". И тѣхъ, и другихъ сравнительно очень мало; во всякомъ случаѣ, приростъ крестьянскаго населенія больше, нежели его убыль". „Уничтожьте право на землю, вытекающее изъ принадлежности къ общинѣ, т. е. отмѣните общіе и частные передѣлы земли, и вы увидите, что крестьянское населеніе будетъ медленнѣе увеличиваться въ своей численности. Тогда слишкомъ быстро размножившіяся и дошедшія до малоземелья семьи, не имѣя возможности прокормиться отъ своей земли, поневолѣ будутъ искать другихъ промысловъ, въ которыхъ часть малоземельнаго населенія и будетъ устраиваться. Потомство отставшихъ отъ земледѣлія семействъ съ дѣтства станетъ пріучаться къ землевладѣльческимъ промысламъ и не будетъ увеличивать собою населенія, дробящаго землю".

Какъ замѣтитъ читатель, все это построеніе держится на двухъ китахъ. Одинъ изъ нихъ давно уже произведенъ на свѣтъ Мальтусомъ, изъ-подъ власти котораго никакъ не могутъ освободиться наши либеральные экономисты и даже нѣкоторые приверженцы „крайнихъ ученій". „Ростъ населенія, владѣющаго землей, идетъ быстрѣе, нежели производительность земледѣлія",—вотъ формула, въ которой возрождаетъ мальтузіанскую теорію спеціально для общиннаго землевладѣнія г. Воскресенскій. Другой китъ—очень сильно напоминаетъ того, на которомъ держится въ этомъ пунктѣ, какъ мы только что видѣли, крѣпостническая соціологія. Г. Воскресенскій полагаетъ, что избыточную часть населе-

нія удерживаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ только „двойное право на землю“, т. е. та „фикція обезпеченія“, которая будто бы позволяетъ мужику „лежать на печи“ и не „искать другихъ промысловъ“.

Какъ бы то ни было, симбирскій и рязанскій дѣятели, хотя они и разныхъ вѣдомствъ, приходятъ почти къ тождественному выводу. Оба они находятъ необходимымъ значительную часть населенія лишить права на землю и для этого отлить землевладѣніе въ такія формы“, при которыхъ малоимущее крестьянство обезземелилось бы и „по неволѣ“ обратилось бы къ „личному труду“. Оба они считаютъ крайне важнымъ, чтобы обреченное на „личный трудъ“, т. е. на службу предпринимателямъ, населеніе „съ дѣтства“ воспитывалось въ сознаніи ожидающей его доли.

Чтобы удалить отъ земли значительную часть крестьянскаго населенія или,—по болѣе деликатному и болѣе популярному выраженію,—„облегчить отдѣльнымъ крестьянамъ выходъ изъ общины“, мѣстными дѣятелями были предложены разныя мѣры. Одни, какъ и слѣдовало ожидать, обнаружили склонность идти къ намѣченной цѣли путемъ принудительныхъ и запретительныхъ мѣръ, другіе—всѣ свои надежды по части обезземеленія массъ возложили на „равенство“ и „свободу“.

Предсѣдатель симбирскаго комитета, напримѣръ, полагалъ, что „необходимо совершенно устранить передѣлы земли и домохозяину-отцу должно быть предоставлено право не дѣлить свой надѣлъ между всѣми сыновьями, а передавать таковой одному изъ нихъ, готовя другихъ къ какимъ нибудь ремесламъ или инымъ занятіямъ. Тогда часть населенія будетъ воспитана въ сознаніи, что на надѣльную землю ей разсчитывать нечего“. Членъ гродненскаго комитета г. Прохоровъ находилъ, что „въ цѣляхъ сохраненія недробимости крестьянскихъ участковъ желательно сдѣлать ихъ майоратными“. За „недѣлимость“ или „недробимость“ крестьянской земли высказались многіе другіе дѣятели и даже цѣлые комитеты. Необходимо, однако, замѣтить, что всѣ такого рода случаи нельзя подводить подъ одну рубрику.

Въ интересахъ сельскаго хозяйства,—читаемъ мы въ за-

иискѣ В. Н. Васильева,—прямо необходимо установить извѣстный предѣлъ дробимости земельнаго надѣла, весь же излишекъ населенія долженъ быть переселенъ на свободныя земли". Въ данномъ случаѣ недѣлимость рекомендуется исключительно, какъ техническое средство, въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго разселенія населенія и поддержанія на желательномъ уровнѣ среднихъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Что касается соціальныхъ послѣдствій, какими могла бы сказаться эта мѣра, то г. Васильевъ считаетъ ихъ, очевидно, нежелательными и находитъ необходимымъ предотвратить или, по крайней мѣрѣ, отдалить ихъ до того времени, когда „избыточная часть населенія найдетъ себѣ какое-либо другое занятіе". Онъ надѣется, „что къ тому времени, когда у разселившагося крестьянства придется на душу опять столько же земли... оно будетъ грамотно и вооружено спеціальными знаніями, а также найдетъ себѣ занятіе въ свободное отъ полевыхъ работъ время". Бѣлозерскій комитетъ, высказываясь за „опредѣленіе законодательнымъ путемъ минимальнаго размѣра душевого надѣла", считалъ возможнымъ рекомендовать эту мѣру также только при условіи „отвода для излишней части населенія земли въ иномъ мѣстѣ". Легко видѣть, что въ этомъ пониманіи „недробимость" не имѣетъ ничего общаго съ массовымъ изгнаніемъ населенія изъ сельскаго хозяйства. Что касается „недробимости" въ смыслѣ измѣненія крестьянскаго наслѣдственнаго права, въ цѣляхъ обращенія общественной собственности въ частную, замѣны правъ всего населенія на землю правами ограниченнаго числа счастливцевъ, то эта мѣра, повидимому, очень рѣдко встрѣчала сочувствіе въ комитетахъ. Даже въ Симбирскѣ проектъ принудительнаго обращенія значительной части крестьянства въ безземельныхъ и бездомныхъ батраковъ вызвалъ такія горячія возраженія, что выступившій съ нимъ предсѣдатель вынужденъ былъ „снять его съ обсужденія" и затѣмъ проводить въ прикровенной до безсмысленности формѣ.

Принудительныя мѣры были настолько непопулярны въ комитетахъ, что настаивать на нихъ сторонники личной поземельной собственности не всегда рѣшались не только по-

отношенію къ крестьянскому двору, но и по отношенію къ крестьянской общинѣ. „По моему мнѣнію,—говоритъ Н. М. Грюнеръ въ своей запискѣ „объ общинномъ землевладѣніи“, внесенной въ рузскій комитетъ,—не слѣдуетъ ломать общину, но и не слѣдуетъ, гдѣ члены ея того желаютъ, препятствовать законодательными мѣрами переходу земли въ личную собственность. Можно надѣяться, что сама жизнь выработаетъ новыя формы и укажетъ выходъ изъ положенія, которое намъ кажется безвыходнымъ. Ради Бога—поменьше обязательныхъ нормъ, поменьше указаній и предписаній!.. Нужно давать каждому обществу устраивать свой бытъ согласно собственному усмотрѣнію и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и каждой личности по своему развиваться“.

Сознавая необходимость дѣйствовать подъ либеральнымъ флагомъ, противники общины въ большинствѣ случаевъ соглашались предоставить ей свободу самоопредѣленія. Они считали необходимымъ лишь, чтобы эта свобода была „полная“, чтобы она не препятствовала „переходу земли въ личную собственность“ или—говоря проще—присвоенію общинной земли отдѣльными лицами. „Прежде всего,—говоритъ въ своей запискѣ предсѣдатель Вольскаго комитета г. Юматовъ,—слѣдуетъ предоставить крестьянамъ полную имущественную свободу; для этого необходимо не только разрѣшить выходъ изъ общины и выкупъ надѣловъ, но и приходить имъ въ этомъ на помощь“. „Крестьянство,—говоритъ въ своей запискѣ коммиссія смоленскаго комитета,—не представляетъ собою однородной массы и, если допустить, что общинная форма владѣнія соотвѣтствуетъ уровню развитія большинства крестьянъ, то несомнѣнно также, что для многихъ крестьянъ, опередившихъ своихъ однообщественниковъ по умственному развитію, она представляется крайне стѣснительной. Поэтому, въ интересахъ развитія сельскохозяйственной промышленности, необходимо предоставить членамъ общества возможность свободнаго выхода изъ общины съ правомъ полученія отъ нея вознагражденія за причитающуюся на ихъ долю землю или же, по крайней мѣрѣ, съ предоставленіемъ имъ права продавать свой участокъ въ

другія руки“. Въ еще болѣе категорической и не менѣе либеральной формѣ ту же мѣру рекомендовалъ одинъ изъ уѣздныхъ комитетовъ Новгородской губерніи, признавшій необходимымъ „отмѣнить законы, препятствующіе крестьянамъ распоряжаться своими надѣлами“ и „предоставить имъ свободу распоряженія на основаніи общихъ законовъ“, въ томъ числѣ и „продажу усадебъ и надѣловъ безъ согласія общества“. Какъ видите, не нужно никакихъ предписаній и стѣсненій, нужно только „поменьше обязательныхъ нормъ“, нужна только свобода... Нерѣдко та же мѣра облекалась и въ другую, не менѣе заманчивую форму. Проблема крестьянской равноправности нѣкоторыми дѣятелями мыслилась прежде всего, какъ уравненіе крестьянъ въ имущественныхъ правахъ... съ личными собственниками на землю.

Едва-ли нужно говорить, что при полной свободѣ, какою сторонники личной поземельной собственности желали бы надѣлить крестьянъ, самоопредѣленіе общины неизбѣжно должно закончиться ея саморазрушеніемъ. „Въ общину,— говорилъ по этому поводу М. С. Толмачевъ въ рузскомъ комитетѣ,—внѣдрится какъ нѣчто совершенно ей чуждое, подворный владѣлецъ, внесетъ разладъ въ общину и незамѣтно въ корнѣ подорветъ ее“. Еще большую, конечно, роль сыграетъ въ данномъ случаѣ экономическая необходимость, въ какую неизбѣжно обернется для малоимущихъ крестьянъ дарованная имъ имущественная свобода. Процессъ разрушенія общины можетъ, однако, затянуться. 165 ст. о выкупѣ, предоставлявшая прежде право выхода изъ общины съ землею дѣйствовала два десятка лѣтъ, но передвинула лишь 0,12 надѣльной земли. Правда, теперь обстоятельства существенно измѣнились, но и за всѣмъ тѣмъ лежащій на надѣльной землѣ выкупной долгъ и затруднительность выдѣла подворныхъ участковъ могутъ опять стѣснить тѣхъ, кто пожелалъ бы воспользоваться „полной имущественной свободой“. Нѣкоторые дѣятели считали поэтому возможнымъ обойтись безъ „выдѣла“, другіе находили необходимымъ, приравнявъ общинное владѣніе къ общему владѣнію, производить „выдѣлъ въ отдѣльный участокъ, согласно общихъ правилъ о размежеваніи земель, находящихся въ общемъ

пользованіи", а также „совершать раздѣльные акты безъ взиманія пошлинъ и гербоваго сбора" и даже „принять на счетъ правительства расходы по отграниченію". Для того же, чтобы облегчить самый процессъ мобилизаціи надѣльной земли, нѣкоторые комитеты проектировали привлечь къ активному участію въ этомъ дѣлѣ крестьянскій банкъ, а также „обратить выкупной долгъ въ ипотечный" съ тѣмъ, чтобы онъ могъ „переходить вмѣстѣ съ землею на покупателя или наслѣдниковъ, согласно общихъ правилъ, изложенныхъ въ гражданскомъ кодексѣ". Послѣдняя мѣра значительно облегчила бы не только движеніе надѣльной земли въ крестьянской средѣ, но и скупку ея лицами неподатныхъ сословій. „Уходъ отъ земли" для слабой части крестьянства былъ бы, такимъ образомъ, значительно облегченъ и „возможность по своему развиваться" для предпринимательскаго хозяйства была бы обезпечена.

Либеральное знамя, которымъ сторонники личной поземельной собственности съ такимъ успѣхомъ воспользовались въ своемъ походѣ противъ общины, оказалось далеко не безполезнымъ имъ и на оборонительныхъ позиціяхъ. Въ трудахъ рузскаго уѣзднаго комитета мы находимъ слѣдующій документъ:

„Особое мнѣніе".

„8 ноября 1902 года рузскимъ комитетомъ по поднятію сельско-хозяйственной промышленности былъ принятъ большинствомъ голосовъ докладъ члена комитета Аржаникова о предоставленіи крестьянскимъ обществамъ права, въ случаѣ надобности, обращаться къ учрежденіямъ, спеціально на то уполномоченнымъ, для обязательнаго обмѣна земель имъ нужныхъ для округленія участка или въ случаѣ стѣсненія выгонами сосѣдними владѣльцами.

„Находя съ юридической точки зрѣнія въ этой мѣрѣ полное нарушеніе охраняемыхъ во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ правъ частной собственности и несправедливымъ предоставленіе такихъ особыхъ правъ крестьянскимъ обществамъ въ ущербъ другимъ частнымъ владѣльцамъ,

находящимся подъ охраной законовъ того же государства, мы полагаемъ, что эта мѣра, какъ нарушающая принципъ свободнаго владѣнія, не можетъ быть принята государствомъ, относительно чего и подаемъ особое мнѣніе.

К. Космовскій, Б. Шрамченко, Н. Бабинъ и Н. Голиковъ".

Въ томъ же Рузскомъ комитетѣ Н. М. Грюнеръ, возражая А. И. Цыбульскому, предложившему въ своей запискѣ для устраненія крестьянскаго малоземелья принудительный выкупъ частновладѣльческихъ земель, находилъ, что „предложеніе объ обязательной прирѣзкѣ земли стоитъ въ противорѣчіи съ другимъ положеніемъ г. Цыбульскаго—о необходимости уравненія правъ крестьянъ съ правами другихъ сословій. Съ другой стороны, докладчикъ, говоря о существующей, дѣйствительно, опекѣ правительства надъ крестьянскимъ сословіемъ, самъ поддерживаетъ эту опеку, предлагая надѣлить крестьянъ землею за счетъ землевладѣльцевъ и другихъ сословій. Прошло время для обязательныхъ и исключительныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію положенія какого-нибудь одного сословія, и если, дѣйствительно, у крестьянъ, земли не хватаетъ, ея мало, то для увеличенія ея не долженъ и не можетъ имѣть мѣста принудительный выкупъ".

Такимъ образомъ, знамя свободы оказалось возможнымъ водрузить даже надъ западнями, какими окружены крестьянскіе надѣлы, а равноправность оказалась полезной не только для того, чтобы во имя ея требовать принудительнаго („безъ согласія общества") отчужденія общинной земли въ пользу частныхъ лицъ, но и аргументировать ею высшую несправедливость обязательнаго выкупа необходимой для обществъ земли у частныхъ землевладѣльцевъ.

VI.

Средневѣковые рыцари имѣли право грабить проѣзжающихъ черезъ ихъ владѣнія. Конечно, и въ тѣ времена,—во времена господства кулачнаго права,—эта привилегія была облагорожена нѣкоторыми формами, поставлена подъ защиту, хотя бы и примитивной, юридической санкціи.

Сеньоры осуществляли свое право, или взимая дань, которою они облагали проѣзжающихъ по ихъ владѣніямъ, или присвоивая въ свою пользу то, что на ихъ землѣ „съ возу упало“. Никто, однако, не препятствовалъ имъ доводить эту дань до желательныхъ имъ размѣровъ и преднамѣренно опрокидывать цѣлые обозы. Никакихъ нормъ, никакой опеки жизнь въ этомъ направленіи не знала и своей свободой рыцари пользовались безъ стѣсненія.

Давно это было. Если бы кто въ наши дни, въ „просвѣщенномъ государствѣ“ предложилъ возстановить рыцарскія права, даже распространивъ ихъ на всѣ сословія, то его сочли бы сумасшедшимъ. И если я напоминаю о нихъ, то вовсе не затѣмъ, чтобы заподозрить кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей въ желаніи вернуть средневѣковую свободу, усовершенствовавъ ее современною равноправностью. Сумасшедшихъ въ комитетахъ не было и, во всякомъ случаѣ, не безумные проекты подлежатъ нашей критикѣ. Своей исторической справкой я желаю лишь напомнить читателямъ, что свобода вещь условная и что права бываютъ разныя.

Въ своемъ историческомъ развитіи человѣчество разрѣшаетъ одновременно двѣ задачи. Совершенствуя соціальныя формы, оно стремится не только расширить и обезпечить права каждой личности, но и ограничить нѣкоторыя изъ нихъ въ интересахъ коллективности. Въ этомъ послѣднемъ направленіи сдѣлано уже не мало и не только въ сферѣ уголовнаго, но и гражданскаго права. „Принципъ свободнаго владѣнія“, или,—что тоже,—полной имущественной свободы, уже ограниченъ не только по отношенію къ дорогамъ, составлявшимъ „вѣрную статью дохода“ для рыцарей, но и по отношенію къ такому, еще недавно казавшемуся священнымъ, праву, какъ право ростовщика взимать за свой капиталъ лихвенные проценты. Оцѣнивая предложенныя сторонниками личной поземельной собственности мѣры для рѣшенія земельнаго вопроса, мы не должны поэтому увлекаться красивыми и особо заманчивыми сейчасъ для насъ формулами, въ которыя они облекли свои проекты. Мы должны убѣдиться, что свобода, которою они желали бы надѣлить крестьянъ, дѣйствительно нужна, и что равноправность, во

имя которой они ея требуютъ, дѣйствительно осуществима. Только такимъ путемъ мы можемъ уяснить себѣ, насколько справедливъ и цѣлесообразенъ избранный ими способъ рѣшенія земельнаго вопроса.

Вопросъ о „полной имущественной свободѣ“, по скольку дѣло касается земли, въ настоящее время представляется наиболѣе уясненнымъ. Постулировать такую свободу не рѣшаются теперь, какъ извѣстно, даже буржуазные мыслители.

„Произвелъ ли кто нибудь землю?“—спрашивалъ въ 1866 г. въ англійскомъ парламентѣ Дж. Ст. Милль. „Если нѣтъ, то пріобрѣлъ ли ее кто-нибудь посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки отъ того, кто произвелъ ее? Мнѣ кажется, таковы основанія всѣхъ другихъ видовъ собственности. Но въ такомъ случаѣ, каковы же основанія права собственности на землю? Я удовлетворяюсь отвѣтомъ, который обыкновенно даютъ на этотъ вопросъ, и соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ. Хотя ни одинъ человѣкъ не произвелъ земли, но люди своимъ трудомъ создали ея цѣнныя качества; они разработали ее, когда она была въ непроизводительномъ состояніи, сдѣлали ее полезной человѣку и такимъ образомъ пріобрѣли на землю такое же справедливое право, какое имѣютъ люди на вещи, произведенныя ими. Очень хорошо. Я ничего не имѣю возразить противъ этого. Но почему, спрашиваю я, право, пріобрѣтенное улучшеніемъ земли, навсегда должно принадлежать тому, кто первый разъ ее улучшилъ? Развѣ тотъ, кто производитъ новыя улучшенія, которыхъ требуетъ земля, не пріобрѣтаетъ права однороднаго съ тѣмъ правомъ, которое пріобрѣлъ человѣкъ, произведшій первыя улучшенія? Разумѣется, я не хочу сказать, что когда одинъ человѣкъ пріобрѣлъ право на землю, улучшивъ ее, другой, произведя новыя улучшенія, можетъ лишить перваго собственника его права. Но я не допускаю также, чтобы человѣкъ, разъ улучшившій землю, пріобрѣталъ благодаря этому неоспоримое право препятствовать на вѣчныя времена кому бы то ни было другому производить улучшенія“ [1])...

---

[1]) Цитирую по брошюрѣ А. А. Мануилова „Очеркъ ирландскаго

Отвѣтъ, которымъ въ 1866 г. находилъ возможнымъ удовлетвориться знаменитый ученный, уже не можетъ удовлетворить насъ. За 40 лѣтъ научная мысль успѣла произвести на этотъ счетъ новыя изысканія, и мы теперь уже хорошо знаемъ, что „цѣнныя качества“ земли созданы вовсе не тѣмъ, кто первый своимъ трудомъ разработалъ ее, и даже не тѣмъ, кто производилъ дальнѣйшія улучшенія въ ней, по крайней мѣрѣ, не ими одними. Чтобы пояснить эту мысль, возьмемъ два—три примѣра изъ окружающей насъ дѣйствительности.

Московской думѣ было какъ-то доложено, что правительственная комиссія за участокъ г. Хомякова въ 55 квадр. саж., отчуждаемый городомъ подъ расширеніе Кузнецкаго переулка, назначила 222,750 руб., т. е. по 4,050 руб. за кв. саж. Десятина по такой оцѣнкѣ должна стоить 9.720,000 р. Цѣна, казалось бы, прямо фантастическая, а между тѣмъ, съ нею въ серьезъ должно было считаться московское общественное управленіе. Надо при этомъ замѣтить, что участокъ г. Хомякова не единственный съ своемъ родѣ. За земли въ другихъ переулкахъ та же комиссія назначила, хотя и меньшія, но тоже, можно сказать, фантастическія цѣны.

Согласимся въ данномъ случаѣ съ Московской думой и допустимъ, что это цѣны спекулятивныя, разсчитанныя на нужду города въ нѣкоторыхъ участкахъ для исправленія его плана. Признаемъ, что „принципъ свободнаго владѣнія“,— который нѣкоторые мѣстные дѣятели желали бы водворить въ деревнѣ, на столько уже силенъ въ городѣ, что даже правительственная комиссія не смогла или, какъ полагаетъ Московская дума, не захотѣла ограничить аппетиты гг. Хомяковыхъ. Посмотримъ, каковы нормальныя цѣны и заглянемъ для этого въ объявленія столичной газеты. Вотъ на одной, далеко не бойкой улицѣ С.-Петербурга предлагается 1726 кв. саж. „пустопорожней земли“ по цѣнѣ 200 руб. за квадр. саж. По расчету на десятину это составитъ 480,000 руб. До 10 милліоновъ, конечно, далеко, но и за всѣмъ

и англійскаго законодательствъ объ арендѣ“. Изд. Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Спб. 1903 г.

тѣмъ цифра не маленькая. Заподозрить эту цѣну мы уже не вправѣ. Кто же создалъ эти „цѣнныя качества“ земли? Двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда на ней самой и кругомъ ея виднѣлись только „ель, сосна, да мохъ сѣдой“, она вѣдь ничего не стоила. Неужели „цѣнныя качества“ ея создалъ тотъ, кто „разработалъ ее, когда она была въ непроизводи тельномъ состояніи“ или тотъ, кто произвелъ дальнѣйшія „улучшенія“? Но вѣдь, можетъ быть, никто до сихъ поръ эту „пусторожнюю землю“ не обрабатывалъ и никакихъ улучшеній, кромѣ забора, красующагося вокругъ нея сейчасъ, никѣмъ произведено не было. Откуда же взялась эта цѣна въ нѣсколько сотъ тысячъ? Отвѣтъ получить не трудно.

Представьте себѣ на мгновеніе, что Петербурга нѣтъ, что опять „все пусто и дико кругомъ“. Легко понять, что столь дорогая теперь земля, стоила бы опять не дороже находящагося на ней забора, да и за эту цѣну, можетъ быть, не нашлось бы покупателя. Въ данномъ случаѣ совершенно очевидно, что „цѣнныя качества“ земли созданы не тѣмъ, кто впервые огородилъ ее, и не тѣми, къ кому она переходила потомъ. Сотни тысячъ, которыя желаетъ положить въ карманъ современный ея владѣлецъ, создалъ Петербургъ, создало его полуторамилліонное населеніе, которое по тѣмъ или инымъ причинамъ должно жить на болотѣ; ихъ создала Россія, трудами многихъ поколѣній выстроившая этотъ городъ и оборудовавшая его домами, портомъ, дорогами, фабриками и заводами; ихъ создало человѣчество, тысячелѣтія работавшее надъ культурой... Да, мы теперь хорошо уже знаемъ, что въ современной цѣнности земли видную долю составляетъ „незаработанное приращеніе“, не заработанное частными владѣльцами, а созданное коллективностью, обществомъ, въ лицѣ прежнихъ и нынѣшнихъ поколѣній.

Въ городѣ это, конечно, виднѣе, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ цѣнахъ всей остальной земли „незаработанное приращеніе“ не играетъ роли. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое выраженіе можно употребить по отношенію къ Уфимскимъ землямъ, которыя были „расхищены“ у башкиръ по баснословно дешевой цѣнѣ и затѣмъ сразу болѣе, чѣмъ удесятерились въ своей цѣнности, какъ только дошла до

нихъ колонизаціонная волна. Возрастающая численность населенія, новая желѣзная дорога, всякій новый шагъ въ культурной и экономической жизни страны,—все это учитывается въ цѣнахъ на землю. Эти цѣны все растутъ и чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ быстрѣе расти. Нѣкоторые экономисты полагаютъ даже, что въ видѣ земельной ренты частныя лица обращаютъ въ свою пользу всѣ культурные успѣхи человѣчества, все, что пріобрѣтается его коллективными усиліями. Это, конечно, не совсѣмъ такъ. Въ жизни можно указать много другихъ формъ, въ которыхъ происходитъ систематическое присвоеніе отдѣльными лицами и классами общественнаго достоянія...

Несомнѣнно за то другое. Частные собственники на землю имѣютъ возможность обращать въ свою пользу не только пріобрѣтенія, но и нестроенія окружающаго ихъ общества. Вернемся, въ самомъ дѣлѣ, на минуту къ Хомяковскому участку. Легко понять, что въ „фантастической" цѣнѣ его учтены не только успѣхи, но и невзгоды первопрестольной столицы: и тѣ неудобства, которыя терпитъ въ своихъ сообщеніяхъ населеніе, и тотъ недостатокъ въ свѣтѣ и воздухѣ, который испытываетъ оно, благодаря кривымъ и узкимъ переулкамъ. Гг. Хомяковы оцѣнили время, которое тратятъ обыватели на обходъ ихъ участковъ, оцѣнили ихъ здоровье, оцѣнили жизнь дѣтей, которыя хирѣютъ въ полутемныхъ и сырыхъ квартирахъ,—и предъявили свой счетъ за нихъ на бланкѣ, именуемомъ „имущественной свободой". Въ деревнѣ, гдѣ подобные спекулянты имѣютъ дѣло не съ богатымъ и могущественнымъ городомъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, а съ темной и разрозненной массой бѣдняковъ, земельная спекуляція сказывается еще болѣе тяжкими послѣдствіями. Ниже мы увидимъ, что тамъ она имѣетъ массовый характеръ.

Такова „полная имущественная свобода", которую представители разсматриваемаго нами направленія желали бы водворить въ сферѣ земельныхъ отношеній. „Права", о которыхъ они хлопочутъ,—это во 1-хъ, право частныхъ лицъ обращать въ свою пользу плоды трудовъ всего общества и во 2-хъ, право сильныхъ классовъ эксплуатировать „слабѣй-

шую“ часть населенія. Что именно въ этомъ смыслѣ они понимаютъ права и свободу—убѣдиться не трудно. Нѣкоторые дѣятели рузскаго комитета,—какъ мы видѣли,—„принципомъ свободнаго владѣнія“ желали бы оградить даже „западни“, которыя понаставлены вокругъ крестьянскихъ надѣловъ, и тѣ „стѣсненія въ выгонахъ“, какія могутъ создать для крестьянскихъ обществъ сосѣдніе владѣльцы. Не менѣе откровенна въ своей запискѣ комиссія смоленскаго комитета. „Отрѣзныя земли,—говоритъ она,—часто имѣютъ для крестьянъ особую цѣнность, обусловленную ихъ расположеніемъ относительно надѣльной земли. Покупка ихъ нерѣдко необходима для крестьянъ и цѣнность ихъ должна устанавливаться крестьянскимъ банкомъ съ точки зрѣнія дѣйствительной необходимости ихъ для крестьянъ“. Смоленскіе дѣятели желаютъ, такимъ образомъ, не только обезпечить помѣщикамъ право на „особую цѣнность“, обусловленную расположеніемъ ихъ земли относительно крестьянскихъ надѣловъ, но и облегчить реализацію этой цѣнности за счетъ государственныхъ рессурсовъ. Такова оборонительная позиція, которую занимали послѣдовательные сторонники личной поземельной собственности. Такой же характеръ носила и наступательная ихъ тактика. Обращеніемъ общинной земли въ личную собственность они желали бы расширить область „имущественной свободы“ и всю землю сдѣлать для одного изъ классовъ орудіемъ присвоенія не имъ заработанныхъ цѣнностей.

Но развѣ въ такой свободѣ нуждается русская земля? Развѣ въ такой „равноправности“ заключается справедливое рѣшеніе земельнаго вопроса? Развѣ въ этомъ направленіи нужно искать и можно найти прогрессивныя формы общественной жизни?

Не только этика, но и право поступательнымъ развитіемъ жизни уже призваны на защиту общественныхъ правъ и общественнаго достоянія отъ захвата ихъ частными лицами и отдѣльными группами. Многіе виды общественной собственности уже пользуются не только гражданской, но и уголовной защитой. Теперь нельзя уже не только безнаказанно запускать руку въ общественную казну, но и без-

данно-безпошлинно цѣликомъ присвоивать себѣ результаты коллективной работы человѣчества. Въ формѣ налоговъ имущіе классы уже должны отдавать нѣкоторую часть доходовъ всему обществу. Въ частности, по отношенію къ „цѣннымъ качествамъ“ земли, финансовая практика „просвѣщенныхъ странъ“ уже намѣтила особую форму налога— въ видѣ „обложенія незаслуженнаго прироста цѣнностей“ [1]). Трудно, конечно, сказать, когда и въ какой формѣ общество рѣшится, наконецъ, возвратить все свое достояніе, уже присвоенное „посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки“ частными лицами. Но можно думать, что недалекъ уже день, когда оно наложитъ запретъ, по крайней мѣрѣ на все новое „незаработанное приращеніе“, какимъ могли бы воспользоваться личные поземельные собственники.

Равнымъ образомъ не только этика, но и право въ самыхъ различныхъ сферахъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ уже выступили на защиту слабѣйшей части населенія отъ эксплуатаціи, какая происходитъ въ современномъ обществѣ подъ знаменемъ „имущественной свободы“. Въ сферѣ земельныхъ отношеній эта защита пока очень еще слаба. Однако, и здѣсь практика „просвѣщенныхъ странъ“ уже намѣтила нѣкоторыя формы. Вопросы объ урегулированіи арендныхъ отношеній и о борьбѣ съ земельной спекуляціей даже у насъ не только многими общественными дѣятелями, но и нѣкоторыми представителями современной государственной власти считаются очередными. Какъ бы мы ни оттягивали неизбѣжный моментъ ограниченія свободы частныхъ поземельныхъ собственниковъ, во всякомъ случаѣ долго медлить съ этимъ дѣломъ намъ не придется. Не сегодня-завтра жизнь заставитъ взяться за его выполненіе. Само собой понятно, что задача будетъ тѣмъ легче и рѣшеніе тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше будетъ земли, которую придется возвращать такимъ образомъ обществу, и чѣмъ меньше окажется людей, которыхъ придется лишать права,

---

[1]) См. кн. П. Гензеля: Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнностей при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи др. странахъ. Спб. 1903.

хотя бы и несправедливаго, но такого, съ которымъ они уже сроднились.

Во всякомъ случаѣ, намѣчая основныя черты необходимой реформы, мы должны помнить, что не свобода собственниковъ нужна намъ, а свобода всего населенія. Для этого же необходимо обезпечить не только немногимъ счастливцамъ, но всѣмъ и каждому то право, о которомъ 40 лѣтъ тому назадъ говорилъ Дж. Ст. Милль,—право вкладывать въ землю свой трудъ, право производить въ ней новыя и новыя улучшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо найти и осуществить такія формы земельныхъ отношеній, при которыхъ каждый получалъ бы то, что имъ создано,—такія формы, при которыхъ земледѣльцу доставались бы всѣ продукты его личнаго труда, а общество получало бы все, что создано его коллективными усиліями.

Только въ этомъ направленіи, въ приближеніи только къ этому идеалу можно искать и найти справедливое рѣшеніе земельнаго вопроса. Въ этомъ же направленіи лежитъ и цѣлесообразное рѣшеніе великой проблемы. Если бы мы рѣшили ее теперь иначе, то намъ немедленно пришлось бы взяться за нее сызнова.

Аргументація сторонниковъ личной собственности на землю лежитъ, конечно, въ совершенно иной плоскости, чѣмъ только что развитая нами. Въ своихъ соображеніяхъ они апеллируютъ не къ справедливости, а къ богатству. Въ накопленіи послѣдняго, въ развитіи производительныхъ силъ населенія, по ихъ мнѣнію, заключается очередная задача. Можно думать, что не всѣ они упускаютъ изъ виду или сознательно замалчиваютъ проблему распредѣленія. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ, повидимому, необходимымъ лишь повременить съ нею. Сначала накопимъ, какъ бы говорятъ они, а потомъ уже дѣлить будемъ. Предпосылая одну задачу другой, они указываютъ, какъ и русскіе владѣльцы „западней,“ на „просвѣщенныя страны“, которыя шли именно такимъ путемъ. Мы должны, конечно, коснуться ихъ аргументовъ и съ этой стороны. Разсматривая земельный вопросъ съ точки зрѣнія производства, мы сами формулировали его въ видѣ дилеммы и, такимъ образомъ, какъ бы соглашались, что въ этомъ

направленіи для насъ „есть два пути“. Мы должны теперь убѣдиться, дѣйствительно ли идеи соціальной справедливости мы можемъ отложить пока въ сторону и рѣшить земельный вопросъ такъ, какъ въ свое время рѣшила его Европа. Вернемся для этого къ теоретику разсматриваемаго нами направленія—къ г. Воскресенскому, вполнѣ искренно, повидимому, убѣжденному, что „цѣною обезземеленія части земледѣльческаго населенія достигается увеличеніе національнаго производства“.

Основную причину задержки въ развитіи производительныхъ силъ населенія г. Воскресенскій, какъ и мы, видитъ въ крестьянскомъ малоземельѣ, въ отсутствіи у крестьянъ „избытковъ“, за счетъ которыхъ, съ одной стороны, могъ бы происходить ростъ неземледѣльческой промышленности въ странѣ, а съ другой — могло бы технически совершенствоваться сельскохозяйственное производство. Мы говорили уже, почему у крестьянъ нѣтъ этихъ избытковъ. Мы видѣли, что съ самаго начала крестьянское хозяйство было поставлено въ такія условія, при которыхъ весь прибавочный продуктъ экспропріировался и по сей день экспропріируется у него другими классами. Г. Воскресенскій не пожелалъ заглянуть въ прошлое и нѣсколько внимательнѣе присмотрѣться къ настоящему. Встрѣтившись съ фактомъ, онъ поспѣшилъ возвести его въ принципъ и призналъ населеніе, „дробящее землю“, органически неспособнымъ къ созданію прибавочнаго продукта. Къ тому, чего г. Воскресенскій и прочіе съ нимъ не видятъ въ прошломъ, мы можемъ сейчасъ не возвращаться. Намъ нужно посмотрѣть только, что дадутъ рекомендуемыя ими мѣры въ будущемъ.

Считая необходимымъ ради „избытковъ“ удалить значительную часть населенія отъ земли, они полагаютъ, что этому препятствуетъ только „двойное право“. Дѣйствительно ли это, однако, такъ? Дѣйствительно ли мужикъ, довольный „фикціей обезпеченія“, лежитъ на печи и не ищетъ неземледѣльческихъ занятій? Достаточно, я думаю, прямо поставить этотъ вопросъ, чтобы всякій мало-мальски совѣстливый и хоть немного знакомый съ нашею дѣйствительностью человѣкъ съ негодованіемъ отринулъ эти крѣпостническія

инсинуаціи. Нужно ли напоминать про милліоны кустарей, работающихъ порою до двадцати часовъ въ сутки? Нужно ли говорить про милліоны отхожихъ промышленниковъ, проходящихъ тысячи верстъ въ поискахъ себѣ какихъ либо занятій? Если крестьянинъ упорно держится за „фикцію", то очевидно, что та „реальность", которую онъ находитъ въ индустріи, представляется очень мало заманчивой. Отъ того же г. Воскресенскаго, хотя онъ и выражается очень мягко на этотъ счетъ, мы знаемъ, что „хорошо и прочно" въ промыслахъ устраиваются „сравнительно очень немногіе". А если это такъ, то гдѣ же гарантія, что „лишенное права" населеніе передастъ свое трудовое производство предпринимателямъ? Не будетъ ли оно по прежнему дробить землю, хотя бы и на иныхъ началахъ? Вѣдь и сейчасъ оно дробитъ не только общинную землю. Оно дробитъ подворные участки, гдѣ таковые имѣетъ, оно дробитъ купчія земли, оно дробитъ арендный фондъ. Въ пылеобразное состояніе земля при личной собственности можетъ быть обращена съ неменьшимъ удобствомъ, чѣмъ и при общинномъ землевладѣніи. Гдѣ же, повторяю, гарантія тому, что, водворивъ личную собственность въ надѣльномъ землевладѣніи, мы обезпечимъ расцвѣтъ предпринимательскаго хозяйства. „Скупка" надѣловъ, въ формѣ аренды, практикуется вѣдь и сейчасъ, но очень часто не для эксплуатаціи, а для пересдачи. Кто же поручится, что „зажиточные домохозяева", скупивъ надѣлы своихъ сосѣдей, сами поведутъ усовершенствованное хозяйство, а не предпочтутъ вести его при посредствѣ вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ арендаторовъ, которые по прежнему не будутъ имѣть „избытковъ", а, стало быть, и возможности улучшать производство?

Исторія дала уже намъ поучительный примѣръ въ лицѣ Ирландіи, аграрныя отношенія которой такъ сильно напоминаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наши русскія. Прошли вѣдь цѣлыя столѣтія, а ирландскіе лэндлорды такъ и не пожелали взяться за сельскохозяйственное производство. Земля въ ихъ рукахъ до послѣднихъ дней служила и служитъ лишь средствомъ, чтобы держать въ нищетѣ трудящуюся массу. Послѣ вѣкового хроническаго недоѣданія народа,

послѣ многихъ острыхъ его голодовокъ, послѣ массоваго бѣгства его за океанъ, послѣ неоднократныхъ приступовъ аграрнаго террора—въ этой странѣ безраздѣльнаго господства личной поземельной собственности въ концѣ концовъ пришлось всетаки ограничить „имущественную свободу“ и даже приступить къ мобилизаціи земли въ сторону трудящихся массъ населенія.

Допустимъ, однако, что „формы землевладѣнія, выработанныя у западноевропейскихъ народовъ“, достаточно совершенны не только для того, чтобы обезземелить значительную часть населенія, но и для того, чтобы изгнать ее изъ деревни. Допустимъ, что у оставшихся въ сельскомъ хозяйствѣ счастливцевъ появятся избытки. Достаточно ли, однако, будетъ этихъ послѣднихъ для того, чтобы за счетъ ихъ снабдить не земледѣльческимъ трудомъ все изгнанное изъ деревни населеніе? Теорія рынковъ оставляетъ вѣдь подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ, можетъ ли развивающаяся индустрія довольствоваться рынкомъ, какой въ состояніи представить сельское хозяйство, ведущееся на предпринимательскихъ началахъ. Ни одной „самодовлѣющей“ въ этомъ смыслѣ страны среди „просвѣщенныхъ странъ“ мы не знаемъ. За то мы знаемъ, что самый процессъ обезземеленія массъ обычно сопровождается въ народно-хозяйственной жизни самыми тяжкими бѣдствіями и самыми острыми потрясеніями. И едва ли въ наши дни можно сознательно затѣвать такую операцію.

Тяжкія послѣдствія народнаго обнищанія намъ суждено переживать въ такую эпоху, когда общественная мысль уже не можетъ не считаться съ его причинами, а общественная совѣсть не можетъ не волноваться его послѣдствіями. Мы живемъ въ странѣ съ далеко не полнымъ еще господствомъ личной собственности на землю, съ далеко не отжившими еще въ народномъ сознаніи трудовыми воззрѣніями на нее. Уже поэтому мы не можемъ закрыть глаза. И если бы мы твердо даже рѣшились идти до конца по пути обезземеленія массъ, то и въ такомъ случаѣ нашъ путь будетъ осложненъ и затрудненъ цѣлымъ рядомъ мучительныхъ сомнѣній и неизбѣжныхъ метаній изъ стороны въ сторону.

Предпринять и послѣдовательно довести до конца эту тяжелую операцію не позволитъ не только общественная совѣсть. Этого не дозволитъ,—что еще важнѣе,—классовое самосознаніе городскихъ рабочихъ, которымъ придется выносить на своихъ плечахъ конкурренцію безработныхъ массъ, выгоняемыхъ изъ деревни. Этого не позволитъ сама раззоряемая деревня, которая уже грозитъ, какъ мы видѣли, далеко не призрачною „опасностью". Этого не позволитъ, наконецъ, чувство самосохраненія самихъ правящихъ классовъ, какъ бы ни желали они сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную ренту.

О силѣ этого послѣдняго чувства мы можемъ судить по трудамъ тѣхъ же сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не случайно и не изъ платонической любви къ крѣпостнымъ формамъ нѣкоторые мѣстные дѣятели желали бы установить неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ, преобразовавъ ихъ сначала въ недробимые. Мелкая собственность, по мнѣнію г. Родіонова, создастъ то „наиболѣе прочное и консервативное ядро, котораго такъ не достаетъ въ современной жизни русской деревни". Еще подробнѣе эту мысль развиваетъ въ своей запискѣ другой членъ симбирскаго комитета, г. Михайловъ. „Отсутствіе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ", говоритъ онъ, „порождаетъ весьма опасный антагонизмъ между помѣстнымъ сословіемъ и крестьянскимъ, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго контраста между ними. Созданіе по всей русской территоріи цѣлой сѣти мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, несомнѣнно, уничтожитъ этотъ, крайне опасный для государства, все усиливающійся антагонизмъ, на что указываютъ наши послѣдніе аграрные безпорядки, и вмѣстѣ съ тѣмъ положитъ прочный базисъ соціальнаго порядка въ странѣ". Можно даже думать, что, если крестьянское малоземелье и интересовало нѣкоторыхъ дѣятелей этой категоріи, то лишь потому, что „необезпеченный земледѣлецъ", какъ выразился предсѣдатель симбирскаго комитета, постоянно возвращавшійся къ этой мысли, „можетъ стать гораздо опаснѣе всякаго пролетарія". Заправскимъ рентьерамъ нуженъ буферъ противъ послѣдняго и ради этого они готовы даже ограничить столь любезную

имъ имущественную свободу. Ради этого представители ихъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ не только соглашались навсегда оставить значительную часть земли въ рукахъ людей, которые „умѣютъ сѣять только сѣрые хлѣба", но и предоставить въ ихъ распоряженіе новыя площади и при томъ не только изъ казенныхъ земель, но и изъ „благоустроенныхъ имѣній". Невозможность рѣшить земельный вопросъ простымъ изгнаніемъ части крестьянскаго населенія изъ деревни настолько очевидна, что даже самые послѣдовательные сторонники предпринимательскаго хозяйства должны были проектировать мѣры для расширенія крестьянскаго землепользованія. Своими руками, такимъ образомъ, они должны были „дробить землю".

Особенность нашего положенія въ томъ и заключается, что въ земельномъ вопросѣ мы должны одновременно имѣть дѣло съ двумя задачами: и съ проблемой производства, которая остается все еще неразрѣшенной въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, и съ проблемой распредѣленія, которая въ самыхъ острыхъ формахъ уже встала передъ нами. Ни одну изъ нихъ обойти мы не можемъ. Рѣшать же ихъ въ разныхъ направленіяхъ—это значитъ только запутывать и безъ того трудный узелъ, какой завязала намъ исторія.

VII.

Съ теоретической точки зрѣнія вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ допускаетъ не одно, а нѣсколько рѣшеній. При той же численности земледѣльческаго населенія и при тѣхъ же размѣрахъ его земельной площади можно углубить послѣднюю, сдѣлавъ ведущееся на ней хозяйство болѣе интенсивнымъ и прилагаемый къ ней трудъ болѣе продуктивнымъ. Можно, далѣе, сократить численность сельско-хозяйственнаго населенія. Можно, наконецъ, увеличить размѣры находящейся въ его распоряженіи земельной площади. Въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, какъ мы видѣли, были принципіальные сторонники каждаго изъ этихъ рѣшеній. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ представляется, что въ ряду практическихъ мѣръ, предложенныхъ мѣстными дѣятелями, рѣ-

шительное преобладаніе получили тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ цѣлью расширить размѣры и облегчить условія крестьянскаго землепользованія. С. Н. Прокоповичъ, подсчитавшій постановленія комитетовъ, нашелъ, что комитеты, высказавшіеся по данному вопросу положительно, относятся къ комитетамъ, высказавшимся отрицательно, какъ 227 къ 44 [1]). Поставленные лицомъ къ лицу съ практической задачей, мѣстные дѣятели должны были считаться прежде всего съ потребностями, которыя имъ казались наиболѣе неотложными, и съ возможностями, которыя представлялись имъ наиболѣе осуществимыми. Вопросъ же о крестьянскомъ малоземельѣ является въ настоящее время настолько острымъ, а возможность какого бы то ни было разрѣшенія его настолько ограниченной, что люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій должны были нерѣдко сходиться на „прирѣзкѣ новыхъ пространствъ къ надѣльнымъ землямъ". Сколько нибудь серьезный споръ, если и могъ быть, то не о томъ, нужна ли такая мобилизація, а лишь о формахъ и размѣрахъ, въ какихъ она должна быть выполнена.

Въ своемъ обзорѣ, предложенныхъ комитетами въ этомъ направленіи мѣръ, я постараюсь, не вдаваясь въ частности, прослѣдить лишь основныя теченія общественной мысли, какія сказались въ комитетскихъ проектахъ.

Важнѣйшимъ и наиболѣе доступнымъ рессурсомъ въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ мѣстнымъ дѣятелямъ представлялись казенныя земли. Даже убѣжденные сторонники помѣстной формы землевладѣнія соглашались поступиться ими въ пользу крестьянъ [2]), лишь бы

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Спб. 1904 г.

[2]) За предоставленіе свободныхъ государственныхъ земель крупнымъ предпринимателямъ высказались единичные комитеты. Хорольскій, напримѣръ, комитетъ, рекомендуя для землеустроительныхъ работъ американскую систему, полагалъ, что „пространства, отводимыя переселенцамъ, должны чередоваться приблизительно въ шахматномъ порядкѣ съ землями крупнаго частнаго владѣнія и свободными незаселенными мѣстами, оставляемыми за казною". Только въ такомъ „шахматномъ" порядкѣ и рѣшались обыкновенно говорить объ этомъ мѣстные дѣятели.

отстоять по возможности цѣлость „благоустроенныхъ имѣній“. „Совершенно ясно,—говоритъ въ своемъ докладѣ Н. А. Хвостовъ,—что гораздо удобнѣе отвести крестьянамъ пустопорожнюю, не имѣющую никакой стоимости казенную землю въ Сибири и нѣтъ никакого разсчета прикупать имъ по дорогой цѣнѣ землю на мѣстѣ, ту землю, которая имъ нужна исключительно для того, чтобы сѣять рожь для собственнаго пропитанія“. Г. Юматовъ, полагавшій главную задачу земельной реформы въ томъ, чтобы „отучить“ крестьянина отъ мысли, что ему „всегда будетъ отводиться новая земля, какъ только старой у него будетъ мало“, тѣмъ не менѣе признавалъ необходимымъ предоставить казенныя земли крестьянамъ, видя въ этомъ средство „для окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса разъ навсегда“. Само собой понятно, что принципіальные сторонники трудового хозяйства высказывались по этому предмету еще энергичнѣе. Извѣстныя попытки упрочить за счетъ государственныхъ земель предпринимательское хозяйство встрѣтили съ ихъ стороны самое рѣзкое осужденіе.

Жизнь съ достаточною уже опредѣленностью намѣтила ту форму, въ которой шире и лучше всего могутъ быть использованы государственныя земли, расположенныя, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, на окраинахъ. Такою формою издавна являлось и надолго еще, вѣроятно, останется переселеніе.

Нельзя упускать изъ виду, что мы живемъ въ странѣ, колонизаціонную работу въ которой отнюдь нельзя считать завершившейся. Начатая задолго до возникновенія государственности, эта работа имѣла когда-то широкій размахъ. Предоставленное самому себѣ и своему хозяйственному инстинкту, населеніе быстро заселяло огромную равнину, смѣло врѣзаясь съ топоромъ въ чащу дѣвственнаго лѣса и шагъ за шагомъ поднимая плугомъ цѣлинныя земли столь же дѣвственной степи. Какъ ни примитивно было хозяйство, какъ ни низка была культура, какъ ни слабы были общественные навыки, населеніе успѣшно справлялось съ этой нелегкой задачей. Государственность если и была нужна, то только для борьбы съ врагами этой мирной культуры,

для защиты отъ дикаго звѣря, соловья-разбойника, отъ злого кочевника. Военно-охотничья организація,—въ каковой формѣ государственная власть функціонировала въ удѣльный періодъ,—не смогла, однако, выполнить этой основной задачи, ради которой была создана, и многочисленные князья съ ихъ дружинниками не спасли Руси отъ татарскаго нашествія. Могнольское иго надолго затруднило колонизаціонную работу населенія: своими набѣгами и поборами татары ослабили его хозяйственную силу и преградили ему дорогу къ благодатному югу.

Окрѣпшая мало-по-малу въ борьбѣ съ татарами, русская государственность выполнила, наконецъ, задачу, къ которой была призвана, т. е. обезпечила внѣшнюю безопасность населенію. Но за это время она успѣла отлиться въ такія формы, которыя далеко не всегда совпадали съ интересами мирной колонизаціонной работы. Борьба съ сосѣдями постепенно утратила значеніе самообороны и получила характеръ завоеванія; предѣлы страны стали раздвигаться въ такихъ размѣрахъ, какихъ не требовала хозяйственная жизнь населенія, и нерѣдко въ такую сторону, въ которой колонизація не могла имѣть мѣста. Въ интересахъ внѣшняго могущества государство закрѣпостило всѣ слои населенія и прервало ту работу, ради которой было создано: оно прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, закрѣпило ихъ за помѣщиками. Колонизаціонная работа могла происходить только тайкомъ, піонерами новыхъ мѣстъ должны были сдѣлаться бѣглые: бѣглые завладѣли Сибирью, бѣглые заселили Новороссію. По мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя государственная организація, эта „вольная“ колонизаціонная работа становилась все слабѣе и постепенно сошла на нѣтъ. Вольную,—хотя бы условно только вольную,—колонизацію смѣнила принудительная: крестьянъ продавали „на свозъ“ и отправляли въ ссылку. Едва ли нужно говорить, что выгода помѣщика и велѣніе уголовнаго закона далеко не всегда совпадали съ хозяйственными потребностями трудящагося населенія.

Въ пореформенное время, съ освобожденіемъ крестьянъ, этотъ основной хозяйственный процессъ, казалось бы, долженъ былъ получить нормальное теченіе. Въ дѣйствитель-

ности, однако, этого не случилось. Пользуясь данными, собранными въ запискѣ г. Россова [1]) и въ другихъ трудахъ мѣстныхъ дѣятелей, я позволю себѣ напомнить важнѣйшіе моменты исторіи переселенческаго дѣла въ пореформенное время.

Какъ это ни странно, въ законодательныхъ актахъ освободительной эпохи о переселеніяхъ не упоминалось вовсе. Данное въ „Положеніи о крестьянахъ“ рѣшеніе земельнаго вопроса считалось, очевидно, исчерпывающимъ. Г. Кауфманъ, ссылаясь на Ѳ. Г. Тернера, это умолчаніе о переселеніяхъ объясняетъ, главнымъ образомъ, „настроеніемъ общественнаго мнѣнія и, въ частности, землевладѣльческихъ круговъ и высшихъ сферъ общества“. „Опасались,—говоритъ онъ,—что крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по всей Россіи, и что при значительномъ развитіи переселенія трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ, землевладѣльцы потеряютъ и съемщиковъ на землю и, такимъ образомъ, лишатся единственной, остававшейся еще въ ихъ рукахъ, вѣрной статьи дохода“ [2]). Желая обезпечить землевладѣльцамъ эту „вѣрную статью дохода“, авторы „Положенія“ сознательно, такимъ образомъ, закрыли для крестьянина выходъ на свободныя земли и тѣмъ поставили его въ положеніе подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Въ 1866 году, съ прекращеніемъ отпускавшихся до того кредитовъ, фактически были отмѣнены переселенія и государственныхъ крестьянъ. Крестьянская колонизація государственныхъ земель даже въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она имѣла мѣсто въ крѣпостную эпоху, должна была, такимъ образомъ, „по отсутствію на то законныхъ основаній“, прекратиться. Легальныхъ формъ для нея не оставалось.

Трудно, однако, сдержать стихійный потокъ хозяйственной жизни. Въ послѣдней есть свой „царь“—и „этотъ царь

---

[1]) „Крестьянскія переселенія Саратовской губ.“. Приложеніе къ Саратовск. Земск. Недѣлѣ за 1902 г.

[2]) См. ст. „Переселеніе“ въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

безпощаденъ“. Его велѣніемъ случилось то, чего такъ боялись правящіе круги при освобожденіи. Въ поискахъ хлѣба крестьяне „массами стали бродить по всей Россіи“. Лишенные возможности передвинуть свое хозяйство, завязшее въ „западнѣ“ окруженнаго частновладѣльческими землями надѣла, они должны были развивать свою хозяйственную энергію главнымъ образомъ въ качествѣ отхожихъ промышленниковъ. Въ эту форму отлился и колонизаціонный процессъ. Массы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ должны были ежегодно передвигаться изъ центра къ окраинамъ съ тѣмъ, чтобы, отбывъ „страду“, каждый разъ вновь возвращаться на свои „обрѣзанные“ надѣлы. Недостаточно надѣленный землею крестьянинъ сдѣлался, такимъ образомъ, батракомъ не только для ближайшаго „господина или помѣщика“, но и для отдаленныхъ предпринимателей, очень быстро захватившихъ въ свои руки плодородныя степи южной и юговосточной Россіи. Даже казенныя земли на этихъ ближайшихъ окраинахъ были лишь очень недолго доступны трудовому крестьянству, а затѣмъ онѣ или были „расхищены“, или, обращенныя въ „оброчныя статьи“, попали въ руки спекулянтовъ-съемщиковъ, которые въ пересдачѣ ихъ нашли новое средство для эксплуатаціи окрестнаго населенія.

Колонизаціонное теченіе на востокѣ, сѣверовостокѣ и другихъ болѣе отдаленныхъ окраинахъ должно было получить, однако, иной характеръ. Суровая природа представляла тамъ мало соблазновъ для „частной предпріимчивости“, а отдаленность отъ рабочихъ и хлѣбныхъ рынковъ дѣлала капиталистическое хозяйство прямо невозможнымъ. Лишь въ самые послѣдніе годы, съ увеличеніемъ населенія на этихъ окраинахъ и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тамошнія земли получили значеніе лакомаго куска въ глазахъ господъ „удачниковъ“. Законъ 1901 г. уже открылъ дверь въ Сибирь частному и, главнымъ образомъ, дворянскому землевладѣнію. Саратовскіе помѣщики уже создали планъ совмѣстнаго заселенія этой страны тѣми, кто будетъ получать всякаго рода ренту, и тѣми, кто долженъ будетъ довольствоваться только заработной платой. Общій характеръ колонизаціонной работы въ Сибири даже въ ближайшемъ

будущемъ можетъ существенно измѣниться. До сихъ же поръ эта работа всецѣло лежала на плечахъ трудового крестьянства.

Отсутствіе легальнаго русла не могло предотвратить возникновеніе и очень быстрое наростаніе въ эту сторону переселенческаго потока. Уже вскорѣ послѣ освобожденія начались самовольныя переселенія крестьянъ, а къ концу 70-хъ годовъ они приняли массовой характеръ. Въ началѣ 80-хъ годовъ переселенческій вопросъ былъ переданъ на заключеніе свѣдущихъ людей, которые пришли къ такому заключенію: „государство должно считаться съ фактомъ переселенія, создаваемымъ жизнью, не пытаясь подчинить его какимъ либо нормамъ и своей опекѣ; въ силу этого должно быть признано право каждаго на переселеніе съ такими лишь ограниченіями, которыя не препятствовали бы правильному и свободному теченію жизни. Переселеніе должно быть двухъ видовъ: съ содѣйствіемъ правительства, вызываемое необходимостью заселенія окраинъ, или крайнимъ малоземельемъ и избыткомъ рабочихъ рукъ, и безъ такого содѣйствія, свободное для всѣхъ, при чемъ для переселенцевъ перваго рода слѣдуетъ отводить надѣлы въ ближайшихъ мѣстностяхъ, второго рода—въ Сибири, Средней Азіи и Закавказьѣ“ [1]). Правительство держалось, однако, совершенно иной точки зрѣнія. Оно вынуждено было, конечно, мириться съ фактомъ самовольно зародившагося переселенческаго движенія, но, съ своей стороны, считало необходимымъ относиться къ нему съ „величайшей“, „сугубою осторожностью“, дабы не вызвать, между прочимъ, въ народѣ „несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія землей“. Этихъ взглядовъ оно держалось до созыва свѣдущихъ людей, ими же опредѣлилась и вся дальнѣйшая его переселенческая политика.

Въ 1886 году, по представленію гр. Д. А. Толстого, были утверждены правила, положенныя затѣмъ въ основу окончательно утвержденнаго въ 1889 году переселенческаго закона. „Они“, говоритъ г. Россовъ, „были діаметрально про-

---

[1]) Цитирую по упомянутой выше запискѣ Н. Россова.

тивоположны основамъ предложеннаго свѣдущими людьми проекта: переселеніе цѣликомъ было подчинено „нормамъ и опекѣ“ государства; оно допускалось для наиболѣе нуждающихся крестьянъ „по избранію мѣстной администраціи“, которой предоставлено было право останавливать переселеніе, предпринятое, *по ея мнѣнію*, неосмотрительно, безъ достаточныхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли... Пускать, по закону, слѣдовало тѣхъ, кто, во 1-хъ, можетъ дойти и устроиться на новомъ мѣстѣ самъ, безъ правительственной помощи, значитъ, болѣе или менѣе зажиточный элементъ деревни, и во 2-хъ, тѣхъ, чей выходъ изъ общества не противорѣчитъ интересамъ лицъ, остающихся на родинѣ. Чьи, главнымъ образомъ, интересы имѣлись при этомъ въ виду, легко понять изъ того, что административные органы, разрѣшая переселенія, должны были принимать въ разсчетъ, „чтобы у оставшихся не оказалось земли больше узаконенной для мѣстности нормы высшаго надѣла и чтобы не бросали мѣста тамъ, гдѣ можно найти заработки“. Самовольныхъ переселенцевъ законъ 1889 г. предписываетъ возвращать обратно. „Этотъ законъ“, говоритъ цитируемый нами авторъ, „гораздо больше направленъ на то, чтобы сдерживать переселеніе, чѣмъ на то, чтобы облегчать его“.

Опасливая нота, слышавшаяся въ законѣ, конечно, хорошо была усвоена и даже усилена мѣстною администраціею. Разрѣшенія выдавались ею очень туго. Чтобы выполнить суровыя велѣнія хозяйственной жизни, населеніе должно было переселяться тайкомъ: число самовольныхъ переселенцевъ достигало въ нѣкоторые годы 70—80%. Такимъ образомъ, и въ пореформенное время колонизаціонная работа въ значительной ея части должна была выполняться бѣглыми.

Главнѣйшее вниманіе правительства въ девяностые годы было обращено на борьбу съ этимъ самовольнымъ переселеніемъ. Возвращать самовольныхъ переселенцевъ назадъ, какъ этого требовалъ законъ, было, конечно, немыслимо: при массѣ ихъ, на это потребовались бы, не говоря о прочемъ, слишкомъ большіе рессурсы. Всѣ надежды пришлось возложить на мѣры предупредительнаго характера. Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 1894 года губернато-

рамъ было вмѣнено въ обязанность чрезъ чиновъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и полицейскихъ учрежденій слѣдить за приготовленіями къ самовольному переселенію и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Сельскимъ властямъ предписано было слѣдить за выдачей паспортовъ на временную отлучку, такъ какъ подъ видомъ послѣдней часто предпринимается переселеніе; за продажей имущества, такъ какъ она можетъ быть вызвана желаніемъ переселиться; за пріобрѣтеніемъ вещей, необходимыхъ для дальней дороги, такъ какъ это можетъ служить къ раскрытію тѣхъ же незаконныхъ намѣреній. Сельскія власти, допустившія завѣдомо или по небрежности самовольный уходъ, подлежали отвѣтственности. Такимъ образомъ, чтобы сдержать переселеніе, были пущены въ ходъ полицейскій сыскъ и административныя кары.

На ряду съ этимъ, лицъ, добившихся разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ предписывали сдерживать „разумными совѣтами" и предостереженіями о дороговизнѣ пути, о трудности устроиться на новомъ мѣстѣ и т. д. Въ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ характеромъ переселенческой политики находятся и тѣ неоднократныя попытки пріостановить движеніе, какія по разнымъ причинамъ предпринимало правительство. Уже въ 1892 г. выдача разрѣшеній на переселеніе была временно пріостановлена, при чемъ распоряженіе это имѣло силу до 1895 года. Изъ-за недостатка отведенныхъ подъ поселеніе земель въ 1897 году новымъ циркулярнымъ распоряженіемъ не только была прекращена выдача переселенческихъ свидѣтельствъ, но и были задержаны на родинѣ крестьяне, уже получившіе разрѣшенія. Въ 1900 и 1901 гг. были предприняты новыя попытки остановить движеніе въ виду, съ одной стороны, китайскихъ осложненій, а съ другой—въ виду неурожая, постигшаго степныя мѣстности Сибири. Необходимо, наконецъ, отмѣтить, что районъ, доступный переселенческому движенію, подвергался за указанное время неоднократнымъ ограниченіямъ. Сначала были закрыты для переселенцевъ западно-сибирскія губерніи, затѣмъ Акмолинская область, Алтайскій округъ и т. д.

Передача завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ комитету сибирской желѣзной дороги и особому переселенческому управленію сказалась нѣкоторымъ усиленіемъ вниманія къ нуждамъ переселенцевъ, но почти исключительно на мѣстахъ ихъ водворенія и отчасти въ дорогѣ. Что касается условій, какими переселенія обставлены на мѣстахъ выхода, то они и по сей день остаются прежними.

Мѣры, предпринимавшіяся правительствомъ, оказались— какъ я уже сказалъ,—безсильными предотвратить наростаніе переселенческаго потока. Въ 1885 году переселенцевъ насчитывалось менѣе 12.000 человѣкъ, а во второй половинѣ 90-хъ годовъ ежегодная цифра ихъ превышала уже 200.000. Несомнѣнно, однако, что всякаго рода стѣсненія, которыми обставлено переселенческое движеніе, существенно вліяютъ и на его размѣры, и на его формы. Долго сдерживаемая переселенческая волна прорывается обыкновенно въ той или иной мѣстности сразу и захватываетъ массу хозяйствъ. Съ внѣшней стороны движеніе получаетъ, такимъ образомъ, характеръ соціальной эпидеміи, и многіе склонны объяснять это легковѣріемъ крестьянъ, съ одной стороны, и агитаціей всякихъ проходимцевъ—съ другой. Подвергнувъ, однако, одну изъ такихъ эпидемій (1889—1890 гг.) объективному изслѣдованію, коммиссія саратовскаго земства легко убѣдилась, что „причины движенія лежатъ глубоко въ условіяхъ экономическаго быта населенія". „62% обществъ, изъ которыхъ поступили прошенія о переселеніи", говоритъ коммиссія въ своемъ докладѣ, „совершенно не обезпечены землей, 32% обществъ недостаточно обезпечены землей и только 6%, имѣя отъ 13 до 21,4 дес. всѣхъ угодій на дворъ, могутъ считаться достаточно обезпеченными... Надѣлъ переселенческихъ обществъ (6,9 дес. всѣхъ угодій на дворъ) чуть не вдвое ниже средняго крестьянскаго надѣла по губерніи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, какъ „средній крестьянинъ арендуетъ 2,7 дес. частновладѣльческой пашни подъ посѣвъ, средній крестьянинъ переселенческихъ обществъ,—около 4 дес. Первый платитъ за аренду частновладѣльческой пашни 18,4 руб. въ годъ, а послѣдній около 32 руб., а въ 11 переселенческихъ обществахъ въ среднемъ выводѣ даже

45,6 руб. на 1 дворъ. Арендная плата за десятину у переселенческихъ обществъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю, на 1 р. 20 к. выше средней цѣны по губерніи“.

Массовыя ходатайства о переселеніяхъ встрѣчаютъ обыкновенно усиленный отпоръ со стороны администраціи. Цифры показываютъ, что чѣмъ больше ходатайствъ, тѣмъ выше процентъ отказовъ. Сопоставивъ данныя по Саратовской губ. о просившихъ въ 1889—1890 гг. разрѣшенія съ данными о дѣйствительно переселившихся за эти годы, г. Россовъ пришелъ къ заключенію, что „ушли не только далеко *не всѣ*, но и далеко *не тѣ*, кто хотѣлъ и, какъ доказывалъ докладъ коммиссіи, хотѣлъ не безъ основанія.

И это общее явленіе. Малоземельныя группы крестьянскаго населенія, наиболѣе сильно нуждающіяся въ переселеніи и наиболѣе страстно къ нему стремящіяся, встрѣчаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшія къ нему препятствія. Требованія закона о томъ, чтобы переселялись лишь тѣ, кто можетъ дойти и устроиться на новомъ мѣстѣ безъ правительственной помощи, является для администраціи наиболѣе удобнымъ средствомъ, чтобы сдерживать переселенческое движеніе. Разрѣшеніе переселиться обусловливается обыкновенно тѣмъ, чтобы, кромѣ средствъ, необходимыхъ на дорогу,—для чего по расчетамъ администраціи нужно около 15 руб. на каждую душу старше 5 лѣтъ,—переселенцы располагали еще свободнымъ остаткомъ не менѣе 300 руб. на хозяйство. Это требованіе,—по единодушному отзыву сельскохозяйственныхъ комитетовъ,—совершенно извращаетъ основныя задачи переселенія. Воспользоваться правомъ на переселеніе и, стало быть, даваемыми переселенцамъ въ пути и на новомъ мѣстѣ льготами при такихъ условіяхъ могутъ только болѣе сильныя хозяйственныя единицы. Что касается маломощныхъ дворовъ, до для нихъ обыкновенно оказывается возможнымъ лишь самовольное переселеніе, со всѣми тяжелыми его послѣдствіями: отъ тайной и потому особенно убыточной распродажи имущества на прежнемъ мѣстѣ до долгихъ и подчасъ безплодныхъ поисковъ свободной, ни за кѣмъ не записанной земли въ Сибири.

Попытки населенія найти выходъ въ другую сторону‘

минуя казенныя земли, обставлены не меньшими затрудненіями. Въ частности, переселенческое движеніе изъ польскихъ и западныхъ губерній въ Бразилію и Аргентину, „въ силу особенностей нашей паспортной системы“, должно было получить,—какъ это было засвидѣтельствовано въ гродненскомъ комитетѣ,—тотъ же „нелегальный характеръ“.

Такимъ образомъ, крестьянское малоземелье, съ которымъ намъ приходится въ настоящее время считаться, нельзя разсматривать, какъ неизбѣжный результатъ естественной эволюціи народнаго хозяйства въ исконныхъ его формахъ. Оно, несомнѣнно, обострено тѣми стѣсненіями и затрудненіями, какими въ теченіе нѣсколькихъ уже столѣтій обставленъ у насъ колонизаціонный процессъ. Между тѣмъ, пока этотъ процессъ не получилъ нормальнаго теченія, пока населеніе не имѣетъ возможности хоть сколько-нибудь свободно расположиться на всей находящейся въ его хозяйственномъ завѣдываніи территоріи, до тѣхъ поръ расчитывать на ровный безболѣзненный прогрессъ не только въ сельскохозяйственной, но и въ общей экономической жизни страны мы, конечно, не вправѣ. Затрудненія, которыя встрѣчаетъ населеніе въ своемъ размѣщеніи на территоріи, особенно тяжелыя послѣдствія должны имѣть въ атмосферѣ мѣнового хозяйства, когда ненормальное положеніе однѣхъ хозяйственныхъ группъ и мѣстностей отражается на цѣломъ рядѣ другихъ, а всякая мѣстная болѣзнь неизбѣжно почти сказывается болѣзненнымъ разстройствомъ во всемъ народнохозяйственномъ организмѣ.

VIII.

Вполнѣ понятно поэтому, что переселеніе и было выдвинуто въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ крестьянскимъ малоземельемъ. Противъ переселеній высказались, въ сущности, очень немногіе комитеты и дѣятели.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причины отрицательнаго отношенія къ переселеніямъ представляются для насъ не вполнѣ ясными. Предсѣдатель ярославской уѣздной земской управы,

напримѣръ, указывая на необходимость пріобрѣтенія для крестьянъ земли на мѣстахъ, глухо и какъ бы между прочимъ упоминаетъ, что „выселеніе по многимъ причинамъ нежелательно“. Въ другихъ случаяхъ мы находимъ болѣе опредѣленную мотивировку. Предсѣдатель херсонскаго губернскаго комитета, напримѣръ, полагалъ, что „если правительство найдетъ нужнымъ переселеніе—другое дѣло; намъ же врядъ ли слѣдуетъ возбуждать такое ходатайство... Правильное хозяйство будетъ тогда, когда будетъ достаточное число рабочихъ рукъ“. „Поощрять крестьянъ къ выселенію,—читаемъ мы въ журналѣ брестскаго комитета,—безусловно не слѣдуетъ, такъ какъ... и теперь землевладѣльцамъ приходится испытывать значительныя затрудненія съ рабочими“... Въ томъ же смыслѣ высказались нѣкоторые комитеты Подольской, т. е. одной изъ самыхъ малоземельныхъ губерній. Желаніе обезпечить „свекловичныя плантаціи“ „достаточнымъ“ числомъ рабочихъ рукъ сказалось между прочимъ въ винницкомъ, гайсинскомъ и подольскомъ губернскомъ комитетахъ.

Иначе посмотрѣли на переселенческій вопросъ другіе комитеты и дѣятели. „Желательно,—говорилъ г. Богдановскій въ Пермскомъ губернскомъ комитетѣ,—чтобы на переселенческое дѣло былъ установленъ взглядъ, какъ на одинъ изъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ использованія бездоходныхъ государственныхъ земель и представленія населенію, страдающему отъ недостатка работы или полной безработицы, возможности примѣненія своихъ рабочихъ рукъ. Иначе говоря, нужно, чтобы переселенческое дѣло пріобрѣло характеръ государственно-хозяйственнаго дѣла“. „Переселеніе,—читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя Борисоглѣбской земской управы г. Измайлова,—освобождая переполненную жителями мѣстность отъ избытка населенія и тѣмъ избавляя ее отъ нуждающихся и безполезныхъ людей и давая имъ возможность устроиться съ пользою для себя и государства въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, открываетъ остающимся на старыхъ мѣстахъ возможность расположиться просторнѣе“... Еще послѣдовательнѣе и опредѣленнѣе та же мысль была развита г. Олифаномъ. Въ докладѣ, внесенномъ

въ гайсинскій комитетъ, большинство котораго, какъ мы уже упомянули, было не въ мѣру озабочено интересами свекловичныхъ плантаторовъ, онъ счелъ необходимымъ поставить точку надъ і и „утверждалъ, что при теперешнемъ малоземельѣ крестьянинъ является у насъ рабочимъ, прикрѣпленнымъ къ данному району своимъ клочкомъ земли и принужденнымъ продавать за безцѣнокъ свой трудъ, чѣмъ пользуются крупныя хозяйства, платя крестьянамъ ничтожное вознагражденіе и выручая большіе барыши за счетъ дешевой рабочей платы. Единственнымъ средствомъ вывести крестьянина изъ такого положенія докладчикъ считалъ выселеніе избытка крестьянъ въ другія части имперіи. Тогда оставшимся будетъ хватать земли для пропитанія, рента крупныхъ хозяйствъ понизится и многія изъ крупныхъ хозяйствъ должны будутъ прекратить свое существованіе, а земля ихъ перейдетъ въ руки крестьянъ“.

Выдвигая переселенія въ качествѣ основной мѣры въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные дѣятели, какъ и слѣдовало ожидать, подвергли рѣзкой критикѣ переселенческую политику пореформеннаго времени. Устраненіе формальностей, ограниченій и стѣсненій, какими обставлены до послѣдняго времени переселенія,—это одно изъ основныхъ требованій, какое мы находимъ по переселенческому вопросу въ комитетскихъ трудахъ. „Предоставить полную свободу переселенческому движенію, при которой каждый желающій выселиться заявлялъ бы только о своемъ желаніи ближайшей мѣстной власти“—вотъ формула, въ которую облекъ это требованіе Кобелякскій комитетъ. Нужно сказать, однако, что не вездѣ это пожеланіе проходило безъ возраженій.

Въ лохвицкомъ комитетѣ основной тезисъ доклада М. И. Туганъ-Барановскаго о „предоставленія полной свободы переселенческому движенію“ вызвалъ довольно оживленныя пренія. Ген. А. Я. Илляшевичъ находилъ, что „простого заявленія недостаточно, такъ какъ у намѣревающихся пересилиться могутъ быть мѣстныя обязательства; необходимо поэтому хотя бы разрѣшеніе земскаго начальника“. Князь А. М. Орбеліани также полагалъ, что „опека необходима по

отношенію къ людямъ, дѣйствующимъ безсознательно". Опасливая нотка звучала кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ. Кромской, напримѣръ, комитетъ нашелъ, что „массовыя переселенія безъ плана и системы вредны для переселяющихся и для сельскохозяйственной промышленности. Переселеніе, по его мнѣнію, должно сообразоваться съ количествомъ рабочихъ рукъ и площадью культурной земли. Приведя въ извѣстность количество рабочихъ силъ и культурную площадь, легко опредѣлить процентъ рабочихъ, который можетъ быть выселенъ изъ уѣзда". Не говоря уже о нежеланіи лишиться „вѣрной статьи дохода", какою малоземельный крестьянинъ издавна является для крупнаго землевладѣльца, нѣкоторымъ дѣятелямъ не чуждо было, повидимому, старое опасеніе, что „крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по Россіи" и что переселенческое движеніе получитъ при такихъ условіяхъ стихійный, безпорядочный характеръ. Для большинства мѣстныхъ дѣятелей совершенно очевидна, однако, была неосновательность этихъ опасеній на счетъ черезчуръ легкаго будто бы отношенія крестьянъ къ переселеніямъ. Не менѣе ясной представлялась мѣстнымъ людямъ и невозможность упорядочить переселенческое движеніе какими либо запретительными мѣрами. Рекомендовать послѣднія не рѣшались даже тѣ комитеты, которые отнеслись къ переселеніямъ отрицательно. Они сочли возможнымъ высказаться лишь противъ „поощренія" переселеній. Гайсинскій комитетъ даже прямо призналъ, что „ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ принимать никакихъ запретительныхъ мѣръ, ограничивающихъ личную свободу крестьянъ въ дѣлѣ переселенія".

Выдвигая переселеніе въ качествѣ основной мѣры въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные люди хорошо понимали однако, что одной свободы въ данномъ случаѣ недостаточно. Въ наши дни колонизаціонное дѣло уже нельзя всецѣло предоставить хозяйственному инстинкту населенія. Переселяться теперь нерѣдко приходится за тысячи верстъ, при чемъ переселенцамъ приходится итти въ совершенно невѣдомыя имъ земли и начинать новую жизнь въ совершенно чуждой имъ естественно-

исторической и культурной обстановкѣ. Предоставить при такихъ условіяхъ малокультурное населеніе собственнымъ силамъ это—значило бы обречь его на жертву всякаго рода случайностямъ. Еще большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ другое соображеніе. Хозяйственныя силы крестьянскаго населенія настолько уже подорваны, что справиться за свой счетъ съ труднымъ колонизаціоннымъ дѣломъ оно уже не въ силахъ. Для широкой и планомѣрной постановки переселенческаго дѣла необходимо поэтому активное участіе въ немъ общественныхъ силъ и государственной власти. Въ этомъ смыслѣ и высказалось громадное большинство комитетовъ. Если нѣкоторые дѣятели, какъ напримѣръ Г. С. Рекшинскій въ семеновскомъ комитетѣ, и считали возможнымъ ограничиться одной „свободою", то, ссылаясь исключительно на недостатокъ средствъ, какія въ громадныхъ размѣрахъ потребуетъ активная переселенческая политика. Это соображеніе о средствахъ несомнѣнно оставило свой слѣдъ въ трудахъ комитетовъ, но и за всѣмъ тѣмъ ими былъ намѣченъ цѣлый рядъ неотложныхъ мѣръ въ интересахъ правильнаго хода переселенческаго дѣла.

Несравненно болѣе широкая, чѣмъ теперь, постановка землеустроительныхъ и землеотводныхъ работъ на мѣстахъ водворенія переселенцевъ является первымъ и непремѣннымъ условіемъ отвѣчающаго назрѣвшимъ потребностямъ жизни переселенческаго движенія. „Ассигнованія государственнаго казначейства на эти цѣли,—говоритъ въ своемъ докладѣ г. Туганъ-Барановскій,—должны опредѣляться не сотнями тысячъ, а милліонами". Не менѣе насущною потребностью является культурное оборудованіе колонизуемыхъ мѣстностей, т. е. прокладка дорогъ, постройка церквей, школъ, больницъ и т. д. Этими двумя задачами далеко не исчерпываются, однако, обязанности государства передъ переселенцами. Нѣкоторые комитеты прослѣдили всѣ стадіи переселенческаго движенія и для каждой изъ нихъ намѣтили наиболѣе цѣлесообразныя формы, въ которыхъ можетъ и должно выразиться государственное и общественное содѣйствіе ему. Уже сознательное отношеніе населенія къ самому вопросу о переселеніи, выборъ подходящаго для него мѣ-

ста и наиболѣе удобнаго момента требуютъ планомѣрной общественной работы. Нужно, далѣе, насколько это возможно, облегчить переселенцамъ разлуку съ родиною и обезпечить возможно безубыточную ликвидацію ихъ имущества. Необходимо ускорить, удешевить и облегчить ихъ путь. Еще нужнѣе имъ помощь на новомъ мѣстѣ, когда они будутъ обзаводиться новымъ хозяйствомъ и свыкаться съ новыми условіями существованія. Помощь необходима самая широкая и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Работы предстоитъ очень много и выполнить ее сколько нибудь удовлетворительно для государственной власти, при нынѣшнихъ бюрократическихъ формахъ ея организаціи, вовсе не подъ силу. Сознавая это, цѣлый рядъ комитетовъ (елецкій, саранскій, зѣньковскій, мелитопольскій и др.) рѣшительно высказался за привлеченіе къ участію въ переселенческомъ дѣлѣ общественныхъ силъ въ лицѣ хотя бы земскихъ учрежденій.

Я не буду останавливаться на технической, если можно такъ выразиться, сторонѣ переселенческаго дѣла, получившей подробную разработку въ трудахъ нѣкоторыхъ комитетовъ. Въ интересахъ задачи, которую я себѣ поставилъ, несравненно болѣе важными представляются принципіальные вопросы, съ которыми пришлось встрѣтиться мѣстнымъ дѣятелямъ. Среди нихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ и слѣдовало ожидать, занялъ вопросъ о томъ, какія именно группы переселенцевъ должны имѣть преимущественное, если не исключительное, право на матеріальную помощь со стороны государства.

М. И Туганъ-Барановскій въ упоминавшемся уже докладѣ, наряду съ положеніемъ о предоставленіи полной свободы переселенческому движенію выставилъ тезисъ, что „всѣ фактическіе переселенцы должны пользоваться всѣми льготами, предоставляемыми переселенцамъ“. Эта формула не встрѣтила, однако, сочувствія даже въ тѣхъ комитетахъ, которые работали подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его доклада. Въ частности лохвицкій комитетъ выдачу ссуды путевой и на водвореніе призналъ желательной лишь по отношенію къ „неимущимъ“ переселенцамъ. Вообще, большинство

мѣстныхъ дѣятелей обнаружило несомнѣнное тяготѣніе къ иному отвѣту на поставленный вопросъ. „Переселеніе,—читаемъ мы въ постановленіяхъ радомысльскаго комитета,—должно преслѣдовать преимущественно цѣль устройства на новыхъ мѣстахъ крестьянъ безземельныхъ, неимущихъ, а не достаточныхъ, какъ это практикуется въ настоящее время“. „Надо дать возможность,—говорилъ А. Н. Лебедевъ въ семеновскомъ комитетѣ,—переселяться тѣмъ, у кого здѣсь ничего нѣтъ; такія хозяйства охотно переселились бы, но у нихъ нѣтъ средствъ ни на переселеніе, ни на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ; имъ необходимо дать субсидію на то и на другое“. „Ужъ если признать экономическимъ закономъ,—аргументировалъ ту же мысль въ тамбовскомъ комитетѣ В. М. Петрово-Соловово,—что богачу все легче достается, чѣмъ бѣдняку, то съ этимъ необходимо считаться и можно бороться, но ужъ никакъ не содѣйствовать развитію этого закона“. „Нынѣ вопросъ о переселеніи, по мнѣнію опочецкаго комитета, поставленъ неправильно; переселяться разрѣшаютъ лишь наиболѣе состоятельнымъ, слѣдуетъ же выселять наиболѣе бѣдныхъ и оказывать имъ пособіе“. Въ еще болѣе категоричной формѣ та же мысль была высказана г. Измайловымъ, записка котораго оставила замѣтный слѣдъ въ трудахъ довольно многихъ комитетовъ. „Переселенія,—читаемъ мы въ ней,—должны стать дѣломъ государства, совершаться по его иниціативѣ—разумѣется по ходатайству или съ согласія переселяющихся; выселяться должны не болѣе состоятельные, а наоборотъ, самыя неимущія семьи, всецѣло за счетъ государства, которое должно давать всѣ нужныя средства какъ на самое переселеніе, такъ и на устройство и обзаведеніе переселенцевъ на новомъ мѣстѣ“.

Высказываться въ этомъ смыслѣ, т. е. за возможно большія льготы для одной изъ категорій переселенцевъ мѣстныхъ дѣятелей, какъ можно думать, заставило опасеніе, что въ надлежащей мѣрѣ обезпечить всѣхъ ихъ государству было бы не подъ силу, и что при такихъ условіяхъ уравненіе въ правахъ, понизивъ средній размѣръ льготъ и субсидій, оказываемыхъ каждому переселенцу, могло бы затруднить пе-

реселеніе и даже сдѣлать его недоступнымъ для наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянства, т. е. для тѣхъ именно, для которыхъ оно представляется особенно необходимымъ. Нѣкоторые въ своихъ опасеніяхъ шли еще дальше. Г. Петрово-Соловово, напримѣръ, допускалъ возможность „спекулятивнаго“ переселенія, „основаннаго на разсчетѣ здѣсь продать землю подороже, съ тѣмъ, чтобы въ мѣстахъ переселенія купить ее дешево“. Какъ бы то ни было, мѣстные дѣятели совершенно опредѣленно высказались за необходимость облегчить переселенія прежде всего для наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянскаго населенія. Общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ рѣзко разошлось съ общимъ направленіемъ переселенческой политики, все время стремившейся именно эти группы удержать отъ переселенія.

Въ своемъ желаніи закрѣпить государственныя земли за безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянствомъ, нѣкоторые дѣятели склонны были заходить даже дальше, чѣмъ слѣдовало бы. Цивильскій, напримѣръ, комитетъ проектировалъ „обязательное выселеніе“ для малоземельныхъ крестьянъ. Съ проектомъ „принудительнаго“ переселенія выступилъ также въ тамбовскомъ комитетѣ г. Устиновъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что предложенія ограничить съ этой стороны свободу переселеній были немногочисленны и въ общемъ очень мало встрѣчали въ комитетахъ сочувствія. Напротивъ, даже тѣ дѣятели, которые являлись горячими и убѣжденными сторонниками государственной инициативы въ переселенческомъ дѣлѣ, настаивая на послѣдней, каждый разъ неизмѣнно почти прибавляли, что самыя переселенія должны совершаться не иначе, какъ „по ходатайству или съ согласія переселяющихся“. При общемъ, несомнѣнно либеральномъ, направленіи общественной мысли, какое преобладало въ комитетахъ, такія оговорки были, въ сущности, излишни. Въ нихъ сказалось лишь недовѣріе мѣстныхъ дѣятелей къ тѣмъ условіямъ русской жизни, при которыхъ всякое попеченіе о трудящихся массахъ легко превращается въ опеку и даже въ прямое насиліе надъ ними.

Настаивая на широкой государственной поддержкѣ малоимущимъ группамъ крестьянскаго населенія въ переселен-

ческомъ дѣлѣ, нѣкоторые комитеты пытались указать и тѣ внѣшніе признаки, которыми необходимо руководиться въ этомъ случаѣ. Саранскій, напримѣръ, комитетъ призналъ, что „съ крестьянской точки зрѣнія важно, чтобы министерство земледѣлія хотя бы принципіально разрѣшило вопросъ о нормѣ крестьянскаго надѣла съ тѣмъ, чтобы крестьяне, не имѣющіе такой нормы пользовались бы правомъ на извѣстный процентъ выселенія“. Бѣлозерскій комитетъ, также полагалъ, что „единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія было бы опредѣленіе законодательнымъ путемъ минимальнаго размѣра душевнаго надѣла и отводъ для излишней части населенія земли въ иномъ мѣстѣ. По мнѣнію зѣньковскаго комитета, „процентъ населенія, подлежащаго ежегодному переселенію“, надлежитъ опредѣлить „сообразно съ густотою населенія и степенью его обезпеченности“. „Сообразно съ опредѣленнымъ процентомъ возможнаго, съ помощью государства, переселенія,—читаемъ мы дальше,— каждое сельское общество назначаетъ осенью, какія семьи, конечно, съ ихъ согласія, будутъ имѣть право выселиться, и составляетъ о томъ приговоръ... Остальнымъ желающимъ переселиться также не должно быть запрета, но безъ помощи правительства“.

Мнѣ пришлось уже отмѣтить излишнее довѣріе, какое обнаруживалось въ комитетахъ къ „нормальному“ надѣлу, опредѣленному положеніемъ 1861 года. И въ данномъ случаѣ нѣкоторые дѣятели для облегченія задачи считали возможнымъ опереться на ту же норму. Едва ли, однако, такой выходъ можно считать цѣлесообразнымъ. Опредѣленные положеніемъ 19 февраля размѣры нормальнаго надѣла, какъ мы видѣли, уже въ свое время являлись явно недостаточными; руководиться ими теперь при существенно измѣнившихся условіяхъ народной жизни представляется прямо невозможнымъ. Въ трудахъ самихъ комитетовъ можно найти другія, болѣе устойчивыя и болѣе справедливыя основанія для нормировки правъ на государственную помощь при переселеніяхъ. Количество земли, которое крестьянская семья при данномъ хозяйственномъ уровнѣ можетъ обработать собственными силами—это максимумъ, которымъ могутъ

быть опредѣлены ея права; количество земли, которое необходимо, чтобы обезпечить ея существованіе,—это минимумъ, которымъ должны опредѣлиться обязанности государства. Найти эти предѣлы для каждой мѣстности и даже для каждой семьи не такъ уже трудно. Между тѣмъ, только въ этихъ предѣлахъ и можетъ быть раціонально разрѣшенъ земельный вопросъ.

IX.

Постулировавъ полную свободу переселеній для всѣхъ желающихъ на ряду съ широкой государственной помощью всѣмъ безземельнымъ, малоземельнымъ и неимущимъ, сельскохозяйственные комитеты подтвердили лишь отвѣтъ, данный въ свое время „свѣдущими людьми“ по переселенческому дѣлу. Само собой понятно, что ясно обозначившаяся уже двадцать лѣтъ тому назадъ, потребность народно-хозяйственной жизни, оставаясь такъ долго безъ надлежащаго удовлетворенія успѣла послѣ того вырости до громадныхъ размѣровъ: она распространилась почти на всю территорію европейской Россіи и охватила значительную уже часть крестьянскаго населенія. Мѣстнымъ дѣятелямъ, конечно, не чуждо было сознаніе, что для удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи теперь нужны громадныя силы и средства: на переселенческое дѣло взятое во всемъ его объемѣ, нужны даже не милліоны а сотни и, быть можетъ, тысячи ихъ. Откуда же взять такіе рессурсы?

Сельскохозяйственные комитеты должны были коснуться этого вопроса уже потому, что онъ былъ затронутъ въ перечнѣ, разосланномъ на ихъ разсмотрѣніе предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія. Подъ буквою *ш*, т. е. въ самомъ концѣ этого длиннаго списка значилось: „привлеченіе сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія и по выдачѣ необходимыхъ воспособленій лицамъ, изъ нихъ выселяющимся“. Во всей программѣ это былъ единственный пунктъ, касавшійся переселеній и, очевидно, только въ этихъ предѣлахъ мнѣнія мѣстныхъ дѣятелей интересовали Особое Совѣщаніе. Самая формула предложеннаго имъ

вопроса стремилась направить ихъ мысль въ опредѣленную сторону и даже предрѣшить до извѣстной степени возможный съ ихъ стороны отвѣтъ. Очень немногіе, однако, комитеты сочли возможнымъ дать его въ положительной формѣ.

Къ числу такихъ комитетовъ можно отнести, напримѣръ, чебоксарскій и козьмодемьянскій, которые полагали необходимымъ „оставшееся населеніе, сохранившее землю за собою, привлечь къ пособію переселяющимся путемъ образованія особыхъ общественныхъ капиталовъ, опредѣляемыхъ ежегоднымъ сборомъ съ каждой земельной души, изъ коихъ и выдавать переселенцамъ пособія по опредѣленію уѣзднаго съѣзда“. Золотоношскій комитетъ также призналъ, что „для поощренія къ добровольному выселенію прироста населенія и для облегченія выселенія, необходимо учрежденіе общественныхъ сельскихъ кассъ, которыя выдавали бы выселяющимся безвозвратныя ссуды“. Другіе комитеты, какъ напримѣръ, нижегородскій, климовичскій, полтавскій, гадячскій, прилукскій, новгородскій, ардатовскій (Симб. губ.), демянскій и др. высказались противъ привлеченія сельскихъ обществъ къ расходамъ по переселенію ихъ односельцевъ. „Въ виду бѣдности населенія,—читаемъ мы въ журналѣ опочецкаго комитета,—возлагать на общества расходы по выселенію невозможно“. Почти буквально то же самое высказалъ въ своемъ заключеніи пронскій комитетъ. Помимо бѣдности населенія, нѣкоторые комитеты и по существу считали несправедливымъ возлагать колонизаціонные расходы на крестьянскія плечи“. Переселеніемъ,—читаемъ мы по этому поводу въ заключеніяхъ кузнецкаго комитета,—достигаются двѣ задачи: заселеніе свободной земли, что создаетъ производительную площадь, ранѣе не приносившую дохода, и что уже составляетъ интересы всего государства, и, кромѣ того, устраняется густота населенія тамъ, гдѣ для излишка населенія не хватаетъ земли и что поэтому переселенцамъ желательна помощь правительства“. Этотъ взглядъ на переселенія, какъ на государственное, а не сословное дѣло, несомнѣнно преобладалъ въ комитетахъ.

Необходимо, однако, замѣтить, что вопросъ, поставленный Особымъ Совѣщаніемъ, въ мѣстностяхъ съ общиннымъ земле-

владѣніемъ породилъ довольно серьезныя недоразумѣнія. Одни комитеты подъ „привлеченіемъ сельскихъ обществъ къ расходамъ“ разумѣли спеціальное въ той или иной формѣ обложеніе крестьянъ на нужды переселенческаго дѣла. Понимаемый въ этомъ смыслѣ вопросъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано, рѣшался отрицательно. Другіе комитеты имѣли въ виду вознагражденіе, какое могли бы выдавать переселенцамъ земельныя общины за оставляемую въ ихъ распоряженіе землю. На этотъ счетъ сужденія мѣстныхъ людей оказались довольно разнорѣчивыми.

Нѣкоторые комитеты находили подобное вознагражденіе вполнѣ цѣлесообразнымъ и совершенно справедливымъ. „Требованіе, — говоритъ по этому поводу коммиссія смоленскаго уѣзднаго комитета,—чтобы переселяющійся крестьянинъ отказался безъ всякаго вознагражденія отъ права участія въ общественной землѣ, которая выкупалась тяжкимъ трудомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, является очень тяжелымъ и несправедливымъ требованіемъ, сильно стѣсняющимъ переселеніе и разселеніе крестьянъ“. Желательные размѣры вознагражденія за надѣльную землю одни изъ комитетовъ (напримѣръ, радомысльскій, саранскій) опредѣляли стоимостью ея въ настоящее время; другіе—суммою внесенныхъ за нее выкупныхъ платежей (ардатовскій) или суммою погашеннаго выкупного долга (бѣлозерскій, козельскій); третьи проектировали установленіе съ этою цѣлью нормальныхъ оцѣнокъ (изюмскій). Помимо желанія возможно лучше обезпечить интересы переселенцевъ, въ этихъ постановленіяхъ, несомнѣнно, сказался частно-правовой взглядъ на землю, отрѣшиться отъ котораго для многихъ мѣстныхъ дѣятелей было трудно даже по отношенію къ общиннымъ землямъ.

Едва ли, однако, подобное рѣшеніе вопроса можно считать справедливымъ. Нѣкоторые дѣятели сами понимали, что ихъ взгляды въ этомъ случаѣ могутъ рѣзко разойтись съ крестьянскимъ правосознаніемъ. Аткарскій, напримѣръ, комитетъ полагалъ, что „выселяющіеся, оставляя свой надѣлъ въ пользу остающихся на мѣстѣ, имѣютъ нравственное право на полученіе извѣстной субсидіи отъ остающихся, хотя,—тутъ же прибавляетъ онъ, — и трудно ожидать въ такихъ случаяхъ

добровольнаго соглашенія на предметъ такого вознагражденія, принятіе же принудительныхъ мѣръ повело бы къ коренному измѣненію общины, такъ какъ земля есть собственность общины, а не отдѣльныхъ ея членовъ". Справедливость вознагражденія въ предположенныхъ мѣстными дѣятелями размѣрахъ и формахъ трудно аргументировать даже съ той точки зрѣнія, на которой стояли они сами. Участки надѣльной земли, которыми владѣютъ въ настоящее время отдѣльные крестьянскіе дворы, далеко не всегда соотвѣтствуютъ суммѣ выкупныхъ платежей, дѣйствительно, уплаченныхъ ими. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ общинная жизнь представляется замершей, землепользованіе отдѣльныхъ семей съ момента выхода на выкупъ, могло существенно и, можетъ быть, не разъ измѣниться. Совсѣмъ безъ передѣловъ, хотя бы частныхъ,—въ видѣ свалокъ и навалокъ,— могли обойтись, какъ извѣстно, лишь рѣдкія общины. Въ тѣхъ же изъ нихъ, которыя практиковали общіе передѣлы, судить по нынѣшнему распредѣленію надѣльной земли о количествѣ уплаченнаго отдѣльными дворами выкупного долга и вообще о правахъ ихъ на землю, конечно, вовсе немыслимо. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что до самаго послѣдняго времени выкупные платежи и всѣ повинности отбывались крестьянами за круговою порукою. Фиксировать при такихъ условіяхъ за отдѣльными дворами право на вознагражденіе въ зависимости отъ количества надѣльной земли, какое будетъ находиться въ ихъ пользованіи въ моментъ переселенія, это значило бы совершить—и именно съ частно-правовой точки зрѣнія—крупную несправедливость. Такой характеръ неизбѣжно будетъ носить всякая мѣра, стремящаяся привнести частно-правовыя понятія въ сферу общиннаго землевладѣнія. Общественное достояніе можетъ быть расхищено, но найти справедливыя основанія, на которыхъ его можно было бы обратить въ частную собственность, немыслимо. И если ужъ задаваться такою цѣлью по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, то необходимо отбросить всѣ разговоры о „нравственномъ правѣ" и заранѣе примириться со всѣми обидами и несправедливостями, какія будутъ учинены при этомъ надъ слабыми элементами деревни.

Столь же неудачной представляется предположенная комитетами мѣра и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Установить вознагражденіе за оставляемую переселенцами землю—это значитъ, въ сущности, содѣйствовать поддержанію того несправедливаго „закона", согласно которому „богачу все легче достается, чѣмъ бѣдному". Многоземельные дворы получали бы въ такомъ случаѣ „воспособленіе" въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ малоземельные. Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ переселеніе было бы наиболѣе облегчено для тѣхъ группъ населенія, которыя наименѣе въ немъ нуждаются. Обязательный денежный выдѣлъ могъ бы сказаться еще худшими послѣдствіями. При немъ переселеніе дѣйствительно могло бы получить „спекулятивный" характеръ, на возможность котораго указывалъ въ тамбовскомъ комитетѣ г. Петрово-Соловово. Въ конечномъ счетѣ проектированная или, правильнѣе, подсказанная комитетамъ мѣра могла бы въ корнѣ извратить задачи переселенческаго движенія.

Нельзя, конечно, отрицать, что съ уходомъ переселенцевъ положеніе ихъ однообщественниковъ можетъ улучшиться за счетъ оставляемой въ ихъ пользу земли. Но вѣдь переселеніе, разсматриваемое съ государственной точки зрѣнія, тѣмъ особенно и цѣнно, что оно открываетъ возможность лучше устроиться не только тѣмъ, кто уходитъ, но и тѣмъ, кто остается. Взваливать на послѣднихъ новыя тягости, хотя бы и пропорціональныя тѣмъ выгодамъ, какія они получатъ отъ переселенія, это значитъ, въ сущности, обезцѣнивать результаты послѣдняго.

Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что нѣкоторые дѣятели, соглашаясь въ принципѣ съ обсуждаемой мѣрой, не особенно вѣрили въ ея осуществимость и потому допускали ее условно, сопровождая тѣми или иными оговорками. Саранскій комитетъ, напримѣръ, признавалъ ее возможной по отношенію къ тѣмъ лишь обществамъ, гдѣ нѣтъ недоимокъ. Карсунскій комитетъ допускалъ ее лишь „въ томъ случаѣ, если земля съ избыткомъ окупаетъ всѣ лежащія на ней повинности", при чемъ вознагражденіе, по его мнѣнію, должно быть устанавливаемо „въ необременительномъ для крестьянъ размѣрѣ". Предсѣдатель ардатовскаго комитета

считалъ необходимымъ, чтобы это вознагражденіе выдавало правительство „съ послѣдующимъ взысканіемъ этой суммы съ общества“. Другіе дѣятели проектировали привлечь къ этой операціи крестьянскій банкъ. Изюмскій комитетъ, при несогласіи общества вознаградить желающихъ выселиться, предполагалъ предоставить имъ право продажи надѣловъ однообщественникамъ или постороннимъ лицамъ безъ согласія на то общества.

Едва ли нужно говорить, что послѣдній способъ вознагражденія переселенцевъ за оставляемую ими землю представляется особенно нежелательнымъ и даже опаснымъ. Допустить его это значитъ съ другого конца содѣйствовать развитію все того же несправедливаго „экономическаго закона“, борьба съ которымъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства. Землями переселенцевъ воспользовались бы въ такомъ случаѣ наиболѣе богатые и безъ того достаточно сильные элементы деревни. Но вѣдь не ихъ же интересами должны опредѣляться заботы государства въ аграрной сферѣ.

Слѣдуетъ, конечно, предвидѣть необходимость считаться въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ съ частно-правовыми воззрѣніями на землю, какія уже привнесены въ крестьянскую среду выкупною операціею и вообще крайне неустойчивымъ отношеніемъ всего нашего законодательства къ общинному землевладѣнію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже началъ устанавливаться обычай выдавать выселяющимся вознагражденіе за оставляемую ими землю, въ другихъ—уже практикуется продажа ими самими находившейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли. Возможно, что въ такихъ мѣстностяхъ придется прибѣгать къ тѣмъ или инымъ компромиссамъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже указаны сельскохозяйственными комитетами. Симбирскій губернскій комитетъ, напримѣръ, предложилъ, „чтобы выселяющемуся, въ теченіе 9 лѣтъ послѣ выселенія, какъ пособіе, выдавались доходы, за покрытіемъ податей и другихъ повинностей, съ причитавшейся ему въ обществѣ земли, которая должна сдаваться обществомъ въ аренду“. Липецкій комитетъ въ своемъ журналѣ указываетъ, что въ 1897—1898 годахъ въ этомъ уѣздѣ

„происходило довольно оживленное движеніе въ Сибирь, при чемъ всѣ безъ исключенія сельскія общества охотно помогали переселенцамъ". Помощь эта, между прочимъ, выражалась „въ разрѣшеніи по общественному приговору сдать въ аренду земельный надѣлъ срокомъ до новаго передѣла земли на наличныя души, при чемъ всѣ окладные денежные сборы обязывался платить арендаторъ, а остальныя деньги, такъ называемые „верхи", шли въ пользу переселенца". По мнѣнію комитета, такой порядокъ слѣдовало бы узаконить для всѣхъ случаевъ выселенія, ограничивъ право полученія „верховъ" 10-лѣтнимъ срокомъ. Другіе комитеты предлагали, чтобы надѣлы выселяющихся покупались государствомъ въ цѣляхъ предоставленія ихъ безземельнымъ и малоземельнымъ изъ числа остающихся. Можно, однако, думать, что при широкой и льготной постановкѣ переселенческаго дѣла даже въ такихъ компромиссахъ надобности не представится. За возможность получить въ достаточномъ количествѣ не только землю, но и необходимыя средства, чтобы устроиться на новомъ мѣстѣ, громадное большинство переселенцевъ охотно, конечно, поступится тѣми правами, съ какими они сжились по отношенію къ своимъ теперешнимъ землямъ [1]).

---

[1]) Въ этомъ случаѣ далеко не безынтересной представляется слѣдующая справка о государственныхъ крестьянахъ Елецкаго уѣзда. „Еще въ началѣ 19-го столѣтія землевладѣніе у большинства государственныхъ крестьянъ нашего уѣзда,—говоритъ въ своемъ докладѣ Н. А. Хвостовъ,—по преданію, было подворное. Въ началѣ 70-хъ годовъ еще живы были старики, которые это помнили. Служилые люди были надѣлены на дворы „по четвертямъ": столько-то четвертей въ полѣ, а „въ двухъ потомужъ"... Въ царствованіе Николая I съ образованіемъ министерства государственныхъ имуществъ бывшіе служилые люди, однодворцы, какъ они тогда назывались, вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ крестьянами другихъ наименованій. Съ увеличеніемъ народонаселенія четвертные надѣлы раздробились и стали тѣсны. Образовалась страшная дробность землевладѣнія, шли постоянные захваты, ссоры и тяжбы... Министерству государственныхъ имуществъ было ясно, что оставлять бывшихъ однодворцевъ при ихъ подворномъ владѣніи въ высшей степени вредно для нихъ самихъ въ виду его крайней раздробленности и массы возникающихъ ежедневно тяжбъ, разобрать которыя почти немыслимо; поэтому вѣдомство государственныхъ имуществъ приняло за пра-

Самая выдача пособія и даже отводъ государственной земли, по нашему мнѣнію, долженъ быть обусловленъ отказомъ отъ прежняго надѣла въ пользу коллективности,—будетъ ли то община, земство или государство. Только при этомъ условіи переселенческое дѣло получитъ дѣйствительно раціональную постановку и государственныя земли сыграютъ роль могучаго фактора въ дѣлѣ реорганизаціи аграрныхъ отношеній страны.

Во всякомъ случаѣ, перепродажей надѣльной земли самимъ крестьянамъ и даже распродажей ея на сторону нельзя получить средствъ, необходимыхъ для правильной постановки переселенческаго дѣла. Легко понять, что чѣмъ больше съ сельскихъ обществъ въ этой или иной формѣ будетъ взыскано „воспособленій", тѣмъ труднѣе имъ будетъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы упрочить свое хозяйственное положеніе. Чѣмъ больше освободившейся земли будетъ распродано, тѣмъ больше въ тѣхъ же общинахъ окажется потомъ кандидатовъ на выселеніе. Въ худшемъ случаѣ это была бы спекуляція, расчитанная на то, чтобы путемъ систематическаго обмѣна „дорогой" земли на „ничего не стоющую" не предотвратить, а лишь отсрочить раззореніе крестьянской массы; въ лучшемъ случаѣ это былъ бы своего рода circulus vitiosus, для выхода изъ котораго рано или поздно пришлось бы обратиться къ другимъ ресурсамъ.

Нельзя поэтому не согласиться съ тѣми довольно многочисленными комитетами и дѣятелями, которые рѣшительно высказались противъ привлеченія въ какой бы то ни было формѣ сельскихъ обществъ къ расходамъ на переселеніе и находили, что эти „расходы должны всецѣло лежать на государственной казнѣ". Нѣкоторые изъ нихъ полагали, однако.

вило дѣлать широкой рукой прирѣзку казенной земли тѣмъ селеніямъ, которыя согласятся свою прежнюю четвертную землю дѣлить на души вмѣстѣ съ вновь нарѣзанной казенной... Этимъ путемъ большая часть государственныхъ крестьянъ перешла еще въ 40-хъ годахъ 19-го столѣтія къ общинному пользованію. Подворными владѣльцами осталось лишь незначительное меньшинство, преимущественно, въ сѣверо-западной части уѣзда".

при этомъ, что часть произведенныхъ государствомъ затратъ можетъ быть взыскана затѣмъ съ самихъ переселенцевъ. „Расходы по переселенію и устройству неимущей семьи,— читаемъ мы въ постановленіяхъ, напримѣръ, радомысльскаго комитета, — могли бы быть наложены на представленный такой семьѣ переселенческій участокъ въ качествѣ слѣдующей за этотъ участокъ выкупной ссуды, которая подлежала бы выплатѣ равными долями въ теченіе опредѣленнаго срока“. Мы думаемъ, однако, что это было бы грубой ошибкой и тѣмъ болѣе непростительной, что она была бы въ сущности повтореніемъ той, которая была допущена при первоначальномъ надѣленіи крестьянъ и которая сказалась уже такими тяжкими послѣдствіями въ народномъ хозяйствѣ. На землю опять были бы возложены непосильныя обязательства и на этотъ разъ тѣмъ болѣе тяжелыя, что они распредѣлились бы какъ разъ обратно имущественной состоятельности воспользовавшихся данною землею переселенцевъ. При самыхъ льготныхъ условіяхъ уплаты подобнаго долга всегда останется рискъ, что именно онъ-то и помѣшаетъ переселенцамъ упрочить и развить свое хозяйство. Необходимо поэтому сразу идти на безвозвратные расходы. Само собою понятно, что они должны быть возмѣщены населеніемъ. Но пусть послѣднее платитъ пропорціонально своимъ силамъ, а не пропорціонально тѣмъ потребностямъ, въ удовлетвореніи которыхъ государство оказало или окажетъ ему свое содѣйствіе. И, кто знаетъ, при такой разверсткѣ переселенческія хозяйства, воспользовавшіяся пособіемъ, не уплатятъ ли въ концѣ концовъ даже больше, чѣмъ сколько они могли бы уплатить съ долговой петлей на шеѣ.

Нѣкоторые комитеты пытались указать и тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть получены рессурсы, необходимые для широкой постановки переселенческаго дѣла. Лохвицкій, напримѣръ, комитетъ полагалъ, что „для означенной цѣли правительство могло бы продавать мелкими участками нѣкоторыя изъ своихъ земель въ мѣстахъ густонаселенныхъ, гдѣ продажная стоимость земли высока“. По мнѣнію зѣньковскаго комитета, „источникомъ средствъ могла бы быть прибавка 50 к. къ существующей цѣнѣ на ведро водки“.

Членъ каневскаго комитета, волостной старшина Ищенко проектировалъ „для разселенія и переселенія образовать особый правительственный капиталъ, наименовавъ его „переселенческимъ“, на образованіе и пополненіе котораго взыскивать при поземельномъ налогѣ по 2—3 коп. съ десятины крестьянскихъ, владѣльческихъ и другихъ частнаго владѣнія земель“.

Едва ли, однако, есть надобность входить въ обсужденіе такого рода проектовъ. Самая постановка вопроса представляется намъ неправильной. Русское государственное хозяйство давно уже пережило ту стадію, когда отдѣльныя потребности удовлетворялись за счетъ спеціально устанавливаемыхъ для нихъ налоговъ. И въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти лишь объ обще-государственныхъ рессурсахъ. Вопросъ поэтому долженъ разсматриваться какъ чисто финансовый и его нельзя разрѣшить внѣ связи съ общимъ государственнымъ бюджетомъ, который и безъ того нуждается въ коренномъ преобразованіи. Можно надѣяться, что необходимыя для аграрной реформы средства у страны найдутся. Вѣдь нашлись же они на желѣзныя дороги, на которыя за десять только лѣтъ было истрачено около двухъ милліардовъ. Если же общебюджетныхъ средствъ не найдется, то необходимо прибѣгнуть къ займу. Мы должны уже болѣе 6 милліардовъ, но еще на одинъ или на два милліарда нашей кредитоспособности, конечно, хватитъ. Если же въ обычной формѣ намъ не повѣрятъ, то—что дѣлать!—надо прибѣгнуть къ средству, которое уже имѣлось въ виду нашими финансовыми дѣятелями: нужно заложить желѣзныя дороги. Останавливаться передъ этимъ не приходится: рѣчь идетъ о займѣ, который изъ всѣхъ займовъ, какіе когда либо заключало русское государство, будетъ самымъ производительнымъ.

X.

Предоставить полную свободу переселенческому движенію и даже передвинуть на государственный счетъ массы населенія за Уралъ—это, конечно, еще не значитъ разрѣшить

земельный вопросъ. Колонизаціей государственныхъ земель на окраинахъ можно устранить избытки населенія въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ, но нельзя достигнуть вполнѣ цѣлесообразнаго распредѣленія его на территоріи страны.

Если мы сравнимъ условія, въ которыхъ происходила колонизаціонная работа русскаго народа на зарѣ его государственности, съ тѣми, въ какихъ ему приходится продолжать ее теперь, то найдемъ между ними существенную разницу. За тысячу лѣтъ успѣлъ возникнуть и сложиться институтъ личной собственности на землю, котораго вовсе не знали наши предки. Не вполнѣ опредѣлившійся въ крѣпостную эпоху, онъ былъ окончательно оформленъ и санкціонированъ при освобожденіи. Межи частнаго владѣнія, изрѣзавшія вдоль и поперекъ Россію и отдѣлившія съ этого момента населеніе отъ значительной части необходимой ему земли, затруднили его колонизаціонную работу, быть можетъ, не меньше, чѣмъ ее могли бы затруднить горные хребты и внѣшнія границы; и въ настоящее время для правильнаго распредѣленія населенія по территоріи и земли по хозяйствамъ онѣ являются не меньшимъ препятствіемъ, чѣмъ даже тѣ стѣсненія и ограниченія, какими обставленъ колонизаціонный процессъ на окраинахъ.

Нашъ земельный фондъ въ Европѣ,—далеко еще не исчерпанъ, между тѣмъ, населеніе въ поискахъ земли бѣжитъ за Уралъ и переплываетъ океаны. Можетъ ли считаться раціональнымъ переселеніе за многія тысячи верстъ куда нибудь на Амуръ и въ Уссурійскій край, когда обширныя пространства земли на сѣверномъ Кавказѣ, въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ обрабатываются пришлыми рабочими? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири крестьяне настолько уже стѣснены землей, что вынуждены переходить къ трехпольному и чуть ли не къ плодоперемѣнному хозяйству; между тѣмъ, въ тѣхъ же южныхъ и юго-восточныхъ, несравненно болѣе близкихъ къ рынку, степяхъ царитъ экстенсивная переложная система. Достаточно, я думаю, этихъ явныхъ, бьющихъ въ глаза своими размѣрами, несообразностей, чтобы настаивать на крайне неправильномъ распредѣленіи сельскохозяйственнаго населенія по отдѣль-

нымъ областямъ Имперіи. Едва ли нужно говорить, какое громадное вліяніе оказываетъ этотъ фактъ на сельско-хозяйственную промышленность, уже втянутую въ сферу мѣновыхъ отношеній, и на положеніе земледѣльческаго населенія, результаты хозяйственной дѣятельности котораго въ значительной уже мѣрѣ зависятъ отъ рынка. Мѣстные дѣятели, повидимому, понимали серьезное значеніе этой стороны колонизаціоннаго процесса. Рекомендуя переселеніе, нѣкоторые комитеты настаивали, чтобы оно происходило въ извѣстномъ порядкѣ и чтобы ближайшія земли заселялись ранѣе отдаленныхъ. Нѣкоторые шли въ этомъ отношеніи еще дальше. Лохвицкій, напримѣръ, комитетъ призналъ необходимымъ, „чтобы крестьянскій банкъ былъ преобразованъ такимъ образомъ, чтобы дѣятельность его была приведена въ тѣсную связь съ разселеніемъ земледѣльческаго населенія въ Имперіи соотвѣтственно степени земельной тѣсноты въ каждой отдѣльной мѣстности“, и „чтобы казна, при содѣйствіи крестьянскаго банка, въ видахъ болѣе правильнаго разселенія народонаселенія какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Россіи, продавала бы крестьянамъ принадлежащія ей земли въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ и взамѣнъ этого покупала бы земли въ менѣе населенныхъ мѣстахъ для продажи или для отдачи въ аренду переселенцамъ на льготныхъ условіяхъ“. Не входя въ оцѣнку предложенной лохвицкимъ комитетомъ мѣры по существу, мы во всякомъ случаѣ должны согласиться, что даже съ точки зрѣнія правильнаго хода колонизаціонной работы и цѣлесообразнаго, отвѣчающаго интересамъ сельскохозяйственной промышленности, размѣщенія населенія на территоріи, земельный вопросъ нельзя разрѣшить при помощи только казенныхъ земель. Въ той или иной формѣ для этого необходимо затронуть межи частнаго владѣнія.

Еще болѣе важной въ данномъ случаѣ представляется другая сторона того же вопроса. Сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается не только въ томъ, что въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ замѣчаются избытки земледѣльческаго населенія, но и въ томъ, главнымъ образомъ, что нашъ крестьянинъ, благодаря недостаточному обезпе-

ченію надѣльной землей, съ самаго начала былъ поставленъ и доселѣ остается въ двусмысленномъ положеніи не то самостоятельнаго хозяина, не то подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Стало быть, и задача заключается не только въ болѣе правильномъ и свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи но и въ томъ, чтобы вывести, наконецъ, крестьянина изъ этого нелѣпаго положенія. Для этого же необходимо снабдить его достаточнымъ количествомъ земли.

Можно думать, что государственныхъ земель для этого, даже безъ Манчжуріи, у насъ хватило бы. Въ крайнемъ случаѣ, въ этихъ цѣляхъ могли бы быть предприняты обводнительныя и осушительныя работы, могущія дать неизмѣримыя еще пространства пригодной для культуры земли. Но и за всѣмъ тѣмъ разрѣшить исключительно этимъ путемъ задачу невозможно. Если-бы необходимое для упроченія крестьянскаго хозяйства количество земли нарѣзать на окраинахъ, то для этого пришлось бы переселить туда громадную часть крестьянства, т. е. произвести полную пертурбацію въ размѣщеніи населенія. Это было бы равносильно новому переселенію народовъ. Не говоря уже о невыполнимости подобнаго плана рѣшенія задачи, онъ и по существу представляется нецѣлесообразнымъ до нелѣпости. Осуществить его—это значило бы отказаться отъ большей части того, что нажито тысячелѣтней культурой, и, въ частности, промѣнять мягкія и удобренныя земли на безплодные солончаки и лѣсныя дебри. Ставя вопросъ въ этой формѣ, я желаю лишь рѣзко обозначить границы раціональнаго переселенія. Оно имѣетъ смыслъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для того, чтобы устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія. При самой широкой постановкѣ переселенческаго дѣла, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы все земледѣльческое населеніе, рабочія силы котораго могутъ быть цѣлесообразно использованы при возможномъ въ данный моментъ уровнѣ хозяйства, осталось на старыхъ мѣстахъ.

Въ качествѣ чего же оно останется? Въ качествѣ ли не

вполнѣ обезпеченнаго землею крестьянства, вынужденнаго для пополненія своего бюджета обрабатывать земли сосѣднихъ лендлордовъ, или въ качествѣ экономически самостоятельныхъ производителей, свободныхъ отъ обязанности выполнять функціи „постояннаго работника?“ Легко понять, что въ первомъ случаѣ аграрная проблема не только не была бы разрѣшена, но и осталась бы почти незатронутой. Всѣ сельскохозяйственныя отношенія страны по-прежнему складывались бы подъ вліяніемъ тяжкой и раззорительной для обѣихъ сторонъ борьбы помѣщичьяго хозяйства съ крестьянскимъ. Во второмъ случаѣ вопросъ о самомъ существованіи частновладѣльческихъ хозяйствъ предрѣшается въ отрицательномъ для нихъ смыслѣ: ихъ земли или должны перейти къ крестьянамъ или остаться безъ рабочихъ.

Едва ли нужно говорить, что при данномъ составѣ сельскохозяйственныхъ комитетовъ эта дилемма представлялась для нихъ болѣе, чѣмъ щекотливой. Немногіе, сравнительно, дѣятели рѣшились дать этому вопросу достаточно опредѣленную постановку даже съ принципіальной точки зрѣнія. Объ одномъ изъ такихъ дѣятелей мы уже упоминали. Н. А. Хвостовъ считалъ совершенно нормальнымъ такой порядокъ, при которомъ крестьяне живутъ „заработкомъ“. „Мы знаемъ—говорилъ онъ, — обширныя поля частныхъ владѣльцевъ, засѣянныя картофелемъ и свеклой, на нихъ имѣютъ хорошій заработокъ десятки сосѣднихъ деревень“. Онъ считалъ поэтому необходимымъ, что покупки земель товариществами въ елецкомъ уѣздѣ были совсѣмъ прекращены. „Покупка цѣлыми обществами, по его мнѣнію, можетъ быть допускаема только въ исключительныхъ случаяхъ“. Изъ лицъ, склонявшихся къ совершенно иному рѣшенію дилеммы, укажемъ, напр., члена нижегородскаго комитета г. Остафьева, который полагалъ необходимымъ „придерживаться того принципа, что собственникомъ земли долженъ быть тотъ, кто ее воздѣлываетъ“. Что касается практическихъ мѣропріятій, то мѣстные дѣятели обнаружили склонность идти путемъ компромиссовъ, какіе уже намѣтились въ жизни. Во всякомъ случаѣ, громадное большинство ихъ сознавало, что вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ нельзя разрѣшить однимъ пе-

реселеніемъ и что для этого необходимо въ той или иной формѣ передвинуть къ крестьянамъ не только „ничего не стоющія", но и „дорогія" земли. Въ трудахъ комитетовъ мы находимъ рядъ мѣръ, предложенныхъ ими въ цѣляхъ расширенія площади и облегченія условій крестьянскаго землепользованія за счетъ не только далекихъ окраинъ, но и ближайшихъ земель.

Нѣкоторую помощь въ этомъ случаѣ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, могутъ оказать казенныя земли, если таковыя имѣются въ малоземельныхъ районахъ. За дополнительную нарѣзку изъ казенныхъ и удѣльныхъ земель и за надѣленіе ими безземельныхъ крестьянъ высказалсь цѣлый рядъ комитетовъ (новомосковскій, устюженскій, бѣлозерскій, елецкій, лифляндскій, пермскій и др.). „Прирѣзка недостающей земли изъ сосѣднихъ незанятыхъ казенныхъ земель, и оброчныхъ статей—говоритъ г. Измайловъ,—была бы полезна не только для крестьянъ, но и для самой казны, такъ какъ это былъ бы самый простой и самый выгодный въ финансовомъ отношеніи способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ имуществъ, въ виду полученія казною отъ крестьянъ постояннаго оброка, взамѣнъ сдачи ихъ въ аренду часто случайнымъ арендаторамъ, хищнически эксплуатирующимъ эти земли; при томъ исчезла бы необходимость въ спеціальномъ управленіи этими землями, что также доставило бы казнѣ значительныя сбереженія". „Чтобы уплатить всѣ налоги,—читаемъ мы въ запискѣ кр. опочецкаго уѣзда К. Максимова,—крестьяне берутъ въ аренду землю у собственниковъ, думая, что либо заработать, но такъ какъ арендная плата слишкомъ высокая, а урожаи стали плохи и не приносятъ того дохода, что за нее нужно платить, то приходится крестьянину находить заработокъ на сторонѣ, чтобы уплатить аренду, а потому, по моему мнѣнію, нужно бы ходатайствовать, чтобы лѣсныя и покосныя казенныя дачи отдавались крестьянамъ въ надѣлъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы взявшіе казенный надѣлъ уплачивали казнѣ повинности такъ же, какъ и крестьяне, надѣленные въ 1861 году, и этимъ казна не потерпитъ никакого ущерба, а напротивъ, избавится отъ расхода, какъ, напримѣръ, найма лѣсныхъ сторожей и пр.". Другіе

комитеты и дѣятели проектировали въ этихъ же цѣляхъ облегченіе условій сдачи казенныхъ земель въ аренду. Наиболѣе сильныя жалобы на ненормальную постановку сдачи казенной и удѣльной земли мы находимъ въ трудахъ нѣкоторыхъ поволжскихъ комитетовъ. Въ интересахъ упорядоченія этого дѣла ставропольскій комитетъ (Самарской губ.), между прочимъ, высказался за „желательность сдачи казенныхъ оброчныхъ участковъ наиболѣе нуждающимся въ землѣ (надѣленнымъ такъ наз. нищенскими или дарственными надѣлами) на льготныхъ условіяхъ, преимущественно въ долгосрочную аренду, на правахъ поселенія и даже съ правомъ послѣдующаго выкупа отведенной земли". Комитетъ призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ „нежелательность слишкомъ формальнаго примѣненія контрактныхъ требованій" и, въ частности, рѣзко осудилъ принятый въ казнѣ и удѣлѣ обычай секвестровать весь хлѣбъ на участкѣ, въ случаѣ неуплаты въ срокъ арендной платы хотя бы однимъ лицомъ изъ группы мелкихъ арендаторовъ. Далѣе онъ призналъ желательнымъ, „чтобы въ казенномъ, вѣдомствѣ при сдачѣ оброчныхъ участковъ, по аналогіи съ удѣлами, были отмѣнены торги, и чтобы какъ въ казенномъ такъ и въ удѣльномъ вѣдомствахъ допускалось большее дробленіе участковъ въ цѣляхъ большаго доступа къ арендованію земли мелкимъ товариществамъ, образованіе которыхъ легче, чѣмъ крупныхъ". Камышинскій комитетъ находилъ, что казенная и удѣльная „земля должна сдаваться въ аренду только дѣйствительно занимающимся земледѣліемъ, а не перекупщикамъ. Предпочтеніе предъ частными лицами и товариществами, по его мнѣнію, должно отдаваться ближайшимъ сельскимъ обществамъ безъ требованія отъ нихъ залога", ибо сдача земли обществамъ „имѣетъ свои преимущества"; „главное изъ нихъ заключается въ томъ что при такомъ порядкѣ въ число съемщиковъ попадаетъ и бѣднота, составляющая главную массу сельскихъ жителей". Какъ видно уже изъ этихъ немногихъ выписокъ, мѣстные дѣятели и въ данномъ случаѣ были озабочены, главнымъ образомъ, положеніемъ малоземельныхъ, неимущихъ группъ крестьянства.

Дополнительная нарѣзка казенной земли и льготная сдача

ея въ аренду въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ можетъ имѣть, во всякомъ случаѣ, мѣстное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно ограниченное значеніе, такъ какъ не вездѣ эта земля имѣется въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ. Въ елецкомъ, напримѣръ, уѣздѣ, какъ видно изъ записки члена уѣздной управы г. Цвиленева, пахатной земли имѣется у казны всего лишь 912 дес.; въ другихъ уѣздахъ и даже въ цѣлыхъ губерніяхъ такихъ земель нѣтъ вовсе. Что касается лѣсныхъ дачъ казны, то расчистка ихъ подъ покосъ и пашню далеко не всегда представляется цѣлесообразной. Нѣкоторые дѣятели находили даже желательнымъ, чтобы казна пріобрѣтала земли въ цѣляхъ обращенія ихъ подъ лѣсъ, которымъ и снабжала бы потомъ крестьянское населеніе. Для устраненія и даже для смягченія крестьянскаго малоземелья въ цѣломъ рядѣ мѣстностей необходимо, такимъ образомъ, обратиться къ землямъ частнаго владѣнія. Сознавая необходимость „прирѣзки" съ этой стороны, значительное число комитетовъ категорически высказалось за широкое государственное содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія частновладѣльческой земли крестьянами. Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мѣстные дѣятели должны были, однако, считаться съ безусловно ненормальными отношеніями, какія успѣли сложиться у насъ въ сферѣ движенія земельной собственности.

„Неприкосновенность" помѣщичьихъ правъ на землю, обезпечить которую такъ старались,—какъ мы видѣли,—помѣщичья партія при освобожденіи, въ дѣйствительности, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась, конечно, неосуществимою. Дворянское землевладѣніе послѣ реформы начало таять съ поразительною быстротою, и всѣ усилія остановить этотъ процессъ оказались тщетными. Въ соціальномъ „движеніи земли" сказалась почти неодолимая сила. Теперь, когда общее направленіе этого движенія достаточно уже опредѣлилось, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что земля обнаружила въ данномъ случаѣ тяготѣніе въ сторону крестьянскаго хозяйства. То, что дѣятели освободительной эпохи не пожелали или не рѣшились осуществить сознательнымъ и планомѣрнымъ актомъ, жизнь, послушная велѣнію хозяйственныхъ

потребностей, стала осуществлять стихійнымъ порядкомъ. Въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ мы находимъ яркую характеристику той „неудержимой жажды", какою охвачено крестьянское населеніе къ окружающимъ его землямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ затрудненій, какими обставлено удовлетвореніе этой хозяйственной его потребности.

Незнакомые съ новою формою земельныхъ отношеній, крестьяне не могли, конечно, предвидѣть тѣхъ послѣдствій, какими она скажется въ ихъ хозяйственной жизни. Привыкши цѣнить землю исключительно какъ средство для приложенія труда, они и не подозрѣвали, что она можетъ выполнять совершенно иныя функціи и что она именно явится въ будущемъ орудіемъ новаго ихъ порабощенія. „Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ", говоритъ въ своей запискѣ Самарская губернская управа, „въ деревенской жизни замѣчалось, какъ всеобщее явленіе, отказъ отъ надѣленія земельными угодьями". „Земля все равно будетъ нашей", думали крестьяне. Не спѣшили они съ пріобрѣтеніемъ ея въ собственность и тогда, когда „неприкосновенное право" появилось на рынкѣ, сдѣлалось объектомъ мѣновыхъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ соціальной борьбы, въ которой гибнутъ слабые и торжествуютъ сильные. Хотя земля была дешева, но за то и денежные рессурсы крестьянства были ничтожны; аренда, за которую можно было расплачиваться натурой, представлялась болѣе доступною и даже болѣе выгодною, чѣмъ владѣніе надѣльною землею, обложенною непосильною оброчною податью. Это продолжалось, однако, не долго. Мы уже видѣли, какими тяжелыми послѣдствіями частное право на землю сказалось въ концѣ концовъ для крестьянъ въ сферѣ арендныхъ отношеній. Не менѣе тяжелый характеръ получила для крестьянства и другая форма мѣновыхъ сдѣлокъ на земли—купля-продажа ихъ. Регуляторомъ земельныхъ цѣнъ очень скоро сдѣлалась крестьянская нужда, и онѣ стали расти внѣ всякой связи съ доходностью самыхъ земель. Съ обостреніемъ крестьянскаго малоземелья начался,—если употребить выраженіе бюро елецкаго комитета,—„бѣшеный ажіотажъ земельной спеку-

ляціи“, возрастаніе цѣнъ на землю получило „сказочный“ характеръ. Въ дѣлежѣ соціальной добычи, какую стало давать право на землю, приняли участіе не только тѣ, кто выговорилъ себѣ это право при освобожденіи, но и другіе правящіе классы въ лицѣ ипотечныхъ банковъ и всякаго рода спекулянтовъ. На земельномъ рынкѣ появились „хищники, эксплуататоры-промышленники, пріобрѣтающіе земли не для собственной обработки и пользованія, а съ исключительною цѣлью эксплуатировать ихъ посредствомъ сдачи мѣстнымъ крестьянамъ въ аренду по страшно высокой цѣнѣ“. „Эти господа“, говоритъ въ своей запискѣ членъ суджанскаго комитета Н. Т. Волковъ, „всѣми силами стремились и стремятся скупить или снять возможно большее количество земель, расположенныхъ вокругъ крестьянскихъ надѣловъ, не останавливаясь въ цѣнѣ. Такихъ владѣній цѣлая сѣть чуть ли не при каждомъ селеніи. Всѣ крестьяне находятся въ разставленныхъ сѣтяхъ, не зная, какъ изъ нихъ выбраться. Скупщики, пользуясь своею силою давленія на крестьянъ, въ видѣ назначенія непосильной арендной платы, лишенія водопоя или прогона для скота, проѣзда на поле и т. п., назначаютъ невольнымъ покупщикамъ-крестьянамъ, желающимъ во что бы то ни стало избавиться отъ вѣчной кабалы, пріобрѣтая въ собственность необходимыя имъ земли,—произвольныя продажныя цѣны“. Ипотечные же банки являются „пособниками“ этой „биржевой спекуляціи“.

Обостряя общее положеніе на земельномъ рынкѣ, дѣятельность ипотечныхъ учрежденій, по отзывамъ мѣстныхъ дѣятелей —сказывается нерѣдко и другими тяжелыми послѣдствіями на хозяйственныхъ отношеніяхъ крестьянской массы. Условія роста и погашенія ссудъ, общія крестьянскому банку со всѣми другими ипотечными учрежденіями, разсчитаны, въ сущности, на предпринимательское, а не на трудовое хозяйство, платежныя силы котораго не имѣютъ ничего общаго съ рентными доходами. Банковыя обязательства, совершенно несогласованныя съ платежными рессурсами отдѣльныхъ хозяйствъ, оказываются болѣе легкими для однихъ изъ нихъ и болѣе тяжелыми, даже непосильными—для другихъ. Въ частности, по отношенію къ крестьянскому банку

члены елецкаго комитета указываютъ, что въ дѣятельности его „замѣтна характерная тенденція содѣйствовать покупкѣ земли не крестьянскимъ обществамъ, а товариществамъ, т. е. сообществамъ немногихъ, но экономически сильныхъ крестьянъ. Пагубныя послѣдствія такой политики очевидны и безспорны. Она способствуетъ только созданію новаго класса крестьянъ-собственниковъ, по примѣру французскихъ или бельгійскихъ, что, быть можетъ, и не безполезно въ политическомъ отношеніи, такъ какъ этотъ классъ представляется надежнымъ оплотомъ порядка, но едва ли разрѣшаетъ острый вопросъ малоземелья, который для крестьянскаго банка долженъ имѣть первенствующее значеніе". Сознательная тенденція, которую заподозрѣваютъ въ данномъ случаѣ елецкіе дѣятели, въ дѣйствительности, можетъ быть, и не играетъ существенной роли; если она и проглядываетъ въ дѣятельности крестьянскаго банка, то обусловлена, конечно, не столько политическими, сколько коммерческими соображеніями. Можно даже сомнѣваться, въ состояніи ли крестьянскій банкъ своею дѣятельностью создать новый классъ, когда нѣтъ на лицо другихъ необходимыхъ для этого условій. Имѣющіяся данныя заставляютъ думать, что купчія земли, втянутыя въ сферу крестьянскаго трудового хозяйства, очень быстро дробятся, и дѣти крестьянъ, успѣвшихъ путемъ покупки расширить свою земельную площадь, обыкновенно, должны опять считаться съ малоземельемъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ остается фактомъ: земля, мобилизуемая при содѣйствіи земельныхъ банковъ, какъ и вообще при посредствѣ купли-продажи минуетъ тѣхъ, кто болѣе всего въ ней нуждается, такъ какъ покупать ее могутъ только платежеспособныя хозяйства, т. е. тѣ, которыя удерживаютъ еще въ своихъ рукахъ хоть часть прибавочнаго продукта.

Такимъ образомъ, хотя земля и „движется" къ крестьянамъ, но далеко не ко всѣмъ, движется медленнѣе, чѣмъ наростаетъ ихъ нужда въ ней, движется обходными путями и доходитъ до нихъ настолько обремененной арендными и ипотечными платежами, что вмѣсто того, чтобы служить имъ средствомъ для приложенія свободнаго труда, является орудіемъ экономическаго ихъ порабощенія. Не хозяйствен-

ныя потребности земледѣльческаго населенія, а готовность и способность его платить дань правящимъ классамъ опредѣляютъ въ конечномъ счетѣ распредѣленіе земли по отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ. Мѣновой аппаратъ при данныхъ условіяхъ оказывается, такимъ образомъ, крайне несовершеннымъ регуляторомъ земельныхъ отношеній. Считая необходимымъ опереться на него въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, мѣстные дѣятели должны были поэтому указать болѣе или менѣе существенные коррективы къ нему.

Нѣкоторые изъ нихъ полагали, повидимому, достаточнымъ измѣнить для этого лишь организацію и условія дѣятельности крестьянскаго банка. „Есть законъ,—говоритъ въ своей запискѣ членъ симбирскаго комитета А. П. Андреяновъ,—на основаніи котораго крестьяне могутъ пріобрѣтать землю при посредствѣ крестьянскаго поземельнаго банка съ извѣстною доплатою. Къ сожалѣнію, крестьяне мало пользуются этимъ закономъ и случаи покупки рѣдки,—развѣ только гдѣ найдется добрый человѣкъ въ лицѣ земскаго начальника, который поможетъ крестьянамъ устроить это дѣло. Недостатки въ этомъ, очень важномъ для крестьянъ, дѣлѣ заключаются въ томъ, что они плохо знакомы съ этимъ закономъ, а затѣмъ,—разныя формальности, которыми обставлена такая покупка"... Гродненскій комитетъ однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ въ дѣятельности банка также видѣлъ въ излишнихъ формальностяхъ и чрезмѣрной централизаціи всего дѣла. „Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ государства,—говоритъ въ своей запискѣ г. Измайловъ,—было бы весьма полезно установленіе прямой связи правительственныхъ органовъ, въ данномъ случаѣ крестьянскаго банка, съ земствами, путемъ уполномочія уѣздныхъ земствъ, стоящихъ гораздо ближе къ населенію, чѣмъ отдѣленія банка, на совершеніе всѣхъ подготовительныхъ для полученія ссуды переговоровъ и дѣйствій—пріемъ заявленій осмотры и оцѣнки земли, опредѣленіе степени соотвѣтствія и необходимости извѣстнаго участка земли данному обществу и т. п.; пользованіе услугами банка явилось бы болѣе доступнымъ для населе-

нія и обошлось бы ему дешевле, если бы посредничество между банкомъ и покупщиками было предоставлено земству; только въ послѣднемъ случаѣ явилась бы возможность значительно упростить различныя формальности по выдачѣ ссудъ, которыя ставятъ въ большое затрудненіе обычно неграмотныхъ кліентовъ банка".

Еще большее значеніе мѣстные дѣятели придавали другимъ сторонамъ въ дѣятельности крестьянскаго банка. Особенно рѣзкое осужденіе вызвала въ сельско хозяйственныхъ комитетахъ система доплатъ. „Крестьянскій банкъ,—говорилъ въ гродненскомъ комитетѣ г. Семеновъ,—преслѣдуя цѣль воспособленія крестьянамъ по покупкѣ земли, тѣмъ способствуетъ государственной задачѣ устраненія кризиса, происходящаго отъ крестьянскаго малоземелья, но эта ясно опредѣленная тенденція крестьянскаго банка недостаточно достигаетъ своей цѣли, такъ какъ на практикѣ, благодаря необходимости доплатъ изъ личныхъ средствъ покупщиковъ земли, сверхъ опредѣляемой банкомъ ссуды, участниками земельныхъ сдѣлокъ при покупкѣ земли съ содѣйствіемъ банка являются болѣе зажиточные крестьяне, а бѣдняки, не имѣя средствъ къ доплатѣ, остаются въ пассивномъ состояніи по отношенію къ дѣятельности и помощи крестьянскаго банка, которая ихъ почти не задѣваетъ". „Требованіе доплаты,—говоритъ по тому же поводу въ своей запискѣ Ярославская губернская земская управа,—идетъ въ разрѣзъ съ интересами самого банка, потому что для того, чтобы собрать необходимыя для доплаты средства, крестьяне продаютъ скотъ и инвентарь и тѣмъ лишаются оборотнаго капитала, безъ котораго нѣтъ рѣшительно никакой возможности вести хозяйство да еще въ увеличенномъ масштабѣ на участкѣ, пріобрѣтенномъ при помощи банка. Въ результатѣ крестьяне не въ силахъ разработать и привести въ надлежащее культурное состояніе купленный участокъ, доходность котораго не достигаетъ возможной высоты, и крестьяне легко могутъ оказаться несостоятельными плательщиками". „Доплаты,—читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской земской управы,—представляютъ большое зло. Во-первыхъ, доплаты эти ведутъ къ значительному неравенству въ распре-

дѣленіи между крестьянами, участвующими въ покупкѣ, купленной при помощи банка, земли; при различной степени зажиточности покупщиковъ, одинъ вноситъ на эту доплату больше, другой меньше; кто внесъ больше, тотъ считаетъ за собою право на большее количество земли и, дѣйствительно, въ виду трудности для крестьянъ внести требуемую банкомъ доплату, купленная земля распредѣляется между домохозяевами не поровну, а именно въ соотвѣтствіи съ величиною взноса каждаго домохозяина наличными для доплаты. Во-вторыхъ, очень часто крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами, при которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостояніе покупщиковъ банка, а напротивъ, ведетъ ихъ къ неизбѣжному раззоренію: такъ одни продаютъ скотъ, лишая себя необходимаго орудія обработки земли; другіе дѣлаютъ займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ деревенскихъ кулаковъ на самыхъ отяготительныхъ, а иногда прямо раззорительныхъ условіяхъ. Въ третьихъ, въ первое время по пріобрѣтеніи земли крестьяне принуждены дѣлать истощающіе землю каждогодніе посѣвы, отступая даже отъ общепринятой трехпольной системы, все же представляющей извѣстную правильность и обезпечивающей естественное возстановленіе плодородія почвы, съ цѣлью возможно скорѣйшаго и возможно большаго извлеченія изъ купленной земли денежныхъ средствъ на покрытіе произведенной доплаты". По тѣмъ же соображеніямъ и, главное, въ видахъ предоставленія возможности участвовать въ покупкѣ земли бѣднѣйшимъ слоямъ крестьянскаго населенія, за отмѣну доплатъ высказался цѣлый рядъ другихъ дѣятелей и комитетовъ (камышинскій, елецкій, лебедянскій, хоперскій, ярославскій, симбирскій у., сызранскій, смоленскій и т. д.).

На ряду съ отмѣной доплатъ, многіе мѣстные дѣятели считали необходимымъ понизить взимаемый крестьянскимъ банкомъ процентъ роста и погашенія по выдаваемымъ имъ ссудамъ, а также предоставить заемщикамъ возможныя льготы по уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ платежей. „Процентъ по

займу,—говорятъ въ своей запискѣ земскіе дѣятели Московской губ.,—крестьяне уплачиваютъ болѣе высокій, нежели въ дворянскомъ банкѣ, а между тѣмъ, если этотъ процентъ пониженъ для земель, закладываемыхъ въ дворянскомъ банкѣ, то очевидно, что само правительство считаетъ размѣръ его, платимый въ крестьянскій банкъ, обременительнымъ для заемщиковъ; пониженіе процента по ссудамъ, выдаваемымъ изъ крестьянскаго банка, является требованіемъ простой справедливости". Ярославская губ. управа также признала необходимымъ пониженіе процента „по крайней мѣрѣ, до размѣровъ того же процента, взимаемаго съ заемщиковъ дворянскаго банка". Боровичскій комитетъ находилъ желательнымъ, чтобы банкъ взималъ по всѣмъ ссудамъ не болѣ 5%. Комиссія смоленскаго комитета полагала необходимымъ, чтобы „въ первыя пять лѣтъ послѣ пріобрѣтенія земли платежи банку были по возможности уменьшены, такъ какъ въ въ эти годы крестьянамъ приходится усиленно затрачивать средства на покупку живого хозяйственнаго инвентаря и на разработку земли".

Облегченіе формальныхъ условій пользованія банковскимъ кредитомъ, отмѣна доплатъ и пониженіе процентовъ по займамъ—таковы наиболѣе часто предлагавшіяся въ комитетахъ и почти не встрѣчавшія въ нихъ возраженій мѣры въ интересахъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческой земли. Не трудно, однако, понять, что сами по себѣ эти мѣры безсильны измѣнить характеръ мѣновыхъ отношеній, какія сложились въ сферѣ движенія поземельной собственности. Въ случаѣ осуществленія ихъ, размѣры и условія этого движенія попрежнему опредѣлялись бы „добровольнымъ" соглашеніемъ далеко неравносильныхъ въ соціальномъ отношеніи сторонъ. Частный землевладѣлецъ, пользуясь свободой выбора, по прежнему прибѣгалъ бы къ продажѣ земли въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда эта операція представлялась бы ему болѣе выгодной, чѣмъ иныя формы эксплуатаціи крестьянской земельной нужды. Крестьянинъ, поставленный въ положеніе подневольнаго батрака, по прежнему соглашался бы на всѣ условія, какія диктовались бы ему земельными спекулянтами. Добровольныя по имени

одѣлки, по существу имѣли бы все тотъ же, несомнѣнно вынужденный для одной изъ сторонъ, характеръ.

Указанныя мѣры не только безсильны улучшить положеніе крестьянъ на земельномъ рынкѣ, но и могутъ значительно ухудшить его. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что болѣе льготныя условія выдачи ссудъ, установленныя новымъ уставомъ крестьянскаго банка, сопровождались замѣтнымъ усиленіемъ земельной спекуляціи. „Чрезвычайная нужда крестьянъ въ землѣ и отсутствіе у крестьянъ способности перспективнаго разсчета заставляютъ ихъ,—говоритъ бюро елецкаго комитета—соглашаться на *всякія*, нисколько *не оправдываемыя доходностью земли, цѣны*, лишь бы только имъ не приходилось много доплачивать наличными деньгами. Органы крестьянскаго банка часто предупредительно соглашаются въ такихъ случаяхъ на самыя высокія оцѣнки и выдаютъ ссуды въ высшемъ установленномъ закономъ размѣрѣ по отношенію къ покупной цѣнѣ. Этою ролью банка пользуются весьма часто ловкіе спекулянты, скупающіе землю у частныхъ владѣльцевъ и затѣмъ перепродающіе ее крестьянамъ по возвышенной цѣнѣ. Пользуются этимъ и частные ипотечные банки, которые, вслѣдствіе ограниченія закономъ ссудныхъ операцій подъ городскія имущества, обратили усиленное вниманіе на негородскія земли и выдаютъ весьма высокія ссуды такимъ спекулянтамъ въ успокоительной увѣренности, что ссуды будутъ исправно и скоро погашены при посредствѣ государственнаго крестьянскаго банка. Такимъ образомъ, крестьянскій банкъ изъ учрежденія, призваннаго приходить на помощь малоземельнымъ крестьянамъ, превращается часто въ пособника биржевой спекуляціи“... „Интересно было слышать“, писалъ корреспондентъ изъ залы пирятинскаго комитета, „что крестьяне сами, будучи очень признательными крестьянскому банку за содѣйствіе его при покупкѣ ими земель, тѣмъ не менѣе находятъ, что слишкомъ высокая оцѣнка, допускаемая банкомъ, и соотвѣтственная ссуда ведетъ только къ ихъ раззоренію. Крестьяне, увлекаемые жадностью къ землѣ, не обращаютъ вниманія на чрезмѣрно-высокую цѣну, а затѣмъ оказываются не въ состояніи платить процентовъ.. Крестьяне утверждали, что идетъ силь-

нѣйшая спекуляція на цѣну земли и на нужду ихъ въ ней. Съ искусственнымъ же увеличеніемъ продажной цѣнности возвышается и арендная плата, что также крестьянамъ не выгодно, такъ какъ они являются и покупателями, и арендаторами. Все это, какъ замѣтилъ одинъ изъ участниковъ въ комитетѣ, поведетъ къ „земельному краху" и къ дальнѣйшему обнищанію населенія".

Само собой понятно, что новыя кредитныя льготы, которыя были бы предоставлены крестьянамъ, легко могутъ сказаться новымъ подъемомъ цѣнъ на землю. Чѣмъ больше будутъ выдаваемыя банкомъ ссуды, тѣмъ шире для частныхъ землевладѣльцевъ будетъ возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства.

Говоря объ этихъ перспективахъ, не лишне будетъ отмѣтить, что нѣкоторые мѣстные дѣятели, предлагая отмѣнить доплаты, настаивали вмѣстѣ съ тѣмъ на повышеніи банковскихъ оцѣнокъ. Такъ, гродненскіе дѣятели, высказываясь за „предоставленіе окончательнаго утвержденія сдѣлокъ по покупкѣ земли компетенціи мѣстныхъ отдѣленій", не скрывали, что такимъ путемъ имъ хотѣлось бы предотвратить на будущее время случаи, когда центральное управленіе банка признаетъ „сдѣлку для крестьянъ невыгодной и по цѣнѣ преувеличенной". Бѣлозерскій комитетъ также находилъ, что „назначенныя крестьянами цѣны за покупаемыя земли на основаніи существующихъ условій не должны безъ всякихъ для этого основаній служить препятствіемъ къ выдачѣ ссудъ, что нерѣдко происходитъ теперь". Основная мысль въ этомъ постановленіи несомнѣнно та же, что и въ предыдущемъ: члены бѣлозерскаго комитета тоже желаютъ, чтобы „преувеличенныя цѣны" не служили препятствіемъ къ утвержденію сдѣлокъ. Чтобы облагородить это пожеланіе, они не прочь съ одной стороны, снаивничать, увѣривъ себя и другихъ, что цѣны на землю будто бы „назначаются" крестьянами, а съ другой воспользоваться дипломатической уловкой, употребивъ такое ничего не говорящее выраженіе, какимъ являются въ данномъ случаѣ слова: „безъ всякихъ основаній". Еще опредѣленнѣе высказалась на этотъ счетъ коммиссія

смоленскаго комитета. „Для предоставленія крестьянамъ возможности пріобрѣтать отрѣзныя земли, необходимо, по ея мнѣнію,—чтобы при оцѣнкѣ ихъ банкомъ принималась въ соображеніе степень нужды крестьянъ въ покупаемой землѣ". Эти недвусмысленныя пожеланія, чтобы банкъ не стѣснялъ крестьянъ въ назначеніи цѣнъ на землю и самъ опредѣлялъ ихъ „степенью нужды" крестьянъ въ покупаемой ими землѣ — достаточно характерны. Они вскрываютъ истинный смыслъ того трогательнаго на первый взглядъ согласія по вопросу о кредитныхъ льготахъ крестьянамъ, какое наблюдалось въ комитетахъ между лицами самыхъ различныхъ направленій. Понимая необходимость поступиться частью своихъ земель, нѣкоторые землевладѣльцы, очевидно, желали бы возможно дороже продать свое „неприкосновенное право" на нихъ и такимъ путемъ учесть въ свою пользу возможно большую долю будущихъ доходовъ крестьянскаго хозяйства.

Желая во что бы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ рентные доходы и сознавая въ то же время необходимость и неизбѣжность тѣхъ или иныхъ мѣръ въ цѣляхъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ, нѣкоторые мѣстные дѣятели пытались найти и другія, безубыточныя и даже выгодныя для помѣстнаго сословія, формы государственнаго вмѣшательства въ сферу аграрныхъ отношеній. Значительный въ этомъ случаѣ интересъ представляетъ выдвинуый нѣкоторыми комитетами проектъ государственнаго посредничества въ дѣлѣ арендованія помѣщичьихъ земель крестьянами. Такъ, оренбургскій губернскій комитетъ, констатировавъ фактъ ненормальности существующей у насъ постановки дѣла земельной аренды, пришелъ къ заключенію, „что урегулировать это дѣло можетъ только правительство, становясь посредникомъ между землевладѣльцемъ и нуждающимся въ землѣ крестьяниномъ-землепашцемъ". Такая дѣятельность, по мнѣнію комитета, не вызывала бы даже необходимости въ учрежденіи особаго органа". Для этого необходимо только, чтобы „крестьянскій банкъ принялъ на себя гарантію въ полученіи владѣльцемъ арендной платы, выдаваемой ему мѣстнымъ отдѣленіемъ банка въ установленные контрактомъ сроки". Что касается самыхъ арендныхъ платежей, то тако-

вые должны взыскиваться банкомъ съ крестьянъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для взысканія выдаваемыхъ имъ ссудъ. Въ Оренбургѣ этотъ проектъ не только былъ единогласно одобренъ, но и получилъ детальную разработку въ формѣ правилъ, пятнадцатый параграфъ которыхъ предусматриваетъ, „что въ составъ отдѣленій крестьянскаго банка при разсмотрѣніи арендныхъ сдѣлокъ входитъ представитель отъ мѣстнаго землевладѣнія“. Инціаторъ этого проекта г. Бялоблоцкій въ особомъ докладѣ [1]), внесенномъ имъ въ Оренбургское общество сельскаго хозяйства, подробно излагаетъ и тѣ соображенія, которыми онъ руководился въ данномъ случаѣ. Въ ряду этихъ соображеній особый интересъ представляютъ обѣщанія многочисленныхъ благъ, какія извлекутъ представители помѣстнаго сословія отъ государственнаго посредничества.

„Правительственное посредничество въ дѣлѣ крестьянской аренды,—говоритъ г. Бялоблоцкій,—практикуясь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, принимая даже характеръ содѣйствія распространенію этой аренды, не только не можетъ вызывать явленій, нежелательныхъ въ общегосударственномъ смыслѣ, но, напротивъ, будетъ способствовать установленію прочныхъ цѣнъ на землю, замедляя мобилизацію земельной собственности, а для дворянскаго землевладѣнія составитъ надежнѣйшій оплотъ“. „Весьма много дворянскихъ имѣній,—говоритъ онъ далѣе,—проданы лишь потому, что владѣльцы ихъ, состоя на государственной или общественной службѣ, дающей имъ средства къ жизни, не имѣли возможности лично вести хозяйство въ своихъ имѣніяхъ; хозяйничанье посредствомъ управителей или приказчиковъ оказывалось невыгоднымъ, благонадежнаго крупнаго съемщика имѣнія не находилось, а сдача аренды крестьянамъ представлялась слишкомъ рискованной“. Необходимо поэтому дать такимъ землевладѣльцамъ „возможность сдать землю въ аренду крестьянамъ и обезпечить себѣ исправное полученіе арендной платы правительственною гарантіею, что устранитъ не-

[1]) И. Бялоблоцкій. Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренбургъ, 1903 г.

обходимость продажи имѣнія. Связь служащаго дворянства съ землею будетъ, такимъ образомъ, сохранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечена ему возможность вернуться на свою землю при измѣнившихся обстоятельствахъ служебной карьеры".

„Но правительственное посредничество въ предлагаемой формѣ,—продолжаетъ г. Бялоблоцкій,—окажется выгоднымъ не только для владѣльцевъ, не живущихъ въ имѣніяхъ и сдающихъ таковыя въ полномъ составѣ въ аренду; воспользуются имъ съ выгодою и владѣльцы имѣній, ведущіе смѣшанное хозяйство, при которомъ часть лишь имѣнія сдается крестьянамъ. Эта категорія землевладѣльцевъ, весьма многочисленная, получитъ возможность изъ гарантированной крестьянской аренды образовать статью вѣрнаго и неколеблющагося дохода, что будетъ способствовать устойчивости доходнаго бюджета хозяйства, столь необходимой въ имѣніяхъ задолженныхъ и обремененныхъ срочными банковскими платежами".

„Наконецъ. къ выгодамъ землевладѣльцевъ, обращающихся къ правительственному посредничеству между ними и арендаторами ихъ земли—крестьянами, нужно причислить и то, что посредничество это оградитъ владѣльцевъ отъ многихъ непріятныхъ столкновеній съ крестьянами, возникающихъ на почвѣ арендныхъ сдѣлокъ и, какъ извѣстно, сильно обостряющихъ нынѣ взаимныя отношенія".

Въ томъ, что крестьяне, за правительственною гарантіею, будутъ однимъ землевладѣльцамъ выплачивать дополнительное содержаніе къ тому жалованью, которое они получаютъ за „государственную и общественную службу, дающую имъ средства къ жизни", въ случаѣ же неудачи ихъ „служебной карьеры" такую же гарантированную пенсію, а для другихъ землевладѣльцевъ—составятъ „статью вѣрнаго и неколеблющагося дохода", г. Бялоблоцкій, съ „общегосударственной" точки зрѣнія ничего „нежелательнаго", конечно, не видитъ. Напротивъ, именно этимъ онъ больше всего и озабоченъ, тѣмъ болѣе, что землевладѣльцамъ интересующей его категоріи „традиціонно привыкшимъ и нынѣ привлекаемымъ къ заботамъ о народномъ благосостояніи", по

его словамъ, „практика земельнаго кулачества вообще не удается“.

Правда, г. Бялоблоцкій сулитъ еще болѣе многочисленныя блага, въ случаѣ осуществленія его проекта, и крестьянамъ. Такъ, онъ обѣщаетъ, что „совершенное устраненіе риска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надобности, прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ обезпеченія взноса арендныхъ платежей, къ мѣрамъ, примѣненіе которыхъ на дѣлѣ и непріятно, и сопряжено съ немалыми расходами и даже не всегда безопасно, побудитъ владѣльцевъ, заключающихъ арендныя сдѣлки при посредничествѣ правительства, взамѣнъ получаемой гарантіи дѣлать значительныя уступки въ размѣрѣ арендной платы противъ установившихся нынѣ ея размѣровъ“. Если не считать этой наивной надежды на то, что будто бы гарантія вѣрнаго дохода и безопасности „побудитъ“ землевладѣльцевъ къ уступкамъ, то всѣ посулы г. Бялоблоцкаго сводятся въ конечномъ счетѣ къ обѣщанію облагодѣтельствовать крестьянъ за счетъ „барышей пересдатчиковъ земли“. Что касается самихъ землевладѣльцевъ, то они могутъ быть спокойны. „Какъ бы арендная плата ни понизилась, это ни въ какомъ случаѣ,—говоритъ г. Бялоблоцкій,— не можетъ коснуться земельной ренты, которая, несомнѣнно, останется на очень высокомъ уровнѣ и будетъ оставаться на немъ до тѣхъ поръ, пока подъемъ интенсивности крестьянскаго хозяйства не умѣритъ потребности его въ земельномъ просторѣ. А это, очевидно, можетъ случиться не скоро. Въ ближайшемъ же будущемъ, напротивъ того, слѣдуетъ ожидать усиленія земельной нужды крестьянскаго хозяйства“...

Едва ли нужно говорить, однако, что, пока эта нужда остается, никакихъ благъ и ни за чей счетъ отъ проектированнаго г. Бялоблоцкимъ посредничества крестьяне не получатъ. Даже „барыши пересдатчиковъ“ достанутся тѣмъ же землевладѣльцамъ въ качествѣ „вѣрнаго и неколеблющагося дохода“. Это слишкомъ очевидно, и напрасно поэтому г. Бялоблоцкій прикрываетъ свой проектъ авторитетомъ Н. А. Карышева съ его „Внѣнадѣльными арендами“. Когда послѣдній, указывая на необходимость правительственнаго

вмѣшательства въ область нашихъ арендныхъ отношеній, писалъ, что оно „вполнѣ своевременно и что размѣры его должны не уступать по энергіи и широтѣ размѣрамъ нуждъ многомилліонной массы русскаго земледѣльческаго населенія“, то, несомнѣнно, онъ имѣлъ въ виду не это, выдвинутое теперь нѣкоторыми комитетами, „посредничество“. Послѣднее пригодно только для того, чтобы землевладѣльцевъ превратить въ гарантированныхъ рентьеровъ, а крестьянамъ предоставить хорошо извѣстныя имъ блага принудительнаго и безспорнаго взысканія платежей, какими ихъ сумѣютъ обложить землевладѣльцы.

XI.

Не всѣ, конечно, комитеты, высказывающіеся за государственное вмѣшательство въ сферу земельныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, имѣли въ виду создать такимъ путемъ „надежнѣйшій оплотъ“ для крупныхъ землевладѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, обезпечить имъ возможно выгодную реализацію ихъ „неприкосновеннаго права“. Большинство мѣстныхъ дѣятелей, какъ можно думать, вполнѣ искренно и добросовѣстно старалось найти въ этомъ направленіи тѣ средства, которыми можно было бы упорядочить мѣновыя сдѣлки на землю и облегчить земельную нужду крестьянскаго населенія. И если многіе изъ нихъ останавливались на такихъ палліативахъ, какъ кредитныя льготы или благожелательное для обѣихъ сторонъ посредничество, то въ этомъ нельзя не видѣть, насколько еще „не додумана“ въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ безспорно демократическая въ другихъ отношеніяхъ программа. Несомнѣнно, однако, что общественная мысль, по скольку таковая сказалась даже въ комитетскихъ проектахъ, не удовлетворяется уже этими палліативами и настойчиво ищетъ другихъ болѣе надежныхъ средствъ для излѣченія нашихъ аграрныхъ недуговъ. Просматривая труды комитетовъ, мы видимъ, что многіе мѣстные дѣятели —правда, въ большинствѣ случаевъ робко и неувѣренно,—высказались за необходимость болѣе активнаго и болѣе рѣшительнаго вмѣшательства государ-

ственной власти въ сферу аграрныхъ отношеній въ цѣляхъ какъ увеличенія количества переходящей къ крестьянамъ земли, такъ и облегченія условій, на которыхъ она имъ достается.

Въ поискахъ формъ для такого вмѣшательства мѣстные люди склонны были, конечно, цѣпляться за то, что имѣется по этой части въ жизни, хотя бы и въ зачаточномъ видѣ. Такъ, цѣлый рядъ дѣятелей и комитетовъ (боровичскій, бѣлозерскій, новомосковскій, елецкій, хоперскій, суджанскій и др.) высказался за покупку владѣльческихъ земель государствомъ и, въ частности, крестьянскимъ банкомъ для передачи ихъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ (т. е. на купчемъ правѣ, на правѣ аренды или надѣла) крестьянамъ. Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мѣстные дѣятели полагали, что государство, въ качествѣ покупателя, сумѣетъ занять на земельномъ рынкѣ насравненно лучшую позицію, чѣмъ какая доступна теперь крестьянамъ. Такъ, московскіе земскіе дѣятели въ своей запискѣ, внесенной въ губернскій комитетъ, указавъ на то, что „нужда крестьянъ въ землѣ сильно подняла цѣны на землю, не оправдываемыя ея доходностью, и вызвала спекулятивныя покупки ея, съ цѣлью дальнѣйшей перепродажи земли крестьянамъ“, находитъ необходимымъ, чтобы крестьянскій банкъ возможно шире пользовался своимъ правомъ „являться самостоятельнымъ пріобрѣтателемъ земли“, при чемъ,—по мнѣнію лицъ, подписавшихъ записку,— онъ долженъ „оставаться собственникомъ ея и отдавать въ безсрочное пользованіе крестьянскимъ обществамъ“. Бюро елецкаго комитета также полагало, что „наиболѣе желательнымъ образомъ дѣйствій крестьянскаго банка было бы развитіе покупки земель за свой счетъ и продажа ея затѣмъ крестьянскимъ обществамъ. Такой способъ, предусмотрѣнный уставомъ крестьянскаго банка, по мнѣнію елецкихъ дѣятелей естественно заставилъ бы банкъ интересоваться дѣйствительною стоимостью покупаемой земли“, и онъ пересталъ бы, благодаря этому, служить „пособникомъ биржевой спекуляціи“. Авторъ одного изъ докладовъ, внесенныхъ въ подольскій губернскій комитетъ, полагалъ, что „дѣятельность банка, именуемаго нынѣ крестьянскимъ, слѣ-

дуетъ кореннымъ образомъ реорганизовать. Банкъ этотъ долженъ покупать имѣнія съ торговъ и съ вольной руки въ собственность государства". Пріобрѣтенныя банкомъ имѣнія, по мнѣнію докладчика, должны быть раздѣляемы затѣмъ на мелкіе участки, каковые и должны быть сдаваемы на правахъ вѣчной аренды нуждающимся въ землѣ, съ обязательствомъ вести на нихъ трудовое хозяйство [1]). Новомосковскій комитетъ призналъ необходимымъ „расширеніе операцій государственнаго поземельнаго банка по пріобрѣтенію земель для надѣленія малоземельныхъ хозяевъ на льготныхъ условіяхъ, напримѣръ, по образцу рентныхъ имѣній, практикуемыхъ германскимъ правительствомъ въ восточныхъ провинціяхъ". Настаивая на „необходимости, по возможности, всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ и другихъ занимающихся земледѣліемъ надѣлить въ достаточномъ количествѣ землею", предсѣдатель Нижегородской уѣздной управы г. Остафьевъ указывалъ въ своей запискѣ, что для этого „государство можетъ оставить за собою всѣ земли, остающіяся за земельнымъ банкомъ, и, кромѣ того, скупать земли отъ частныхъ владѣльцевъ, которые охотно продадутъ свои земли за мало-мальски подходящую цѣну, и образовать такимъ образомъ земельный фондъ, изъ котораго уже будетъ возможно надѣлять землею на льготныхъ финансовыхъ условіяхъ земледѣльцевъ, придерживаясь принципа, что собственникомъ земли долженъ быть тотъ, кто ее воздѣлываетъ".

Едва ли, однако, можно раздѣлять эту увѣренность г. Остафьева, что въ случаѣ пріобрѣтенія земли государствомъ владѣльцы „охотно" продадутъ ее. Во всякомъ случаѣ многіе мѣстные дѣятели понимали, что пока этотъ вопросъ будетъ предоставленъ добровольному соглашенію между государствомъ и помѣщиками, мобилизація будетъ идти туго или же за землю придется платить такія „мало-мальски подходящія цѣны", которыя будутъ ничѣмъ не лучше теперешнихъ „голодныхъ", какъ ихъ назвалъ балашевскій комитетъ. Сама собою поэтому напрашивалась мысль о необ-

---

[1]) Русскія Вѣдомости, 8 іюля 1903 г.

ходимости тѣхъ или иныхъ мѣръ воздѣйствія на частныхъ землевладѣльцевъ въ цѣляхъ ускоренія и облегченія необходимой съ государственной точки зрѣнія операціи. Бѣлозерскіе дѣятели, повидимому, испугались этой мысли и нашли необходимымъ включить въ свое постановленіе оговорку, что пріобрѣтеніе земли у частныхъ владѣльцевъ должно происходить „конечно, съ ихъ согласія". Бюро елецкаго комитета полагало за лучшее обойти этотъ щекотливый вопросъ. Указавъ на положеніе крестьянъ, получившихъ такъ называемые сиротскіе или дарственные надѣлы, оно нашло, что „недавнія печальныя событія въ Полтавской, Харьковской, Саратовской и Воронежской губерніяхъ заставляютъ серьезно подумать о примѣненіи къ такимъ малоземельнымъ крестьянамъ государственной прирѣзки надѣловъ". Однако, вопросъ о томъ, „какимъ образомъ должна быть осуществлена эта мѣра—путемъ ли обязательнаго отчужденія сосѣдней земли и передачей ея въ пользованіе крестьянъ, или какимъ-нибудь инымъ способомъ", бюро не нашло возможнымъ предрѣшать и полагало нужнымъ установить лишь „необходимость увеличенія въ законодательномъ порядкѣ надѣловъ крестьянъ, обдѣленныхъ въ 1861 г.". Предсѣдатель рузскаго комитета кн. П. Д. Долгоруковъ, высказываясь лично противъ обязательнаго государственнаго выкупа, также находилъ, что „вопросъ о мѣрахъ для удовлетворенія крестьянъ землею не слѣдовало бы обсуждать въ комитетѣ". Мензелинскій комитетъ, признавъ необходимымъ, чтобы „надѣлы были доведены до нормы въ 8 дес. на дворъ, состоящій изъ одной семейной пары, такъ какъ только при такихъ хозяйственныхъ участкахъ возможно будетъ прокормленіе семьи и содержаніе въ хозяйствѣ необходимаго животнаго и мертваго инвентаря", также благоразумно умолчалъ, откуда должны быть взяты необходимыя для этого земли. Г. Маллѣевъ полагалъ, повидимому, достаточнымъ въ указанныхъ выше цѣляхъ нравственное воздѣйствіе и предложилъ въ пермскомъ уѣздномъ комитетѣ „просить помѣщиковъ часть своихъ земель уступить крестьянамъ". Послѣдовавшія по этому предложенію пренія немедленно выяснили, однако, всю его утопичность.

„Предсѣдатель совѣщанія М. Д. Брудинскій возразилъ, что нельзя заставить крупныхъ землевладѣльцевъ продавать землю, и они на это не согласятся. Въ доказательство своего мнѣнія онъ указывалъ на дороговизну дровъ въ Перми, несмотря на то, что она вся окружена лѣсами. Лѣса эти принадлежатъ крупнымъ владѣльцамъ, и они ограничиваются толькой извѣстной ежегодной вырубкой. Это уже отчасти указываетъ на то, что они едва ли будутъ согласны уступать свои земли.

„Г. Десятовъ, подтверждая мнѣніе предсѣдателя, привелъ въ примѣръ крестьянскій поземельный банкъ, который принужденъ былъ прекратить свои функціи, исключительно благодаря тому, что населеніе не имѣло возможности пріобрѣтать земли у владѣльцевъ, такъ какъ послѣдніе отказывались продавать“ [1]).

Какъ бы то ни было, нашлись во всякомъ случаѣ дѣятели, которые не только „подумали“, но и „досказали“ хотя бы въ части ея нехитрую саму по себѣ мысль о необходимости въ данномъ случаѣ нѣкоторыхъ правовыхъ нормъ. Такъ, бюро елецкаго комитета, обсуждая вопросъ объ арендѣ, проявило больше рѣшительности и признало необходимымъ „обязательный выкупъ тѣхъ земель, которыя безусловно необходимы крестьянамъ въ ихъ хозяйствѣ и въ то же время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльца, каковы такъ называемыя „отрѣзныя“ земли, прогоны, разные „клинья“ и т. п. участки и клочки, безъ арендованія которыхъ крестьяне не въ состояніи обойтись“. При особомъ мнѣніи по этому вопросу въ елецкомъ комитетѣ остался лишь одинъ г. Полѣновъ. Предсѣдатель Рузской уѣздной земской управы г. Цыбульскій также находилъ „безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа“. Хотя рузскій комитетъ, по иниціативѣ своего предсѣдателя, уклонился отъ обсужденія этого предложенія, однако, по другому вопросу—для устраненія черезполосицы,

---

[1]) Цитирую по отчету, который былъ помѣщенъ въ «Пермскомъ Краѣ».

происшедшей при надѣленіи крестьянъ въ 1861 г., — долженъ былъ всетаки допустить элементъ принужденія въ сферу аграрныхъ мѣропріятій. Г. Зарембо въ запискѣ, внесенной въ опочецкій комитетъ, для тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ быть удовлетворены путемъ переселенія или нарѣзки земли изъ казенныхъ дачъ, рекомендовалъ надѣленіе при посредствѣ „обязательнаго выкупа у мѣстныхъ владѣльцевъ“. Камышинскій комитетъ также находилъ „возможнымъ, чтобы для *исключительныхъ* случаевъ закономъ была допущена возможность экспропріаціи земли отдѣльными участками съ особаго на каждый разъ разрѣшенія высшей власти *и при полномъ возмѣщеніи покупателями денежной стоимости земли*, на подобіе того, какъ это установлено въ нашемъ законодательствѣ относительно земель, отходящихъ въ пользу предпріятій, имѣющихъ общегосударственное значеніе“.

Для той среды, изъ которой вышли, главнымъ образомъ, дѣятели сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, уже мысль о томъ, чтобы нѣкоторыя необходимыя крестьянамъ земли признать имѣющими „общегосударственное значеніе“, приходится считать знаменательной. Насколько трудно мѣстнымъ людямъ данной категоріи освоиться съ этой мыслью, видно и изъ той нерѣшительности, съ какой они относились къ вопросу объ обязательномъ выкупѣ, и изъ тѣхъ многочисленныхъ оговорокъ, какія они дѣлали, когда имъ приходилось признавать его неизбѣжность. Поэтому же и допускать его они были склонны только въ „исключительныхъ случаяхъ“ и лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые необходимы для исправленія „историческихъ ошибокъ“, допущенныхъ при первоначальномъ надѣленіи крестьянъ. Постановленіе елецкаго комитета въ этомъ отношеніи представляется наиболѣе опредѣленнымъ и наиболѣе характернымъ, и на немъ не лишне будетъ остановиться, тѣмъ болѣе, что „отрѣзки“, въ намѣченныхъ елецкими дѣятелями размѣрахъ, встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ другой общественной программѣ, отъ которой, казалось бы, можно было ожидать гораздо большей рѣшительности.

Мысль о томъ, что отчужденіемъ и передачей крестья-

намъ „отрѣзковъ“ можно уврачевать наши аграрныя затрудненія, опирается, насколько я знаю, на слѣдующія соображенія. Въ сельско-хозяйственномъ производствѣ у насъ до сихъ поръ сохранились въ значительной своей части крѣпостныя отношенія. Въ наглядной формѣ они даютъ о себѣ знать въ видѣ отработковъ, натуральныхъ арендъ и т. п. Крестьяне находятся въ зависимости отъ помѣщика и вынуждены за землю къ подневольной на него работѣ; хозяйство послѣдняго неизбѣжно при такихъ условіяхъ имѣетъ кабальный характеръ. Крестьяне лишены возможности развить свою предпріимчивость, такъ какъ всѣ возможные избытки утекаютъ изъ ихъ рукъ. Съ другой стороны, помѣщикъ не можетъ перейти къ болѣе совершеннымъ и интенсивнымъ формамъ хозяйства, такъ какъ наличность дешеваго рабочаго на рынкѣ дѣлаетъ невыгоднымъ введеніе машинъ и другихъ усовершенствованій. Причина же, почему крѣпостныя отношенія уцѣлѣли послѣ реформы и сохранились до сихъ поръ, заключается именно въ томъ, что у крестьянъ при освобожденіи были отрѣзаны необходимыя имъ земли. Стоитъ лишь вернуть крестьянамъ эти земли, и цѣпь крѣпостныхъ отношеній окончательно порвется; и крестьянское, и помѣщичье хозяйства получатъ, наконецъ, дѣйствительную экономическую свободу, которая необходима имъ для преуспѣянія въ рамкахъ капиталистическаго строя. Для помѣщиковъ, конечно, будетъ тяжело лишиться этихъ „отрѣзковъ“, составляющихъ видную часть ихъ теперешняго дохода. Но въ конечномъ счетѣ эта операція, несомнѣнно, будетъ благодѣтельна для нихъ такъ же, какъ бываетъ благодѣтельна ампутація гангренознаго члена.

Я думаю, что можно и даже должно согласиться съ діагнозомъ нашего основного народно-хозяйственнаго недуга, какой мы находимъ въ этихъ разсужденіяхъ. Анализируя причины угнетеннаго состоянія русской сельско-хозяйственной промышленности, мы убѣдились, что въ основѣ ихъ лежитъ сознательно созданная при освобожденіи земельная зависимость крестьянина, сразу поставившая его въ положеніе подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Мнѣ пришлось говорить и о той роли, какую сыграли „отрѣзки“

въ этомъ пореформенномъ закрѣпощеніи крестьянина. Было бы, однако, слишкомъ опрометчиво думать, что „отрѣзки“, какъ ихъ понимаютъ елецкіе дѣятели или вдохновившіе ихъ „ученики“, были въ свое время единственною и до сихъ поръ остаются главною причиною живучести „крѣпостныхъ“ отношеній въ экономической жизни русской деревни.

Отрѣзки, вѣдь, были не вездѣ. Многіе крестьяне получили полностью пахотныя и сѣнокосныя земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; нѣкоторые получили даже прибавку къ своему дореформенному надѣлу. Значительная часть „отрѣзныхъ земель“ уже пріобрѣтена крестьянами. Почему же вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ остается закрѣпощенной?

Да и что такое „отрѣзки“? При освобожденіи крестьяне лишились не только части земли, находившейся въ ихъ безраздѣльномъ пользованіи, но и существеннаго права пасти скотъ и рубить лѣсъ на владѣльческихъ земляхъ. Этого права лишились всѣ крестьяне. Должно ли и оно быть возвращено имъ? Если да, то и говорить, стало быть, нужно не только о „клочкахъ“ и „клиньяхъ“...

Главное же—количество земли, которымъ крестьяне пользовались при освобожденіи, было разсчитано на крѣпостной строй хозяйства. Крестьяне работали не только на себя, но и на помѣщика. Если бы имъ даже было отдано все, чѣмъ они пользовались, то и въ такомъ случаѣ экономическая возможность веденія кабальнаго хозяйства сохранилась бы во всей своей неприкосновенности. Избытокъ своей рабочей силы крестьяне все равно должны были бы отчуждать на сторону. И не только вѣковая привычка, но и суровая жизненная необходимость заставила бы ихъ предоставить свой „свободный трудъ“ въ распоряженіе „своего господина или помѣщика“. Въ самомъ дѣлѣ, размѣры крѣпостного хозяйства, при которыхъ остались бы крестьяне, были достаточны для поддержанія лишь того жизненнаго уровня, какой былъ свойственъ закрѣпощенному человѣку, лишь того населенія, какое имѣлось въ наличности, и лишь при такихъ обстоятельствахъ, которыя считались „благополучными“. При крѣпостномъ правѣ каждому новому тяглу помѣщикъ нарѣзалъ

землю, при невзгодахъ считалъ необходимымъ приходить на помощь. Послѣ реформы каждый вновь образовавшійся дворъ требовалъ уже отрѣзки у прежнихъ, каждый вновь народившійся ротъ посылалъ за хлѣбомъ на сторону, каждый неурожай заставлялъ прибѣгать къ ликвидаціи имущества...

За сорокъ лѣтъ много новыхъ ртовъ народилось, много новыхъ хозяйствъ образовалось и много невзгодъ пронеслось надъ русской деревней. Неужели же возстановленіемъ крѣпостныхъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія можно теперь исправить „историческую ошибку"? Ошибка эта много крупнѣе пресловутыхъ „отрѣзковъ", и „клочками" и „клиньями" только исправить ее, конечно, невозможно.

Нельзя поэтому не согласиться съ тѣми мѣстными дѣятелями, которые, какъ г. Цыбульскій, считали необходимымъ практиковать въ болѣе широкихъ и менѣе случайныхъ размѣрахъ систему обязательнаго выкупа необходимыхъ для крестьянскаго населенія земель. Въ мензелинскомъ, напримѣръ, комитетѣ г. Татищевъ, „признавая, что для поднятія экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія необходимо обезпеченіе его землей, предложилъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для надѣленія до указанной нормы не окажется достаточно земельныхъ угодій, прибѣгать къ обязательному отчужденію земель у лицъ, владѣющихъ таковой въ значительныхъ размѣрахъ, при чемъ отчужденіе должно производиться въ порядкѣ, примѣняемомъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ черезъ земли собственниковъ". Другіе мѣстные дѣятели шли въ этомъ направленіи еще дальше и считали необходимыми болѣе глубокія преобразованія въ самомъ строѣ земельныхъ отношеній. „Въ 60-хъ годахъ, при освобожденіи крестьянъ,—говорилъ г. Богдановскій въ пермскомъ губернскомъ комитетѣ, — правительство, въ видахъ обезпеченія ихъ, произвело выкупъ части земель у помѣщиковъ и удѣла, а затѣмъ пришло къ заключенію о необходимости передачи этихъ земель крестьянамъ на правѣ собственности. Въ свое время такой шагъ правительства вполнѣ оправдывался съ теоретической точки зрѣнія и былъ обоснованъ на ученіяхъ западныхъ экономистовъ, восхваляв-

нихъ всѣ положительныя стороны частной собственности на землю. Но дальнѣйшая практика Запада, равно какъ и сохранившій у народа и русскихъ экономистовъ силу взглядъ на землю, какъ на „Божію и государеву", не замедлилъ заявить о своемъ существованіи. Не смотря на законы о досрочномъ выкупѣ, огромное большинство крестьянъ не спѣшило осуществленіемъ своего права на пріобрѣтеніе земли въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ рядахъ русскихъ экономистовъ, даже наиболѣе буржуазныхъ, возникло на основаніи выводовъ и ученій западныхъ политико-экономовъ (Генри Джорджъ и др.) сомнѣніе въ безспорности преимуществъ формы частной собственности на землю. Взгляды и ученія эти не прошли безслѣдно для законодательства... Мы лично не можемъ не привѣтствовать намѣчающихся въ законодательствѣ теченій, какъ вполнѣ соотвѣтствующихъ истиннымъ представленіямъ русскаго народа о землѣ, какъ государевой и Божіей. Мы считаемъ, что земля не должна служить предметомъ спекуляцій. Государство должно сохранять за собою высшее правовладѣніе. Государство, въ качествѣ выразителя общихъ интересовъ, должно уступать эту землю лишь въ пользованіе группамъ и лицамъ, предоставивъ имъ тѣ распорядки и условія, которые по существующимъ формамъ хозяйства являются наиболѣе удовлетворяющими интересамъ общимъ и согласованными съ интересами непосредственно пользующихся землей"... „Частная собственность на землю,—продолжалъ г. Богдановскій, возражая своимъ оппонентамъ, — не составляетъ непремѣннаго условія для успѣшнаго развитія хозяйства. Мы видимъ, что въ западной Европѣ и у насъ частныя земли оказываются заложенными подъ ипотеки и въ земельные банки, при чемъ задолженность колеблется между $^2/_3$ и 0,9 стоимости земли. Что же это за собственность, если владѣлецъ только de nomine является таковымъ, а истиннымъ владѣльцемъ-собственникомъ состоитъ постороннее учрежденіе. Существеннымъ моментомъ при владѣніи землей является лишь сознаніе, что возможность использовать плодъ трудовъ лично или въ потомствѣ обезпечена... И теперь уже многія дворянскія имѣнія почти составляютъ собственность дворянскаго банка,

а дворяне являютъ собою какъ бы изъ милости оставленнаго арендатора имѣнія"... Склонность къ этому принципу „огосударствленія" земли обнаружили многіе и другіе дѣятели. Она, несомнѣнно, сквозитъ, между прочимъ, и во многихъ изъ тѣхъ пожеланій о пріобрѣтеніи владѣльческихъ земель за счетъ государства, о которыхъ мы говорили выше. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ, какъ, напримѣръ, въ мензелинскомъ, полтавскомъ, воронежскомъ, можно было слышать даже страшное для обывателя слово: „націонализація". Признаніе всѣхъ земель имѣющими „общегосударственное значеніе" и передача правъ на нихъ той или иной коллективности, несомнѣнно, явились бы самыми вѣрными и самыми надежными шагами на пути разрѣшенія аграрныхъ затрудненій.

Только въ этомъ направленіи общественная мысль можетъ искать и найти справедливое и цѣлесообразное рѣшеніе задачи. Только такимъ путемъ государство можетъ предотвратить дальнѣйшее присвоеніе создаваемыхъ общественнымъ трудомъ цѣнностей и обезпечить трудящимся все то, что создается ихъ личными усиліями.

Я началъ съ указанія на особую сложность и трудность аграрной проблемы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на особую важность и неотложность ея у насъ, въ Россіи. Я попытался, опираясь на труды мѣстныхъ дѣятелей, разобраться въ одной лишь части этой задачи. Но эта часть самая существенная. Земельныя отношенія это—фундаментъ, на которомъ покоится вся народно-хозяйственная жизнь страны. Объ этомъ фундаментѣ мы должны больше всего думать и съ этого фундамента необходимо начинать.

Основныя задачи аграрной реформы.

I.

Крестьянское малоземелье, это—фактъ, противъ котораго никто уже не споритъ. Достаточно выяснилось въ общественномъ сознаніи и то, что однѣми культурными мѣрами этого основного зла народно-хозяйственной жизни излѣчить невозможно. Надежды на интенсификацію,—или, какъ принято было въ 80-хъ годахъ выражаться, на „прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ",—за послѣднія 15 лѣтъ сильно поблекли. Сторонники исключительно этого метода воздѣйствія на народную жизнь такъ немногочисленны, и аргументація ихъ, опирающаяся почти всецѣло на отвлеченныя соображенія, такъ слаба, что возражать имъ въ настоящее время значило бы ломиться въ открытую дверь. Для громаднаго большинства русскаго общества совершенно ясно, что для устраненія крестьянскаго малоземелья, для уврачеванія этой главной язвы народно-хозяйственнаго организма необходимо расширить площадь крестьянскаго землепользованія, необходима въ той или иной формѣ „прирѣзка" къ надѣльнымъ землямъ. Достаточно выяснилось уже и то, что безъ той или иной доли частновладѣльческихъ земель обойтись въ этомъ случаѣ нельзя. Необходимость расширить крестьянское землепользованіе за счетъ этого источника для многихъ и многихъ въ наши дни является безспорной.

Во всякомъ случаѣ у этой мѣры имѣется уже достаточно много сторонниковъ и „за страхъ", и „за совѣсть". Въ числѣ ихъ мы найдемъ: и подольскаго помѣщика г. Щеніовскаго, уже согласившагося выдѣлить взбунтовавшимся крестьянамъ

70 морговъ („пока“!) своей земли, и недавно еще непреклонныхъ въ своей доктринѣ соціалъ-демократовъ, сознавшихъ неизбѣжность подачки, хотя бы въ видѣ „отрѣзковъ“, „мелкобуржуазному“ крестьянству, и либеральныхъ земцевъ, убѣдившихся въ недостаточной продуктивности культурной работы въ раззоренной деревнѣ, и приверженцевъ соціалъ-народничества, съ самаго начала поставившаго въ своей программѣ землю наряду съ волей.

Но вопросъ о формахъ, въ какихъ можетъ и должна быть произведена „прирѣзка“, для многихъ остается еще неяснымъ.

Въ настоящее время достаточно опредѣленно,—по крайней мѣрѣ, насколько этотъ вопросъ обсуждался въ общей печати,—намѣтились уже три возможныхъ формы расширенія крестьянскаго землепользованія за счетъ помѣщичьяго: 1) покупка крестьянами земли по вольной цѣнѣ при содѣйствіи Крестьянскаго банка; 2) обязательный выкупъ частновладѣльческой земли по „совѣстливой оцѣнкѣ“ съ предоставленіемъ ея въ собственность крестьянамъ или, говоря коротко, дополнительное надѣленіе послѣднихъ, и 3) національзація земли, т. е. обращеніе земли въ собственность государства съ предоставленіемъ ея въ пользованіе всѣхъ трудящихся.

Споръ идетъ такимъ образомъ пока о принципахъ, на которыхъ частновладѣльческая земля можетъ перейти къ крестьянамъ; что касается количества подлежащей,—по крайней мѣрѣ, немедленному,—отчужденію земли, то вопросъ о немъ оставляется пока въ тѣни. Это и понятно, такъ какъ тѣмъ или инымъ принципомъ предрѣшается, въ сущности, весь характеръ аграрной реформы и, въ частности, вопросъ о государственныхъ земляхъ, долженствующихъ служить главнымъ источникомъ для надѣленія крестьянъ, и вопросъ о земляхъ надѣльныхъ, форма владѣнія которыми нуждается въ коренномъ преобразованіи по тому или иному принципу.

Едва ли нужно даже говорить, что склонность отдѣльныхъ партій къ той или иной формѣ расширенія крестьянскаго землепользованія находится въ извѣстномъ соотношеніи съ ихъ политическими платформами.

Нетрудно предвидѣть, что всѣ правыя партіи, поскольку онѣ не станутъ вовсе отрицать необходимость расширить крестьянское землевладѣніе за счетъ помѣщичьяго, будутъ упорно держаться за первую изъ указанныхъ нами формъ. Это и понятно. Справа собрались всѣ защитники сословныхъ привилегій, а для послѣднихъ земля представляетъ важнѣйшую матеріальную основу. Недаромъ вѣдь первенствующее сословіе при освобожденіи такъ упорно отстаивало свое „неприкосновенное право“ на землю, недаромъ и послѣ употреблялись такія героическія усилія для поддержанія дворянскаго землевладѣнія, какъ важнѣйшаго устоя сословнаго строя. Жизнь оказалась, однако, сильнѣе, и гг. помѣщикамъ пришлось вынести свое „неприкосновенное право“ на рынокъ. При этомъ очень скоро выяснилось, что оно можетъ быть продано по очень хорошей цѣнѣ. Цѣны на землю росли съ неимовѣрной быстротою, въ послѣдніе же годы— съ обостреніемъ крестьянскаго малоземелья—начался „бѣшеный ажіотажъ земельной спекуляціи“, возрастаніе цѣнъ на землю получило „сказочный“ характеръ [1]). Крестьяне проявляютъ такую „жадность“, что за землю готовы отдать не только всѣ настоящіе, но и за много лѣтъ впередъ всѣ будущіе доходы своего убогаго хозяйства. Продажа по вольной цѣнѣ, особенно при содѣйствіи Крестьянскаго банка, при такихъ условіяхъ сдѣлалась одной изъ самыхъ выгодныхъ формъ для реализаціи „неприкосновеннаго права“. И если ужъ необходимо поступиться большею или меньшею долею послѣдняго, то для помѣстнаго сословія трудно найти что-нибудь, болѣе отвѣчающее его интересамъ.

Поэтому, если справа и могутъ оказаться сторонники иныхъ формъ земельнаго воспособленія крестьянству за счетъ помѣщичьихъ земель, то развѣ въ очень небольшомъ числѣ. Въ конечномъ счетѣ это могутъ быть лишь идеологи, совершенно безкорыстно увлекшіеся „самобытной формой правленія“. Впрочемъ, возможно и даже вѣроятно, что аграрное движеніе окажетъ въ концѣ концовъ столь сильно вліяніе на психику помѣстнаго сословія, что оно

---

[1]) См. стр. 115.

въ значительной своей части, на время по крайней мѣрѣ, забудетъ думать исключительно о выгодахъ и, придвинувшись къ центру, примкнетъ къ тѣмъ, кто надѣется разрѣшить аграрную проблему путемъ „дополнительнаго надѣленія“ крестьянъ.

Сторонники экономической „свободы“ въ сферѣ земельной мобилизаціи окажутся, конечно, и слѣва, но здѣсь этотъ вопросъ будетъ ставиться гораздо шире по отношенію не только къ помѣщичьимъ, но и къ надѣльнымъ землямъ. Для сторонниковъ предпринимательскаго хозяйства въ сферѣ земледѣльческаго производства несравненно важнѣе обезпечить свободное обращеніе на рынкѣ всей массы крестьянскихъ земель, чѣмъ отстоять право частичной, хотя бы и доведенной до-нельзя эксплуатаціи при посредствѣ земель частно-владѣльческихъ. Вполнѣ возможно даже, что они пойдутъ на компромиссъ и согласятся ограничить на время принципъ собственности, лишь бы обезпечить ему полное торжество въ будущемъ,—согласятся на обязательный выкупъ „отрѣзковъ“ и другихъ подобныхъ устоевъ „кабальнаго хозяйства“, лишь бы выторговать обезземеленіе масссъ. Само по себѣ это теченіе въ русской жизни не можетъ принять обширные размѣры. Но его можетъ прикрыть идеологическая надстройка одной изъ соціалистическихъ партій, и намъ, можетъ быть, придется еще увидѣть противоестественный союзъ между сторонниками черезчуръ отодвинутаго вдаль коллективизма и совсѣмъ близкаго, уже раскрывшаго пасть капитализма.

Несомнѣнно, однако, что въ настоящее время лѣвымъ партіямъ приходится выбирать что-нибудь одно: дополнительное надѣленіе или національзацію. На этомъ вопросѣ вѣроятнѣе всего и произойдетъ ихъ дифференцировка. Какъ распредѣлятся при этомъ общественныя силы, предусмотрѣть въ настоящее время очень трудно. Нужно во всякомъ случаѣ желать, чтобы каждый, опредѣляя свою позицію въ этомъ неизмѣримо важномъ вопросѣ народной жизни, дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ. Для этого же необходимо видѣть весь путь въ томъ направленіи, въ какомъ предполагается сдѣлать первый шагъ. Иначе вѣдь можно

завести народъ въ трясину. Деревнѣ Неѣловой, Неурожайкѣ тожъ, можетъ, конечно, казаться, что если г. Щеніовскій „уступитъ“ ей 70 морговъ, то судьбы ея будутъ обезпечены. Но политическія партіи, претендующія на руководство, обязаны точно уяснить себѣ и другимъ, какимъ же именно путемъ получившая 70 морговъ деревня разрѣшитъ задачу собственнаго и общественнаго благополучія. И только въ томъ случаѣ, если партіи выяснятъ свои программы со всѣми ихъ перспективами, общественная группировка совершится безъ недоразумѣній и сразу получитъ устойчивый характеръ.

II.

Для того, чтобы лучше опредѣлить свою позицію, мы должны предварительно уяснить общія задачи, какія можно и какія необходимо ставить аграрной реформѣ.

Самая крупная задача, которую предстоитъ разрѣшить человѣчеству въ сферѣ землевладѣнія, давно уже формулирована мыслителями. Нигдѣ, однако, она не разрѣшена вполнѣ на практикѣ, и даже мало можно указать странъ, гдѣ бы она фигурировала въ числѣ очередныхъ задачъ государственной и муниципальной политики. Я имѣю въ виду ренту. Представляя результатъ коллективной жизни и коллективнаго труда всего общества, рента тѣмъ не менѣе цѣликомъ присвоивается частными лицами, земельными собственниками. Такое же присвоеніе общественнаго достоянія, несомнѣнно, происходитъ и въ другихъ сферахъ народнохозяйственной жизни, но по отношенію къ рентѣ оно представляется особенно нагляднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, за общегосударственный счетъ проводится желѣзная дорога, цѣны на землю немедленно возрастаютъ, — и весь этотъ приростъ, все „незаслуженное приращеніе“ кладутъ въ свой карманъ немногіе собственники. Земля, на которой стоитъ Петербургъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ ничего не стоила, а теперь каждая квадратная сажень цѣнится десятками и сотнями рублей, десятина же стоитъ сотни тысячъ. И эти „сотни тысячъ, которыя можетъ положить въ свой карманъ современный ея владѣлецъ, создалъ Петербургъ, создало его

полуторамилліонное населеніе, которое по тѣмъ или инымъ причинамъ должно жить на болотѣ; ихъ создала Россія, трудами многихъ поколѣній выстроившая этотъ городъ и оборудовавшая его домами, портомъ, дорогами, фабриками и заводами; ихъ создало человѣчество, тысячелѣтія работавшее надъ культурой“ [1]). Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Современное государство, которое такъ безпощадно преслѣдуетъ казнокрадовъ, не только мирится, но и всячески охраняетъ это систематическое присвоеніе общественнаго достоянія. Наши потомки, можетъ быть, будутъ недоумѣвать надъ этимъ противорѣчіемъ, но намъ оно понятно, ибо мы знаемъ, что современное право охраняетъ, если не исключительно, то преимущественно интересы только правящихъ классовъ.

Это зло въ земельныхъ отношеніяхъ, однако, уже сознано, и передъ человѣчествомъ уже стоитъ задача положить конецъ этому расхищенію общественнаго достоянія. Стоитъ эта задача и передъ нами. У насъ она даже виднѣе: многія земли, которыя еще недавно буквально „ничего не стоили“, пріобрѣли на нашихъ глазахъ высокую цѣнность, и на перепродажѣ ихъ уже нажиты цѣлыя состоянія. Когда будетъ прорвана плотина, задерживающая культурный ростъ страны, то рента (дифференціальная, по терминологіи Маркса) начнетъ, вѣроятно, выростать еще быстрѣе. Всѣ культурные успѣхи страны учтутъ въ свою пользу прежде всего земельные собственники.

Не это, однако, является у насъ главнымъ стимуломъ къ аграрной реформѣ и дѣлаетъ вопросъ о ней такимъ острымъ и неотложнымъ. Если бы рѣчь шла только о рентѣ, то, конечно, мы очень долго бы мирились съ присвоеніемъ ея правящими классами. Вѣдь даже съ казнокрадствомъ отдѣльныхъ лицъ справиться мы все еще не можемъ.

Передъ нами стоитъ другая задача, откладывать которую съ каждымъ днемъ становится все труднѣе.

Надѣленные недостаточнымъ количествомъ земли, крестьяне съ самаго начала были лишены возможности использоватъ

---

[1]) См. стр. 67.

на ней свою рабочую силу. Въ большинствѣ же случаевъ земли было недостаточно и для того, чтобы прокормиться. Крестьяне сразу должны были почувствовать „надобность въ помѣщикѣ“. Съ теченіемъ времени эта надобность сдѣлалась еще настоятельнѣе. Въ настоящее время во многихъ случаяхъ помѣщичья земля нужна крестьянамъ буквально „до зарѣза“, такъ какъ безъ нея и собственнаго хозяйства вести они не могутъ. Представьте себѣ крестьянскій дворъ, самый простой, состоящій изъ мужа, жены и дѣтей: уйти крестьянинъ на сторону не можетъ, такъ какъ нужно пахать землю, но этой земли такъ мало, что отъ нея нельзя прокормиться. И вотъ за необходимую прибавку къ этому клочку, за десятину или двѣ помѣщичьей земли, онъ готовъ заплатить какую-угодно цѣну. Онъ выплачиваетъ помѣщику не только то, что стоитъ земля по своимъ качествамъ, но и отдаетъ весь прибавочный продуктъ, какой создаетъ онъ и его семья, какъ на арендованной землѣ, такъ и на собственной. Онъ поступается даже заработной платой: вѣдь рабочая сила все равно пропадетъ задаромъ, лошадь все равно стоитъ безъ дѣла. Въ конечномъ счетѣ онъ не вырабатываетъ даже того, что необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей семьи и хозяйства. Онъ все больше и больше должаетъ и незамѣтно проживаетъ все, что нажито трудами многихъ поколѣній. Разоренье приходитъ постепенно, но бываютъ и острые случаи. Отказъ помѣщика сдать землю въ аренду нерѣдко сразу ставитъ почти всю деревню въ невозможное положеніе, и мы знаемъ, что подобные случаи почти всегда являются послѣдней каплей, которая переполняетъ чашу крестьянскаго долготерпѣнія...

Если хотите, это—тоже вопросъ о рентѣ, но только уже не о дифференціальной, а абсолютной. Пользуясь своимъ монопольнымъ правомъ и безвыходнымъ положеніемъ крестьянской массы, земельные собственники подняли ее до чрезвычайныхъ размѣровъ. Земля сдѣлалась въ ихъ рукахъ орудіемъ присвоенія не только общественнаго, но и сосѣдскаго достоянія,—орудіемъ массовой эксплуатаціи.

Въ западно-европейской исторіи этому уже были преце-

денты. Я имѣю въ виду Ирландію съ ея голодовками и аграрнымъ терроромъ. При всей склонности англичанъ къ экономической свободѣ они вынуждены были ограничить ее въ отношеніяхъ лэндлордовъ къ ихъ съемщикамъ. Мы все время шли по слѣдамъ Ирландіи и уже дошли до той точки, далѣе которой жизнь становится невозможною. Аграрныя волненія охватили уже почти всю Россію; имущество и даже жизнь лэндлордовъ находятся въ опасности...

Дѣло, однако, не только въ крестьянахъ и лэндлордахъ. Допустимъ, что правящіе классы достаточно сильны, чтобы подавить крестьянскія волненія и еще неопредѣленное число лѣтъ держать деревню въ достодолжномъ повиновеніи. Но жизнь все равно сдѣлась невозможною, такъ какъ народное хозяйство приведено въ полное разстройство. Про земледѣльческое производство и говорить нечего: крестьянское хозяйство, у котораго отбирается весь прибавочный продуктъ, прогрессировать при данныхъ условіяхъ вовсе не можетъ; не можетъ развиться въ этой области и предпринимательское хозяйство, которое не въ силахъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, оплачивать цѣны на землю, вздутыя крестьянской „жадностью“ до размѣровъ, совершенно не отвѣчающихъ ея доходности. Между тѣмъ, раззоряющаяся деревня тяжко давитъ и на всѣ другія стороны народно-хозяйственной жизни: у промышленности нѣтъ рынка, подъ городскимъ рабочимъ нѣтъ почвы. Все, что ни добудетъ онъ въ тяжкой борьбѣ, легко можетъ смыть первая же нахлынувшая изъ деревни толпа безработныхъ. Въ раззоряющейся деревнѣ находится главный узелъ экономическихъ неурядицъ и потрясеній, какія переживаетъ теперь и должна еще пережить страна. Чтобы распутать этотъ узелъ, есть только одно средство: земледѣльческаго производителя необходимо освободить отъ земельнаго собственника.

Сказаннымъ не исчерпываются, однако, задачи, какія необходимо у насъ ставить аграрной реформѣ. Мы должны еще посчитаться съ чисто русскими, совершенно своеобразными условіями.

Мы имѣемъ, если не считать промежуточныхъ формъ,

земли трехъ категорій: а) государственныя, б) надѣльныя и в) частновладѣльческія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—три существенно различныхъ между собою института земельной собственности. Уже a priori можно понять, какое неблагопріятное вліяніе это обстоятельство должно оказывать на сельско-хозяйственную дѣятельность народа: населеніе не можетъ ни по одному принципу свободно расположиться на территоріи, а земля не можетъ свободно распредѣлиться по хозяйствамъ. Между тѣмъ при мѣновыхъ отношеніяхъ это – необходимыя условія нормальной народно-хозяйственной жизни.

Фактически дѣло обстоитъ еще хуже. Частновладѣльческія земли, какъ мы видѣли, служатъ не столько для производства, сколько для эксплуатаціи. По отношенію къ государственнымъ землямъ все время имѣетъ мѣсто двойственная политика: съ одной стороны, это какъ-будто бы фондъ для надѣленія трудящихся массъ, съ другой — онѣ эксплуатируются государствомъ въ явный ущербъ имъ; въ результатѣ же необъятныя пространства государственныхъ земель остаются незаселенными и невоздѣланными. Еще болѣе двусмысленную роль играетъ въ народномъ хозяйствѣ важнѣйшая въ производственномъ отношеніи категорія—надѣльныя земли.

Это — самый тяжелый изъ компромиссовъ, какими такъ богата русская дѣйствительность. Это—не государственныя земли, но и не частныя; у нихъ вовсе нѣтъ хозяина. Крестьяне не могутъ распорядиться ими по собственному усмотрѣнію, но и государство можетъ только мѣшать свободному ихъ распредѣленію. Въ конечномъ счетѣ надѣльныя земли спасли массы отъ обезземеленія, но не обезпечили ихъ отъ обнищанія.

Крестьяне остаются по сей день прикрѣпленными къ землѣ. Сначала они были прикрѣплены къ ней круговою порукою и податями, которыхъ нельзя было „оправдать" ея доходностью; теперь они прикрѣплены тѣми жалкими „верхами", какіе можно получить за землю сверхъ уплаты лежащихъ на ней повинностей. Крестьянину жалко бросить свой клочекъ земли,—жалко уже потому, что онъ представляетъ извѣстную цѣнность. Реализировать эту цѣнность онъ

не можетъ, и онъ держится за нее до послѣдней возможности. Да и ради чего онъ бы ее бросилъ? Какою приманкою онъ можетъ соблазниться? При общемъ экономическомъ разстройствѣ луше использовать свои силы ему трудно и. быть можетъ, даже невозможно. Оторваться отъ земли крестьяне и юридически, и экономически, и психологически не могутъ.

Но и земля остается закрѣпощенной. Она закрѣплена за сословіемъ, закрѣпощена за еще болѣе мелкими группами населенія. Даже крестьяне, взятые во всей ихъ массѣ, не могутъ свободно разселиться на надѣльныхъ земляхъ. Переходъ изъ одной общины въ другую и тотъ при данныхъ условіяхъ почти невозможенъ. Другіе же слои населенія вовсе не имѣютъ доступа къ надѣльнымъ землямъ. Доступъ къ частновладѣльческимъ землямъ для малозажиточныхъ группъ населенія также затрудненъ до крайности неимовѣрными на нихъ цѣнами. Набивъ на нихъ цѣну, крестьяне закрѣпили ихъ за собой, закрѣпили цѣною собственнаго разворенія и хроническаго голоданія. При такихъ условіяхъ земледѣльческій классъ обратился въ своего рода касту, совершенно почти лишенную притока свѣжихъ элементовъ.

Крестьяне не могутъ уйти отъ земли, но и къ нимъ никто проникнуть не можетъ. Деревня обратилась въ своего рода гетто, лишенное свѣта и воздуха. И люди мрутъ въ немъ отъ цинги и тифа. Впрочемъ, умирать безпропотно они больше не желаютъ и уже требуютъ себѣ хлѣба, свѣта и свободы...

Пришла пора это гетто разрушить.

Таковы основныя задачи аграрной реформы. Ихъ три: 1) необходимо право на землю объединить въ одномъ институтѣ, обезпечивъ при этомъ свободное размѣщеніе населенія на тирриторіи и свободное распредѣленіе его между деревней и городомъ; 2) необходимо освободить земледѣльческую массу отъ эксплуатаціи ея земельными собственниками и для этого изыскать мѣры, чтобы земля не могла служить средствомъ для присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ чужихъ хозяйствахъ; 3) нужно положить

предѣлъ присвоенію земельными собственниками общественнаго достоянія въ видѣ ренты, представляющей результатъ коллективной жизни и коллективнаго труда всего общества.

III.

Какой же путь слѣдуетъ избрать? На какомъ изъ трехъ дѣйствующихъ въ странѣ институтовъ поземельной собственности слѣдуетъ остановиться? На институтѣ ли личной собственности, надѣльной или государственной? Отвѣтъ долженъ, конечно, опредѣлиться всею совокупностью задачъ, какія надлежитъ ставить аграрной реформѣ. Нужно сохранить и развить тотъ институтъ, который наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ производства трудящихся массъ и всего общества.

Интересамъ производства, казалось бы, могъ удовлетворить институтъ личной поземельной собственности. Этимъ путемъ идутъ вся Западная Европа и значительная часть Новаго Свѣта, и, какъ мы знаемъ, они достигли хорошихъ успѣховъ въ земледѣльческомъ производствѣ. Многимъ и у насъ этотъ проторенный путь представляется наиболѣе надежнымъ и даже единственнымъ. Мобилизація земли при посредствѣ купли-продажи можетъ вполнѣ обезпечить свободное размѣщеніе населенія на территоріи и свободное распредѣленіе его между классами,—„свободное“, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ буржуазномъ обществѣ. Землю можетъ пріобрѣсти всякій и въ любомъ количествѣ, лишь бы онъ располагалъ необходимыми для этого рессурсами. Тѣ же, кому рессурсовъ на пропитаніе не хватаетъ, должны будутъ продать ее. Эта продажа будетъ также совершенно „свободной“, ибо никакимъ принужденіямъ, кромѣ экономической необходимости, подлежать она не будетъ.

Передъ экономическою необходимостью приходится, однако, задуматься. Мы знаемъ, что рессурсовъ на пропитаніе не хватаетъ въ русской деревнѣ не отдѣльнымъ семьямъ, а многомилліоннымъ массамъ. При такихъ условіяхъ распространеніе института личной собственности на надѣльныя

земли неизбѣжно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ массовое обезземеленіе. При томъ подорванномъ состояніи, въ какомъ находится крестьянское хозяйство, этотъ процессъ будетъ протекать очень быстро и сразу получитъ острый характеръ.

Изъ исторіи Западной Европы мы знаемъ, какими бѣдствіями и потрясеніями обычно сопровождается обезземеленіе массъ. Но тамъ этотъ процессъ протекалъ въ болѣе спокойной формѣ, затягиваясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ на цѣлое столѣтіе. У насъ же, если снести надѣльную плотину, задерживавшую такъ долго пролетаризацію, послѣдняя сразу приметъ необычайно обширные размѣры.

Да и куда могутъ двинуться изгоняемыя изъ деревни массы? Поглотить эти толпы безработныхъ промышленность, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, окажется, конечно, не въ состояніи. Нахлынувъ въ городъ, онѣ лишь обездолятъ и дезорганизуютъ теперешніе рабочіе кадры.

Впрочемъ, значительная часть обезземеливаемаго населенія такъ или иначе *вынуждена* будетъ остаться въ деревнѣ. Несомнѣнно, найдутся чумазые лэндлорды, которые сумѣютъ изъ надѣльныхъ клочковъ образовать обширныя латифундіи. Но кто поручится, что они примутъ на себя и организацію раціональнаго хозяйства? Не предпочтутъ ли они эксплуатировать массу инымъ путемъ, посредствомъ сдачи земли тѣми же мелкими клочками въ аренду? Населеніе, которому некуда податься, согласится, конечно, вести и такое хозяйство, отдавая земельному собственнику не только ренту. но и прибыль и даже часть необходимаго для собственнаго существованія продукта. Не повторимъ ли мы буквально исторію Ирландіи, съ тою лишь разницей, что лэндлордомъ у насъ будетъ не джентльмэнъ, а чумазый? И не придется ли намъ въ концѣ-концовъ ограничивать принципъ личной собственности, который теперь насадимъ? Вѣдь при его господствѣ даже за судьбы производства нельзя быть спокойнымъ.

Во всякомъ случаѣ, идя путемъ личной поземельной собственности, мы не разрѣшимъ второй задачи, какую необходимо ставить аграрной реформѣ. Мы не освободимъ зе-

младѣльческія массы отъ эксплуатаціи, — напротивъ, еще обостримъ ихъ положеніе, такъ какъ затяжное раззореніе получитъ быстротечный характеръ.

Про третью изъ указанныхъ нами задачъ и говорить нечего. Институтъ личной земельной собственности, если онъ восторжествуетъ въ русской землѣ, явится впослѣдствіи самымъ главнымъ препятствіемъ для коллективизма. И это препятствіе будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ большая часть населенія сохранитъ земельную собственность, т. е. чѣмъ спокойнѣе пойдетъ теперь мобилизація и чѣмъ меньшей концентраціей она завершится. Экспропріировать владѣльцевъ обширныхъ латифундій, можетъ быть, будетъ и нетрудно, но съ массой мелкихъ собственниковъ пролетаріату нелегко будетъ сосчитаться.

Какъ бы то ни было, увѣренно выступить въ настоящее время на путь личной поземельной собственности мы не можемъ. Одни не рѣшатся на это „за страхъ", въ виду опасности, какую представляютъ изъ себя земледѣльческія массы теперь, и въ виду еще болѣе грозной опасности, какою явятся онѣ въ ближайшемъ будущемъ, если ихъ положеніе не будетъ улучшено; другіе—„за совѣсть", въ предвидѣніи тѣхъ бѣдствій, какія придется пережить всему рабочему народу, если изъ подъ его ногъ ускользнетъ послѣдняя опора—надѣльныя земли. И я уже говорилъ, съ какою готовностью сторонники личной поземельной собственности идутъ сейчасъ на компромиссъ, соглашаясь ограничить на время этотъ институтъ въ виду неотложной необходимости улучшить экономическое положеніе крестьянства.

Дополнительное надѣленіе крестьянъ за счетъ государственныхъ и помѣщичьихъ земель и является такимъ компромиссомъ. Сторонники этого метода рѣшенія аграрной задачи, представляющіе довольно пеструю по своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ группу, обыкновенно не договариваютъ, какая же будетъ дальнѣйшая судьба надѣльныхъ земель. Да и договориться имъ между собою въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, было бы трудно. Останутся ли эти земли закрѣпленными за однимъ изъ сословій въ нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи не то частной, не то государ-

ственной собственности? Или личное право на нихъ будетъ расширено? Или же проектируемое дополнительное надѣленіе, это — только первый шагъ на пути ограниченія права частной собственности?

Въ какую сторону долженъ будетъ эволюціонировать институтъ надѣльнаго землевладѣнія? Состоявшійся въ концѣ апрѣля аграрный съѣздъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Также нерѣшеннымъ остался и вопросъ, на какихъ началахъ должно быть произведено дополнительное надѣленіе: на прежнихъ или на какихъ либо новыхъ? Должна ли выкупленная у помѣщиковъ земля остаться въ собственности государства, или же она должна быть передана не только въ пользованіе, но и въ собственность общинъ и даже отдѣльныхъ лицъ? Что касается болѣе широкихъ круговъ общества, то для нихъ вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ надѣльнаго землевладѣнія представляется совершенно темнымъ. „Жизнь сама рѣшитъ,—обыкновенно слышимъ мы въ такихъ случаяхъ, и не желающіе или не рѣшающіеся заглянуть впередъ общественные дѣятели готовы предоставить его рѣшеніе каждой общинѣ въ отдѣльности.

Какое послѣдуетъ рѣшеніе, если государство въ неизбѣжной борьбѣ за землю ограничится чисто наблюдательною ролью, предусмотрѣть не трудно. Побѣда, несомнѣнно, окажется за тѣмъ, кто сильнѣе,—въ данномъ случаѣ за тѣмъ, кому выгоднѣе личное право на землю. Но вѣдь возврата въ данномъ случаѣ нѣтъ. Вѣдь если надѣльная земля въ той или иной общинѣ перейдетъ въ личную собственность то опять общинной сдѣлать ее будетъ уже невозможно. Сегодня въ одной общинѣ чумазый лэндлордъ одержитъ побѣду, завтра—въ другой, послѣзавтра—въ третьей. Не обязанъ ли общественный дѣятель предвидѣть эту перспективу—перспективу обезземеленія крестьянской массы, хотя она и будетъ дважды надѣлена землей? И зачѣмъ въ такомъ случаѣ это дополнительное надѣленіе? Не есть ли это только отсрочка?

Нѣкоторые, повидимому, такъ и смотрятъ на эту мѣру. Они не видятъ надобности въ преобразованіи аграрнаго строя или, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не думаютъ. Всѣ

бѣды устранить и всѣ язвы излѣчить они надѣются исключительно культурными средствами. Дополнительное надѣленіе, это—именно отсрочка, только палліативъ, который долженъ дать передышку деревнѣ и сдѣлать ее воспріимчивой къ той культурной влагѣ, какою ее оросятъ гг. культурники. Когда же культура процвѣтетъ, то и соціальныя невзгоды исчезнутъ.

Нетрудно, однако, понять, какъ шатки эти разсчеты на дополнительное надѣленіе. Крестьяне получатъ еще по полдесятины или по десятинѣ на душу. Надолго ли хватитъ этой передышки? Не успѣютъ ли гг. культурники ввести даже общедоступное обученіе, какъ крестьянство вновь будетъ охвачено самымъ острымъ малоземельемъ.

Сорокалѣтній опытъ что-нибудь да значитъ. Не случайность, что крестьянинъ послѣ освобожденія, вмѣсто того, чтобы выступить на путь „прогрессивныхъ улучшеній", сразу оказался въ положеніи „подневольнаго батрака" и „вынужденнаго арендатора". Чтобы избѣгнуть этой участи, тогда достаточно было, казалось бы, сдѣлать небольшой шагъ въ сторону культуры, даже для тогдашняго времени посильный. И всетаки этого шага мужикъ не могъ сдѣлать и не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ онъ его и послѣ въ теченіе сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ. Сдѣлаетъ ли онъ его теперь, если соціальное положеніе его останется прежнимъ?

Да и можетъ ли земледѣльческая культура расцвѣсти при нынѣшнемъ строѣ земельныхъ отношеній? При господствѣ мѣноваго хозяйства культуру вѣдь диктуетъ рынокъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, орловскій крестьянинъ перейти къ стойловому содержанію скота или заняться огородной культурой злаковъ, если въ болѣе близкихъ къ рынку южныхъ степяхъ царитъ переложное хозяйство. Для того, чтобы процвѣла культура, необходимо, чтобы орловскій крестьянинъ перенесъ все свое хозяйство въ эти степи, а не ходилъ туда изъ года въ годъ только на косовицу. Необходимо, чтобы населеніе предварительно разселилось и распредѣлилось соотвѣтственно требованіямъ культуры. Между тѣмъ, при данномъ аграрномъ строѣ, когда земля закрѣп-

лена за сословіемъ и даже за мелкими его группами, сдѣлать этого оно не можетъ. Такимъ образомъ, даже съ культурной точки зрѣнія отсрочка, въ видѣ дополнительнаго надѣленія, можетъ оказаться безцѣльной.

Произвести теперь аграрную реформу въ этомъ духѣ,— это значитъ въ сущности только затянуть мучительный компромиссъ, какой достался намъ отъ освободительной эпохи. Мы должны быть благодарны дѣятелямъ послѣдней, что они отстояли массы отъ обезземеленія. Они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ. Но теперь пришла пора расширить задачу. Демократическія силы въ русскомъ обществѣ настолько уже выросли, что ограничиваться топтаніемъ на мѣстѣ мы не въ правѣ. Мы должны теперь сдѣлать рѣшительный шагъ въ сторону обезпеченія трудящихся массъ не только отъ обезземеленія, но и отъ эксплуатаціи.

Этотъ шагъ можно сдѣлать только въ одномъ направленіи. И я скажу, что нужно дополнительное надѣленіе, но только на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ оно было произведено раньше. Если ужъ приходится отчуждать землю у однихъ частныхъ лицъ, то незачѣмъ передавать ее другимъ частнымъ лицамъ и незачѣмъ закрѣплять ее за сословіемъ и тѣмъ болѣе за отдѣльными дворами, общинами и селеніями. Напротивъ, и ранѣе надѣленную землю нужно освободить отъ цѣпей, какими приковано къ ней населеніе; освободивъ землю, мы освободимъ и личность.

Для этого есть только одинъ путь,—переходъ всей земли въ собственность всего народа. Только такимъ путемъ мы разрѣшимъ всѣ задачи, какія можно ставить аграрной реформѣ. Сдѣлавшись собственникомъ своей территоріи народъ получитъ возможность дѣйствительно вполнѣ свободно размѣститься на ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ избавится отъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ эксплуатаціи, ибо эксплуатировать его будетъ некому. Разрѣшится вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о рентѣ, которую уже не трудно будетъ обратить на общественныя надобности.

Само собою понятно, что переходъ земли въ собственность государства нельзя себѣ мыслить въ видѣ увеличенія размѣровъ нынѣшняго казеннаго землевладѣнія. Нынѣшній

институтъ государственной земельной собственности долженъ подвергнуться существенному преобразованію. Государственныя земли должны получить совершенно опредѣленное назначеніе: право на нихъ должны имѣть трудящіеся. Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе этими землями должно быть передано народу въ лицѣ центральнаго и мѣстнаго, организованнаго на демократическихъ началахъ, представительства.

Содержаніе.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-Петербургъ—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся за книгами непосредственно въ контору журнала письменно—пользуются даровой пересылкой, лично—уступкой въ размѣрѣ 20%.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье* 1905 г.—368 стр. Ц. 1 р.
Естествознаніе и исторія.—Процессъ исторіи.—Величина прогресса въ человѣчествѣ.—Цѣна прогресса.—Дѣйствіе личностей.—Культура и мысль.—Личности и общественныя формы.—Растущая общественная сила.—Знамена обществ. партій.—Идеализація.—Національности въ исторіи.—Договоръ и законъ.—Государство.—Естественныя границы государства.—Критика и вѣра.—Теорія и практика прогресса.—Цѣль автора.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.
Народный читатель.—Лубочная литература.—Практическая дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы.—Прогрессивная спеціально-крестьянская литература.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Смѣна теченій.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели.—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г.—501 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Характеръ англичанъ.—Англійская полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ".—Земли.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. Т. I. (Печатается).

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд. 1904 г.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

И. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Народъ и его характеръ.—Общественные классы.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г. — 222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка.— На мельницѣ. — Облачко.— Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.— На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.—Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій.—Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ. — Иванъ Грозный въ русской литературѣ. — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя. — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". — Основы народничества Юзова. — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.— Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ницше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г.—504 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 к.

Московскій работный домъ.—По этапу.

С. Подъячевъ. Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Изъ земской жизни.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти. — Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

— ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. 1905 г. Ц. 70 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. 1905 г. Ц. 30 к.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика*. Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

— Часть II. *Публицистика*. Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

Различныя ученія о доходѣ съ капитала.—Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди.—Генри Джорджъ, какъ экономистъ.—Новый курсъ политической экономіи.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я.—П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное изд. 1905 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, съ краткими характеристиками послѣднихъ. Въ книгѣ больше 30,000 стиховъ.

Въ конторѣ журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО" продается

НОВАЯ КНИГА:

Въ защиту слова.

Сборникъ статей, замѣтокъ и стихотвореній: **Н. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, Діонео, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чирикова, П. Я.** и мн. другихъ.

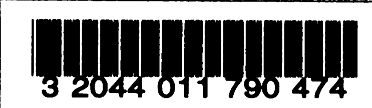
Третье изданіе **безъ перемѣнъ**

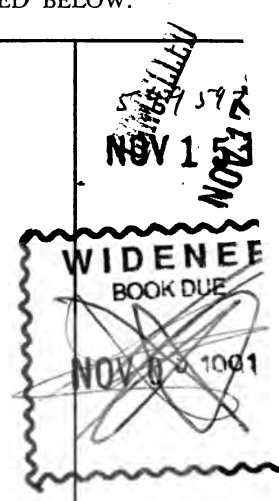
Цѣна 2 руб.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **КРЕСТЬЯНЕ и РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.** Изд. второе. Цѣна 25 коп.

2) **ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА.** Цѣна 20 коп.

3 2044 011 790 474

WIDENE
BOOK DUE

